

Архипелаг «Колхоз»

*Составители и редакторы
– И.А.Стернин, В.В.Инютин*

**Воронеж
Изд. дом ВГУ
2016**

В книге представлены воспоминания преподавателей и студентов филфака и журфака ВГУ о временах студенческих «колхозов», образцы «колхозного творчества» студентов и преподавателей, газетные публикации о сельхозотрядах, некоторые фотодокументы.

Для широкого круга читателей.

Составители и редакторы – И.А.Стернин, В.В.Инютин

© Стернин И.А., Инютин В.В. –
составление, редактирование

Рецензенты: проф. Л.Е.Кройчик, доц. В.С.Листенгаген

«Архипелаг КОЛХОЗ». Книга воспоминаний. - Составители и редакторы И.А.Стернин, В.В.Инютин. - Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – 225 с. 100 экз.

Слово ректора

Это очень необычная, можно сказать, уникальная книга. Уже довольно много написано и сказано о студенческих стройотрядах, о стройотрядовском движении.

А вот об осенних студенческих сельхозработах не пишут, хотя и вспоминают, встретив друзей студенческой юности. А ведь они были заметным событием в жизни многих студентов и преподавателей университета. Авторы книги пытаются вернуть память об этом всё-таки замечательном прошлом.

Авторы вспоминают, как учились работать, как складывались отношения, как формировались взгляды и понимание мира. Речь о том, как человек входил в университетскую жизнь (не только в аудитории), о том, как он становился и развивался по - университетски.

Это очень субъективная книга, и она, как и отмечают авторы-составители, отражает их личное видение «колхозов», личный опыт участия в сельхозработах, не претендуя на «истину в последней инстанции».

Это весёлая и грустная книга. Уже более 20 лет студентов не посылают в «колхоз». Значит, для авторов этой книги она как воспоминание о молодости, прошедшей и невозвратимой, но оживающей постоянно, помогающей жить.

В сущности, эта книга не только об уборке урожая, а о судьбе и о душе человеческой. О том, что важно для всякого читателя во все времена.

Эта книга, на мой взгляд, закономерно войдет в число изданий, предпринятых университетом в ходе подготовки к его вековому юбилею. Университетский век вобрал в себя многое, в том числе и многолетний период участия студентов и преподавателей в сельскохозяйственных работах, где не только выполнялись производственные задания, но и шла проверка молодости на способность и умение жить в коллективе, складывались коллективные и личные отношения, «протягивалась линия» взаимодействия преподавателей и студентов.

Книга, которую я представляю читателям - и документ времени, и откровенные личные воспоминания, и заметная страница университетской истории. Уверен, что она будет интересна всем поколениям университетских людей. И она будет интересна не только ВГУ, но и другим вузам, поскольку «школа колхоза» была в послевоенное советское время обязательной составляющей вузовской жизни для всех. И наш университет «проходил» ее вместе со всеми.

Д.Ендовицкий

Об этой книге

*Посвящается студентам и преподавателям
филфака и журфака ВГУ, ветеранам «колхозов»*

Эта книга – сборник воспоминаний о студенческих «колхозах» - осенней работе студентов и преподавателей вузов на уборке урожая и о том, что с этими событиями было связано.

«Колхоз» - такое же событие в жизни любого учившегося в вузе советского человека, как субботники, работа горожан на овощных базах, дежурства в добровольной народной дружине и многие другие «трудовые повинности» прошлого. Кстати, в «колхоз» посылали и рабочих промышленных предприятий, сотрудников различных НИИ, об этом была масса анекдотов, юмористических рассказов.

Мы собрали воспоминания о работе в колхозах (и совхозах, но для студентов и нас это все равно был *колхоз*) студентов и преподавателей университета – филологов и журналистов.

Название «Архипелаг «Колхоз» предложил И.Стернин и одобрил В.Кулиничев, замечательный журналист, публицист, преподаватель факультета журналистики ВГУ, с которым мы много дней провели вместе в колхозах, и в начале 90-ых мы начали работать над этой книгой. Обсудили план, стали собирать материал. Вадим сделал несколько публикаций. Но он трагически ушел из жизни, и наша работа прервалась.

И вот сейчас мы решили эту работу завершить.

На встречах с выпускниками филологического факультета разных лет неизменно возникает тема колхоза, колхозные воспоминания с удовольствием обсуждаются. Многие наши бывшие студенты, с которыми мы были в колхозах, очень приветствовали наше начинание – написать о колхозах, присылали свои материалы (в семьях, оказывается, десятилетиями хранятся фотографии, стихи и сценки, сочиненные в колхозах!). Многие их материалы вошли в нашу книгу.

Зачем мы об этом пишем?

Во-первых, это большая и необычная часть нашей собственной жизни, обогатившая нас всех в самых разных сферах. Если сложить месяцы пребывания в колхозах за время работы в университете, у многих наших преподавателей выходит несколько лет!

Во-вторых, это даже не уходящая, а уже ушедшая натура – уже много лет студенты в колхоз не ездят, и хочется сохранить для истории эту часть нашей советской эпохи.

И, в-третьих, хочется осмыслить прошлое, по возможности объективно – что было хорошего и плохого в «колхозах», почему эти «колхозы» были нужны, какую роль сыграли поездки в колхоз в развитии и становлении молодых людей, да и в нашем собственном, преподавательском развитии.

Разумеется, «прошлое не было таким, каким мы его помним» - чья-то очень мудрая мысль. Прошло много времени, кое-что забылось, кое-что мы, может быть, помним неточно, но именно так осталось то или иное событие в нашей памяти. Помнятся веселые, забавные случаи, плохое забывается. Пусть так в основном и будут выглядеть наши воспоминания. Они, конечно, субъективны – но ведь все воспоминания всегда субъективны.

Мы описываем прошлые события так, как мы их сейчас воспринимаем. И выводы, которые неизбежно вытекают из нашего повествования, читатели могут сделать разные – мы предлагаем свои, но возможны и любые другие, учитывая опыт тех, кто, как и мы, был в «колхозах».

В альманах вошли воспоминания преподавателей и студентов о колхозных временах, в том числе воспоминания преподавателей о своих студенческих колхозных годах.

К сожалению, не все, кто хотел написать свои воспоминания о колхозах, смогли это сделать. Может, потом сделаем продолжение и они тоже примут участие?

«Архипелаг КОЛХОЗ» состоит из многих «островов», каждому из которых мы посвящаем отдельный раздел. Кроме того, в книгу вошли личные воспоминания филологов и журналистов. Публикуем мы и творческие работы преподавателей и студентов, сочиненные в колхозах – они позволяют представить себе колхозную жизнь во всей ее полноте, а также материалы СМИ о наших колхозах и сохранившиеся «колхозные» фотографии (те, что оказались лучше качеством).

Иногда воспоминания разных людей об одних и тех же событиях не совпадают – так осталось в их памяти, и мы ничего не исправляли, ничего не корректировали.

Фамилии и имена авторов воспоминаний приводятся так, как они сами подписали свои материалы.

Кому-то название «Архипелаг КОЛХОЗ» может показаться претенциозным, и он, видимо, будет прав. Но мы решили оставить такое название, которое было изначально придумано и которое содержит солженицинскую метафору – разные аспекты явления («острова»), значимые с точки зрения автора, раскрывающие разные стороны одного общественно значимого явления («колхоза»). Мы не претендуем, разумеется, на всеохватность, как Солженицин, но думаем, А.И. простил и понял бы нас.

И еще - мы решили оставить в книге вариант вступления, которое успели подготовить с Вадимом Георгиевичем Кулиничевым – когда все задумывалось. Вот оно.

«Архипелаг КОЛХОЗ»
(Колхоз глазами городского интеллигента)

В.В.Кулиничев,
И.А.Стернин

Как-то скучно сейчас по осени нам бывает. Правда, сейчас уже вроде бы и привыкаем, но первые годы, как грянула перестройка, ох как было нелегко... В колхоз мы перестали ездить со студентами...

Бывало – приходишь в университет после отпуска, перед началом учебного года одна мысль – когда и куда в этом году едем со студентами убирать урожай? Какой факультет бросит на это дело ректорат, какой курс бросит на это дело деканат? Уже давно запасены сапоги, бывалые штаны и куртки, перчатки, перехватывавшие и перекидавшие на машину не одну тысячу ведер с картошкой...

Мы уже знали свою судьбу, тем более что в 1975 или 1976 г. на филфаке немногочисленные мужчины-преподаватели приняли негласное постановление между собой – в колхоз ездим только мы, женщины-преподаватели больше ездить не будут. До этого ездили, и еще как... А потом приняли мы такое джентльменское решение, и с тех пор практически в одном и том же составе из года в год по осени – на поля.

Опыт мы приобрели огромный, руководить девочками-филологинями на картофельном поле научились, что называется, от и до. Закрома родины поглощали огромное количество студенческого и преподавательского труда, времени, физической и психической энергии, одежды и обуви. При этом наши коллеги, не поехавшие в колхоз, получали сентябрь, а то и октябрь дополнительного отпуска – зарплата идет, а студентов нет, учить некого.

Партийная организация получала дополнительный стимул к работе: надо обсудить и утвердить, кого их преподавателей послать со студентами, кого сделать главным (желательно, члена партии, чтобы потом можно было бы спросить с него по всей строгости, поставить его отчет на партбюро), да и тематика ежегодного октябрьского или ноябрьского партсобраний всегда гласила: «Об итогах сельхозработ факультета».

Опять же потом можно обсудить, кто и как из студентов себя вел, у кого какой обнаружился моральный облик на полях и в лесополосах, окружающих поля. Да и преподавателям можно будет почистить косточки – не выпивали ли лишнего, не увлекались ли там неуставными отношениями, блюли ли моральный облик преподавателя университета.

Комиссии наезжали в колхоз не раз и не два – ректорат, партком, деканат, партбюро. Да еще санэпидемстанция заедет, РОВД. Заедут на машине – «Где старший?» Спросят, как дела, пожелают успеха, поставят галочку – проконтролировали, оказали помощь и скорее уезжать – в другой колхоз.

Идеологическая работа должна была быть на высоте. Последние годы неизменно придавали сельхозотрядам комиссаров от кафедр общественных наук – чтобы «вели работу». Толку от них, как правило, было мало, хотя если удавалось “заказать” к себе в отряд живого человека, которого мы знали – бывало очень неплохо. Один организовывал футбол, другой пел песни под гитару, третий шахматные соревнования организовывал.

Какие же главные острова архипелага КОЛХОЗ выплывают в нашей памяти как наиболее заслуживающие внимания?

1. Сборы
2. Выезд, размещение, жилье
3. Местные
4. Привлеченные кадры
5. Комиссары, врачи, участковые.
6. Распорядок дня

7. Питание
8. Работа
9. Организация труда, функции местных руководителей
10. Отдых после работы
11. Оплата труда
12. Возвращение
13. «Колхозный строй» со стороны (взгляд филолога)

Вот такое было предисловие к ненаписанной книге.

И еще Вадим Георгиевич в середине 90-ых гг. опубликовал под псевдонимом *В.Денисов* в «Молодом коммунаре» свой небольшой очерк о нашем колхозном опыте – «Неумирающая деревня». Этот его очерк приводим отдельно в разделе «Что о нас писали».

*Составители и редакторы
И.А.Стернин, В.В.Инютин*

«Архипелаг КОЛХОЗ»

И.А.Стернин

Что такое «колхоз» для горожан?

Так называли в наше время принудительные сельхозработы горожан в деревне. Колхоз это или совхоз – для участников этого мероприятия не имело значения, все говорили «ехать в колхоз» (иногда говорили «на картошку») Это называлось «помощь селу». Существовал в обществе лозунг: «Поможем селу убрать урожай».

Ходил даже такой анекдот – внедрили в советский секретный НИИ американского шпиона, и вдруг ему говорят – поедешь в колхоз. Он спрашивает бывалых сотрудников, что это такое. Ему кто-то говорит – О, это хуже каторги! Он пошел в КГБ и написал признание - мол, я американский шпион. Ему говорят: - А что побудило вас сознаться? – Да вот, сказали, в колхоз отправят. Кагэбешник отдает ему его признание и говорит: - Вон отсюда! На что только люди не идут, чтобы в колхоз не ездить!

В разные годы мы убирали картошку (чаще всего), помидоры, яблоки, кукурузу, капусту, сахарную свеклу, кормовую свеклу, редко нас направляли работать на консервных заводах в районах области.

Щадящий режим – это однодневная работа на городских овощебазах, разбирать гниющие овощи и отбирать еще не сгнившие для магазинов, но студентов редко на овощебазы посылали. Это традиционно практиковалось для более старших по возрасту горожан из различных учреждений – НИИ, предприятий, больниц, библиотек. В фильме «Гараж» Э.Рязанова это отражено – академик на овощебазе свои визитные карточки вкладывал в фасуемую им картошку.

Что характерно: если кто-то из студентов или преподавателей начинал в колхозе ворчать – *почему нас заставляют ехать в колхоз, мы должны учиться, это не наше дело*, сельчане нам неизменно говорили – *вы же для себя собираете, нам ваша работа не нужна, мы себе на своих огородах вырастили, то, что нам надо. Это вам в городе есть будет нечего*.

И ничего не возразишь – так оно и было.

Итак, основные «острова» нашего архипелага КОЛХОЗ.

ОСТРОВА АРХИПЕЛАГА

Сборы

Конечно, каждый год мы знали, что колхоза не миновать. Готовились к этому все. В первую очередь - деканаты и партийные бюро факультетов. Все начиналось с утверждения на партбюро руководителя и преподавателей, которые будут руководить студентами. Приглашают утверждаемых преподавателей и объясняют необходимость нашего участия в сельхозработах. Этому делу придавался статус особенной важности.

Как сейчас помню - наш секретарь партбюро с важностью произносит об утвержденном совместно с деканатом составе преподавателей, направляемых в колхоз: «Да, сильная команда». При это сам ни студентом, ни преподавателем ни разу в колхозе не был.

Далее партком университета утверждает руководителей сельхозотрядов факультета (это называлось *сельхозотряд*) и назначает в каждый отряд комиссаров с кафедр общественных наук – истории КПСС, научного коммунизма, философии, в крайнем случае – с экономических кафедр. Они должны были осуществлять политическое руководство, присматривать за студентами и преподавателями – чтобы все соблюдали дисциплину, политическую благонадежность и нормы нравственности, то есть они отвечали за моральный облик сельхозотряда. Ездили обществоведы в колхоз весьма неохотно, пользы от большинства было мало, но комиссар должен был в отряде быть обязательно. Только в перестройку гуманитарным факультетам стали разрешать ездить без «внешних» комиссаров. Комиссаром у нас несколько раз был наш преподаватель В.Г. Кулиничев.

Потом происходит университетское собрание по поводу сельхозработ – партком, ректорат, ответственный от университета (долгие годы это был толстый и флегматичный начальник 1 отдела). Присутствовать должны были все ответственные от факультетов и преподаватели (последние, впрочем, обычно не ходили). Опять объясняют необходимость нашего участия в сельхозработах.

Далее – протокольный инструктаж по технике безопасности, каждый год одно и то же. Лозунг ответственного за сельхозработы каждый год был

один и тот же - «скольких увезли, столько и привезите обратно».

Потом руководители отрядов должны были сходить в горздравотдел на собрание – там инструктировали врачей и сестер, направляемых со студентами на сельхозработы. На инструктаж горздравотдела руководителю отряда надо было сходить.

Потом надо было организовать собрание со студентами на факультете – «по поводу выезда на сельхозработы». Объявляли, какие курсы едут, куда, кто из преподавателей поедет, что брать с собой, когда едем, где собираться. Я всегда просил студентов сходить зубы подлечить – чтобы в колхозе не заболели (сам делал это обязательно), предупреждали, что надо взять рукавицы, сапоги, теплую одежду и обувь. Всем все было понятно, но все равно некоторые студенты хитрили - не брали необходимого, а потом, как заехали и поселились, сразу начинали проситься съездить из колхоза домой за рабочей одеждой и теплыми вещами.

Надо было еще захватить с собой ватман, фломастеры, карандаши, краски, тушь цветную – для оформления наглядной агитации, тетради и бумагу для ведения учета - забирали все что есть, из деканата. Отдавали безропотно, и с кафедр тоже. Партком университета тоже кое-что давал.

Выезд

Ехали на автобусах, весело и шумно, обычно от главного корпуса. Автобусы иногда присылал колхоз, но чаще были обычные рейсовые автобусы, снятые с маршрутов. В автобусе студенты активно сговаривались, кто с кем будет жить в одной комнате, друзья старались попасть вместе.

Размещение, жилье

По приезде нам, преподавателям, надо было в первую очередь предотвратить стихийное заселение и рассчитать, кого куда поместить, иначе всегда оставались студенты, которых никто не хотел брать в свою комнату в общежитии. Распределение по комнатам – очень острая проблема, спорили, кто с кем хочет жить, пытались занять место для тех, кто еще должен приехать и т.д. Старшекурсники всегда старались на правах дедовщины захватить комнату поменьше.

В связи с этим мы в автобусах строго-настрого предупреждали, чтобы в общежитие никто сразу не бежал, ждали снаружи, пока мы осмотрим комнаты, составим списки и определим, кому куда. Тем более часто надо было собрать еще огромное количество железных кроватей, подогнать «грядушки» (воронежское слово, то есть спинки) к самим кроватям; нужны были молотки, топоры, чтобы забить кровати в пазы грядущек, кровати надо было потом таскать в общежитие и расставлять по комнатам. Кровати были обычно двухэтажные. Работа была очень тяжелая и утомительная. Кровати к грядущкам не подходили, приходилось долго

перетаскивать грядущки и кровати, искать «пару». Потом надо притащить матрасы, подушки, одеяла и постельное белье на 100 человек.

Мы постепенно начали посылать вперед перед заездом «квартирьеров» – ехали «своим ходом» несколько мальчиков и иногда с ними преподаватель - и заранее готовили комнаты.

Общежития в 100 процентах случаев – старые развалюхи. Нет стекол, форточки и двери не закрываются, полы прогнили. Надо звать колхозного плотника, чтобы чинил хоть кое-как. Важное дело – хороший запор на входной двери, обязательно будут к нам лезть. Да и двери в комнаты должны как-то закрываться. Я постепенно научился - привозил с собой крючки, гвозди, топор, и все запоры мы сами чинили и сами ставили.

Общежитие – это еще хороший вариант. Можно сказать – комфортабельный. В истории нашего «сельхоздвижения» - спали в клубе, а на сцене за занавесом жили мальчики или преподаватели - когда на кроватях, когда на полу. Девочки в зале, небольшое количество мальчиков - на сцене за занавеской. Бывало, жили в строительной прорабской, в бывших школьных классах и подсобках, в бывшем правлении. Какие уж тут гигиенические условия?

Постепенно все-таки стали селить нас в основном в общежитиях, как-никак - из года в год студенты приезжают. Иногда везло – в домиках лагеря труда и отдыха, свободного от детей осенью. Правда, в них было холодно, они никогда не отапливались.

Нужна была маленькая комната для преподавателей, важно - чтобы с розеткой! А то как вечером чай пить? Бриться как? Магнитофон, радио куда включить?

Мальчиков, если было можно, мы селили у входа в общежитие, рядом с преподавателями – для безопасности: легче поднять тревогу и занять оборону у входа.

Постоянный вопрос – санитария и гигиена. Надо было оборудовать комнату гигиены женщины, что далеко не всегда удавалось. Должна работать баня каждый день. С баней была проблема: девушки хитростью (высылали вперед своих) занимали баню, а мальчики и тем более преподаватели оказывались всегда последними, долго сидели в очереди.

Надо оборудовать умывальники около общежития, туалет должен быть поблизости. Если слякоть, дождь – должна быть дорога к туалету, иначе до него не добраться. Освещения надо добиться во дворе и около туалета.

В одном из колхозов студенты назвали туалет «Балканы» - за удаленность. Поздно вечером или ночью девочки ходили на «Балканы» целыми бригадами.

Кстати, о туалете. Как-то я остался в общежитии по какой-то причине, не пошел с утра в поле. Грязь была во дворе жуткая, непролазная, и до туалета было просто невозможно дойти. Эта была для всех проблема. Так вот, я организовал нескольких девочек, которые остались по болезни в общежитии, и с моим участием мы натаскали битых кирпичей и вымостили узкую тропинку до туалета. Качество жизни это, несомненно, улучшило. И

тут возвращается наш отряд с поля - студенты и преподаватели. И начинается жуткий хохот – почему-то над нами все смеются: Стернин дорогу в туалет построил! Выпустили боевой листок, где отразили и осмеяли этот факт, а Л.Е.Кройчик написал про эту ситуацию юмористическую поэму с эпиграфом: - *Кто построил эту дорогу? –Граф Клеймнихель, душечка.* Пользовались, однако, дорогой все весьма охотно. До сих по не пойму, что здесь было смешного? Но веселись почему-то все ужасно. Вспоминаю М.Твена: «Поживите месяц в прериях, и вы будете смеяться над чем угодно».

Сушилка была нужна – где сушить мокрую и постиранную одежду? Обогреватель должен быть в сушилке, его надо было «выбить» и еще обязательно научить девочек им правильно пользоваться – не класть свою одежду прямо на спираль, например. Такие попытки у филологов бывали неоднократно.

Свет должен быть у входа, в коридоре, в комнатах, розетки в комнатах. Получить лампочку в колхозе – целая проблема, неделями ходили и просили, преподаватели забирали лампочки себе и выдавали по необходимости.

Удлинитель привозили сами, это ценный для колхоза прибор. Но важно, чтобы не перегрузить сеть – девчонки об этом не думали, включали по несколько кипятильников, сушили волосы - все время выбивало предохранители.

Сначала пытались привозить телевизор с журфака, потом бросили – все равно видно плохо, да и смотреть его некогда, и ставить негде.

Настоящая проблема – отопление. Иногда колхозные электрики ставили в комнаты самодельные обогреватели - «козлы». Приедет пожарный контроль, наорет и кусачками обрежет свет при входе в общежитие. Я ему говорю: – А как мы будем жить в холоде? – А он отвечает – Это не мое дело, колхоз должен обеспечить. И ведь он прав. Решалось это так: он уехал, приходит электрик и снова соединяет провода – до следующего визита пожарника.

Были случаи, что от нас требовали, чтобы мы сами топили углем - мол, выделите кочегара, пусть топит, мы вам уголь привезем. Привезли, свалили в кучу около общежития. Мы выделили студента-филолога, который был очень задумчивый и совершенно не справлялся – уголь у него не горел, он и разжечь-то печку не мог никак, ничего он не умел. А потом стало ясно, что нас еще и с углем обдурили: местные увидели наш уголь и сказали – да вам пыль привезли угольную, она никогда гореть не будет, нужен кусковой уголь. А мы откуда знаем, какой уголь нужен?

Потом стал ездить с нами в колхоз инженер с журфака Валентин Яковлевич Гаршин, и тогда у нас все наладилось – он все умел, делал нам отопление, чинил свет, делал проводку, поправлял водопровод и много чего другого. Он все знал и умел, просто находка для нас, филологов.

Вообще, всякую мелочь в колхозе надо было выбивать с боем. Начальство считало – заехали, и пусть работают, постепенно все

устроится. А нам каково? В окна дует, щели в палец, холодно, вода только ледяная, свет все время гаснет. Начальства никакого никогда нет на месте, никто ничего не решает. Задача руководителя отряда – все эти проблемы решить. И при этом надо еще организовать работу на поле.

Но постепенно у нас все наладилось, сложилось преподавательское братство с четким распределением обязанностей преподавателей, вырос надежный и ответственный студенческий актив, каждый знал, что делать и стало гораздо легче и веселее.

Питание

Варианты были разные. Первый – готовили колхозные повара, наши студенты работали в столовой подмастерьями.

Работа на кухне освобождала от работы в поле, но вставать надо было раньше других. Впрочем, желающие всегда находились. Медработник, прикомандированный к отряду, должен был контролировать санитарию и гигиену на кухне. Иногда мы ставили преподавателя на контроль – надо было контролировать, сколько получено мяса, других продуктов, сколько закладывают в приготавливаемые блюда. Была норма – кормить на 1 р. 20 коп. в день на человека, повара составляли калькуляцию, преподаватель должен был ее подписать, подтвердив, что это все выдано и «скормлено» студентам. Воровали повара обычно мастерски, но проверить их было трудно, они были виртуозы. Особенно это касалось мяса (оно дорогое) и круп – нужно же им своих кур кормить. Стоимость украденного, естественно, включалась в расходы на студентов.

Студенты на кухне работали вместо поля, чистили картошку, резали овощи, мыли посуду, носили воду, получали мясо, продукты.

Была трудность, связанная с безопасностью труда – однажды студенты опрокинули бак с кипятком, ошпарились сами и ошпарили повара.

Плиты были обычно электрические, и это тоже часто становилось проблемой – свет часто отключали, и мы могли остаться без ужина или обеда. В некоторых столовых, правда, были и газовые плиты на баллонах.

Мы обычно сразу отказывались от обеда в середине дня – надо было привезти студентов с поля пообедать, а потом опять везти разомлевших бойцов в поле – это было крайне трудно, времени уходила на это полдня. Иногда привозили обед в поле – но есть на поле неудобно, условий нет, лучше было привезти полдник и раньше домой. Договаривались, что привезут в поле молоко, чай или компот с хлебом, это было более реально. Полдник – это еще и перерыв. Можно полежать полчаса в стогу или лесополосе.

Еще на поле привозили воду. Обычно какой-либо старичок на старой и послушной лошадке объезжал поле с бочкой и поил нас.

Водовозы вообще были всегда очень доброжелательные, подъезжали поближе к жаждущим. Водовоз делал круги вокруг студентов, студенты подходили к нему, когда он приближался к ним. Девчонкам лошадки нравились – они их подкармливали хлебом и гладили.

Большое значение имели вечерние чаепития.

Первостепенная ценность в колхозе - большие киловаттные кипятильники, которые можно было всунуть в бидон или на худой конец – в трехлитровую банку. Они, конечно, очень напрягали сеть, часто летели пробки (но наш инженер В.Я.Гаршин это сразу исправлял).

У меня был «чайный набор», как назвал это В.Кулиничев – я привозил туристический двухлитровый алюминиевый бидон для воды на 2 литра с кожаной ручкой (удобно, не нагревалась!), куда очень аккуратно входил кипятильник, его еще и закрепить на горлышке бидона можно было – очень удобно! Вскипала вода в таком устройстве очень быстро, что и было надо.

Представляете, он у меня еще сохранился – в целости и сохранности! Готов к использованию!

Чая пили много и часто – это замечательное средство для вечерних разговоров. Ценились сладости, которые привезли из дома, варенье, иногда кое-что можно было купить в сельском магазине. Ценились сушки (как-то наш декан Т.А.Никонова привезла нам в отряд несколько связок сушек, был большой пир), пряники.

Один раз ко мне приехала жена, привезла великую ценность – небольшой арбуз. Тащила в такую даль. На автобусе и пешком! Мы мечтали с преподавателями, что вечером угостимся таким деликатесом, предвкушали удовольствие. Приходим с работы – нет арбуза! Оказывается, доброжелательный В.В.Инютин отдал его студентке – лентяйке из лентяек, она сказала, что у нее плохое настроение, ей бы чего-нибудь сладенького, и он решил поднять ей настроение нашим арбузом. До сих пор не можем ему этого простить!

У нас был многолетний ритуал - вечерние чаепития преподавателей с лучшей на сегодня бригадой, которая собрала за день больше всего ведер на человека. Мы угощали ребят, чем могли. Шутили, смеялись, пародировали друг друга, вспоминали забавные ситуации на поле и после него.

Одежда

С одеждой была проблема. У многих городских студентов и студенток не было подходящей одежды, им приходилось специально покупать «для колхоза» обувь, теплые дешевые куртки, рукавицы. Помню, была как-то у нас была в колхозе одна довольно высокомерная студентка, у которой родители долго работали за границей и которая поэтому училась в школах при посольствах. Одета она была, по нашим представлениям, ну совсем не для поля – она работала в таких джинсах, в которых большинство наших девчонок с удовольствием ходили бы в университет, да у них не было таких и достать такие было в стране невозможно. В это время джинсы были весьма дорогой и модной одеждой. Я ей как-то сказал об этом, предложил носить что-либо более «рабочее», на что она сказала мне: «У меня просто ничего хуже этого нет». Я ей сказал – ну хоть старые джинсы надевай, на что она сказала «У меня все одинаковые». Так «воспитать» ее и не удалось.

Преподаватели тоже колхозную одежду обычно покупали. Большинство преподавателей освоили сапоги – самая удобная вещь для колхоза. Я ездил в армейских брюках, в которых пришел «на дембель», и в сапогах (но их купил специально, из армии мы пришли в ботинках). Интересно, что после армии в колхозе я почему-то долго не мог решиться подвернуть голенища у сапог, чтобы было не так жарко – вроде не по уставу, в армии это строго запрещалось, и у меня это сидело в памяти очень четко – вот как «въелся» в сознание армейский распорядок! А мой друг Валентин Инютин, который тоже ездил в сапогах, в этом смысле никаких комплексов не имел и сразу

свои подвернул. Глядя на него, через некоторое время это же сделал и я, надо сказать, не пожалел об этом все последующие годы. Очень удобная вещь ходить по полю, бездорожью, в грязь и дождь.

Колхозная куртка, сапоги, рукавицы, кипятильник с бидоном – все «колхозное» хранились дома на антресолях с осени до следующего колхоза, все равно было известно, что поедем.

Распорядок дня

Вставать приходилось для горожан рано – в шесть-полседьмого, к 9 часам надо было обычно быть на поле. Вставать не хотелось. Я брал с собой будильник. Иначе не проснешься вовремя. Больше обычно никто в отряде будильник не брал.

Ходил утром по коридорам, стучал в двери и кричал «Подъем!», чем вызывал всеобщую ненависть.

В последние годы наш преподаватель А.Скобелев завел традицию – включать по утрам громко песню Высоцкого «Банька». Наш инженер Валентин Гаршин сделал нам радиофикацию общежития – ставили большой динамик в коридор и включали. Чуть отвлечешься - кто-то из студентов выскочил из комнаты и выдернул штекер - «Банька» замолкла. Опять включаем.

Ну, никому неохота вставать! По 10 раз стучишь в комнату – ребята, умываться, одеваться и в столовую! Ехали или шли на поле обычно от столовой. Важно было, чтобы все пришли в столовую в рабочей одежде и с ведрами – всегда были такие, кто хотел после столовой снова улизнуть в общежитие, якобы что-то взять или надеть. И его потом там долго не найдешь. Надо было подгонять постоянно, пока не посадим всех в автобус, который идет на поле. Главное было – как можно быстрее и организованнее вывести отряд на поле.

С каждым автобусом на поле со студентами должен ехать преподаватель. Иногда водитель с утра уже выпил, отказывались с ним ехать, а других нет – идите тогда пешком несколько километров.

Крайне бывало обидно, когда мы приходим на поле – а оно не распаханно, или нет машин, мешков. Бойцы начинают роптать – зачем так рано приходите тогда? А что им ответить?

Перерыв делали на полдник, когда его привозили, где-то в 11.30-12.00. Отдыхали примерно полчаса, лежали у стогов или в ближайшей лесопосадке.

Работали часов до трех или полчетвертого – сокращенный рабочий день положен, если нет обеда. Это по трудовому кодексу. После рабочего дня, если шли домой пешком, маршировали с песнями и всякими припевками.

Умыться и - обед. Наконец, можно полежать...Отдых.

Ужин часов в восемь, на него не все и ходили, устраивали себе закуску и вечерний чай в общежитии.

Отбой в 23.00, но мало кто в это время ложился спать. Иногда в это

время только жизнь начиналась – общественная, а также личная.

Организация работ

Организация работ на поле руководством колхозов была в подавляющем числе случаев отвратительная, если не сказать – ее вообще не было. Хозяйства, их работники всех руководящих уровней – от председателя или директора до бригадиров и учетчиков были избалованы ежегодным дармовым трудом студентов и обычно не напрягались. Формула была такая – *вы приехали помогать, так помогайте; вы же не в первый раз в колхозе, должны сами все знать и уметь*. Преподаватели обязаны были привести к назначенному времени «контингент» на поле, а там уж – как сложится.

Постоянные проблемы на поле – на распаханы картофельные грядки, или трактористы на поле, но не работают: «поломался», ждем механика. Лежит на поле около трактора, закрыв глаза. И мы сидим на поле вокруг него.

Без конца нет тары – достаточного количества мешков, не хватает ведер, ящичков. Ящики мы сами чинили на поле – я привозил из дома маленький туристический топорик, требовали от колхоза гвозди и на поле чинили развалившиеся ящики, чтобы было куда складывать помидоры.

Нет машин, куда мы должны грузить картошку – сидим, лежим в бороздах, простаиваем. Отвратительно состояние тупого простоя – расхолаживает студентов, расхолаживает преподавателей, зреет тупая ненависть к колхозному начальству и работникам колхоза, которые не могут нормально выполнить свои обязанности. Зачем нас сюда привезли? Кому мы здесь нужны, если тут нечего делать? Пресловутый *фронт работ* – где ты?

Машины были колхозные, но чаще – их присылали из города, это были прикомандированные машины, которые должны были с утра приезжать и везти картофель в город. Приезжали с опозданием – а что с ними сделаешь? Его какое-то предприятие послало на уборку, оно его выделило и больше оно его работу не контролирует. И здесь никто его не контролирует – он же прикомандированный. Прикомандированные машины уезжали очень рано – мы до обеда нагрузим, они уедут и больше не возвращаются, хотя вполне могли бы. Водитель вне контроля, на работе его не ищут – он в колхозе, а где он после обеда на самом деле – никто не знает. Водителю лафа.

Некоторые водители не давали грузить полную машину – *я не выведу тогда с поля*, – и были, наверно, правы. А нам куда девать собранную картошку? Опять сидим.

Как-то убирали капусту. Рубим кочаны – а машин нет, грузить некуда. Сложили в кучи. Пошел дождь. Пошли домой. Все насквозь вымокли, пока дошли до общежития. Дождь кончился, вся одежда у всех мокрая, сушилки не хватает на всех. И тут приезжает на тракторе агроном – в обед пришли

из города машины, ради бога, дайте студентов хоть из куч капусту погрузить.

Кликнул добровольцев – у кого было что-то сухое, сам пошел с ними обратно на поле. Собралось человек 15, в том числе вызвалась наша факультетская поэтесса Лиля Гущина, которая внезапно приехала вечером в колхоз из города – без рабочей одежды. Пошла с добровольцами - в короткой юбке, с голыми грязными ногами, в каких-то несурзных тапочках, но весело и задиристо. Пришли на поля – и увидели эти машины. ...Это были спецмашины – пескорозбрасыватели (для зимних дорог), у них не кузов, а воронка для песка, куда капусты войдет всего-ничего, да и кидать капусту очень высоко, еще надо попасть.. - Других машин не было, говорят – скажите спасибо, что эти прислали. Это мы должны сказать им спасибо почему-то.

Что делать – все равно накидали, сколько могли. Я спрашиваю агронома – А сколько туда входит капусты? -- Откуда я знаю, - говорит, - мы их все равно не взвешиваем на весовой. – А почему не взвешиваете перед погрузкой?. – Да некогда нам ездить туда-обратно. - Как же тогда вы узнаете вес собранной и вывезенной капусты? – А мы ставим среднепотолочное.

Тут я понял, чем такие машины удобны – машина и машина, а сколько на ней вывезено – среднепотолочное, сколько хотим, столько и запишем.

Накидали капусту, машины уехали. Пошли пешком по грязи домой. И тут идет попутный самосвал! Строго-настрога запрещено ездить в самосвалах! Но я торможу и прошу – Христа ради, довезите до общежития, все девушки грязные и замерзли! Водитель согласился. Помогая друг другу, залезли в высокий самосвал – там было ненамного чище, чем на дороге после дождя, но зато едем, счастливые. Самосвал гонит, и вдруг резко тормозит, мы все в кузове падаем кто куда... А с колеса залезает в самосвал Лиля Гущина в своей короткой юбке и с еще более грязными ногами – она раньше ушла и с нами в самосвал не попала. И она нам говорит: - Только путем унижения, только путем унижения.... - Какое унижение? - спрашиваем мы ее. А она, оказывается, увидела самосвал и встала перед ним на колени прямо на дороге...

После 12-13.00 машины больше не приезжали. А мы с урожаем остаемся в поле.

Начальства никогда нет на месте – нет председателя, директора, агронома, экономиста, бригадира, коменданта общежития. Узнать что-либо невозможно. Надо узнать у местных, где они живут и пойти к ним домой – близкий конец с поля... А они обычно дома у себя, своим хозяйством занимаются.

В одном колхозе с нами работал «столбовой агроном» - так его называли студенты: приезжал утром на поле и стоял столбом посередине. Иногда кричал: «Руководитель! Идите сюда!». Ни на один вопрос он ответить не мог. Если мы его допечем - Где машины? - он скажет: – Пойду в правление, узнаю! И больше мы его в этот день не увидим.

Поймаем агронома или председателя: - Будут машины? - Обещали.

К их оправданию – основной транспорт был действительно из города, водители приезжали на один рейс и говорили - больше не приеду.

В субботу и воскресенье вообще никого из начальства никогда нет, у них выходной, а мы обычно работаем – нам неохота лишний день сидеть без дела. Но иногда делали в воскресенье выходной в отряде.

Организовывали работу на поле мы сами. Научились. Преподаватели помогали отстающим бригадам – носили ведра. Переводили лучшие бригады вперед – на грядки отстающих, чтобы помогли отстающим – прошли у них часть грядки впереди.

Были и лентяи. Был забавный студент-журналист Мираб Панаёти, все время жаловался на болезни, травмы и т.д. Я запомнил его фамилию по стихам Кулиничева:

*Зачем Мирабу Панаёти
Вы очень сильно руку жмете,
Она ведь у него больна
И делать этого не на....*

Мираб на поле развивал теорию, что у женщин таз устроен особым образом, чтобы им было легко нагибаться, а вот мужчина не может и не должен такую работу выполнять. Дело в том, что мы все – и девочки, и мальчики - дергали тогда кормовую свеклу, ему очень не хотелось идти по грядке и нагибаться.

Я вызвал его на соревнование. При большом стечении зрителей отмерили 10 метров грядки и мы пошли, и я его обогнал, доказал, что и мужчины тоже могут дергать свеклу.

Мы всегда проводили соревнование бригад – кто больше ведер соберет на человека. Мы пришли к выводу, что бригады можно формировать разного количественного состава – дружат три девочки и мальчик, пусть образуют бригаду, а другая будет 10 или 15 человек. Грузчики – мальчики выделялись в обычно в особую бригаду.

Рекорд наших колхозов, как мне помнится, 101 ведро на члена бригады в день. А студент журфака Герман Полтаев, сейчас один из самых известных воронежских журналистов, установил абсолютный рекорд для грузчиков - он нес к машине одновременно 8 ведер с картошкой, по 4 (!) ведра в каждой руке! Дело кончилось в тот день сердечным приступом. Правда, потом на одной из студенток, которым он носил ведра, Герман женился.

Когда убирали капусту в Гремячем, рядом был полигон вертолетчиков. Они летали над нашим полем на полигон и возвращались тем же путем. Так они отстреляются на полигоне и хулиганят на обратном пути - пронесутся над полем низко-низко, и все девчонки падают от ветра в капустные грядки.

Если погода плохая, ребята устали, приуныли – В.Куличничев, А.Смирнов, В.Инютин поднимали дух бойцов своими анекдотами и байками. Да и студенты не отставали. Помню, начало октября, сильный

холодный ветер, собрались тучи, резко стемнело и вдруг – о ужас! – снег пошел крупными хлопьями! Все приуныли капитально. И тут идет по полю преподаватель журфака В.Козырев и усмехается: - Представляете, Эдик Бояков с журфака так прокомментировал ситуацию:.. –Да.... Сейчас бы арбузика холодненького и в мокрой маечке на мотоцикле по трассе!...

Колхозное начальство

Я уже отмечал, что главное впечатление от начальства – его никогда нет. В другом отделении, в город вызвали, на току, на весовой, на складе, в гараж поехал – а вы его не встретили? Бригадиры – их просто не найти, они всегда «в другом отделении». Электрики, плотники, комендант общежития (крыша течет, свет погас, постельного белья не хватает и т.д.) никогда не найти – это люди совершенно неуловимые. А они обычно дома у себя, женщины своим хозяйством занимаются, а мужики курят на лавочке перед домом.

- Председатель где? – Вызвали в район. Справедливости ради, скажем, их действительно часто дергали в район – «обязательно прибыть лично». Вот еще дополнительный повод – не быть в хозяйстве, а никакие проблемы без него не решаются.

Обязательна для председателя внешняя насупленность, несвязное бормотание, бурчание вместо речи. Схема мышления у него такая: все изначально плохое, бездельники, все заранее во всем перед ним виноваты, на всех надо наорать, лучше матом, только тогда будут работать.

И при этом полная, можно сказать феодальная зависимость людей от председателя или директора, абсолютное их бесправие перед «хозяином». Рядовые люди в колхозе совершенно бесправны. Помню, директор совхоза по фамилии Песков при всех в правлении материл пожилого тракториста, пришедшего по какому-то делу, а потом рычит: “Пошел вон! Приходи, когда у меня злость на тебя пройдет”. Тот послушно развернулся и, опустив голову, ушел. Старушка пришла, просила досок починить сарай – не дал: «Нет у меня досок для тебя». Прямо по Н. Некрасову...

У нас создавалось впечатление полного отсутствия у колхозников интереса к работе в колхозе. Конечно, были в колхозе добросовестные люди, но они в колхозе десятилетиями никак начальством не поощрялись.

Помню, банщик, он же водовоз и истопник – тихий, добросовестный старик, прошедший войну. Вот он работал добросовестно, всегда все у него было в порядке, всегда появлялся вовремя. Мы ему по окончании работы дали премию наличными – 100 р. Он был потрясен: за 50 лет работы в колхозе он два раза получил премии по 20 р. На таких должностях работают в основном старики, прошедшие войну, инвалиды. Добросовестными бывали пожилые колхозные повара-женщины. Добросовестных молодых работников как-то не попадалось. За 20 лет хороших, настоящих деловых бригадиров, болеющих за свое дело мне не попалось ни разу.

Интерес к своему подворью у всех сельчан, конечно, всегда был, здесь они, как правило, преуспевали, особенно руководство.

Председатель всегда имеет в селе лучший дом и строит еще один для детей, имеет «Волгу». На своей «Волге» по колхозу не ездит, бережет, ездит на колхозном уазике. У него всегда бесплатный колхозный бензин, лучшие стройматериалы, трактор вспахать огород всегда в его личном пользовании.

Специалисты тоже в основном люди зажиточные. Хорошие дома, большие огороды. Экономист – всегда себе на уме, все очень хитрые. Они очень быстро ориентируются в изменении обстановки. Когда колхозы и совхозы в перестройку стали сыпаться, в одном хозяйстве, мы наблюдали, экономист сразу купил себе совхозный комбайн, агроном – трактор, завгар – грузовики. Все списали, а сами тут же купили за копейки.

Удивляло, как много в правлении экономистов, бухгалтеров и учетчиков – целое правление сидит, а в поле никого нет.

Людей в селе было, на наш взгляд, в целом достаточно, но в колхозе или совхозе работали единицы.

Помню, прихожу на планерку в правление к 7 утра. Пришел я первый, дверь в правление открыта, вошел. За столом сидит директор совхоза, опустив голову и обхватив ее руками. Я поздоровался – он мне не ответил. Я сел. Постепенно стали подходить специалисты, бригадиры, зав. отделениями. Входили, не здороваясь с начальником, молча, как-то обреченно садились, изредка тихо перебрасывались репликами друг с другом. Директор головы не поднимал, сидел, обхватив голову, и смотрел в стол перед собой. Все пришли, все стулья заполнены, все молчат. До сих пор гадаю, как он, не поднимая головы, понял, что все пришли?

Тут он поднимает голову, обводит всех напряженным взглядом и начинает строго орать на каждого, кто сидит пред ним, по очереди на одного за одним: - Ты почему вчера...? Я что тебе говорил - что ты должен был сделать? Почему не сделано...? И т.д. Крупно пересыпает свои высказывания матом. Все молча слушают, практически никто ничего не отвечает. Мне одному только от него не досталось, хотя я уже и готов был тоже «получить».

После этого директор вдруг резко снизил тон, перестал орать и уже обычным деловым тоном стал раздавать поручения на сегодняшний день. Мне сказал: – Ну вы знаете, что вам делать. Начался деловой диалог.

Признаюсь – директорам и председателям не позавидуешь. Людей в хозяйстве мало, остались в основном старики, инвалиды да пьяницы. Действительно, за работой нужен глаз за глаз. Но почему-то орать везде считалось более эффективным способом работать, чем собственно организовать работу, поехать на поле, лично проверять исполнение и организовывать работу.

Помню, сидит на планерке полная миловидная женщина – зоотехник, и плачущим голосом говорит директору: - Ну когда мне на ферму плотника пришлете? – Зачем тебе плотник? – Ну я же вам говорила еще на той

неделе, забор упал. – Почему упал? – Да я же вам говорила, Федька-тракторист запил, три дня коровам корм не привозил, коровы оголодали совсем, проломил забор и ушли сами пастись...

Кстати, одно из распоряжений директора в этот день звучало так: - Сегодня всех на свеклу! Или хотя бы человек десять!

На этом инструктаж закончился, все встали и вышли, а он остался сидеть за столом. Руководство осуществлено.

Я вышел и спросил у агронома, а сколько всего людей работает в совхозе. Меня как-то смутило выражение – *всех, или хотя бы человек 10*. Агроном сказал: - Баб-то? 14 человек.

Я потом выяснил, что в совхозе были три категории работников - механизаторы, доярки и «бабы» (так называли полеводов, то есть тех, кто должен был обрабатывать поля от сорняков, собирать картошку и помидоры и пр., то есть делать то, на что позвали нас).

Кстати, директоров совхозов постоянно переводили из одного хозяйства в другое, мы с одними и теми же начальниками встречались в разные годы в разных хозяйствах – он развалит одно, его снимут и переведут в другое, более разваленное. Это, кстати, хорошо описано у Г.Тропольского в «Прохор XVII, король жестянщиков». Как же, опытный хозяйственник, ценный кадр...Ротация, однако.

Нравы

Самое огорчительное – это пьянство местных жителей, практически поголовное пьянство мужского населения.

Мужик в деревне при нас умер от самогона – купил, выпил и отравился. Похоронили всей деревней. Хоронить везли в грузовике, стоя вокруг гроба. Вернулись и помянули его тем же самым самогоном, что у него дома остался.

По действовавшей для полеводов инструкции, если до поля меньше трех километров – надо ходить на работу пешком, а если больше трех – хозяйство должно возить. Надо агроному или директору еще с пеной у рта доказать, что уже есть 3 км, мы уже на дальнем конце поля. Тогда дают автобус.

Водитель, который возил нас на поле, нередко уже с утра приезжал пьяный. Откажемся с ним ехать – тогда несколько км до поля по грязи пешком идти. Каждый раз дилемма - что делать. Девочки просили – ну, пожалуйста, давайте поедем – идти далеко. Рисковали, ехали, обязательно с преподавателем. Как-то обошлось.

В одном совхозе директор, которого, по иронии судьбы, звали как Станиславского - Константин Сергеевич, практически всегда был сильно выпивши, так как-то ночью он по пьяни пытался залезть к девочкам в общежитие через форточку, но застрял.

Нашему коллеге Льву Ефремовичу, видному и авторитетному у студентов преподавателю, он говорил возмущенно: – «Вы тут себя ведете

как король! Я на вас в обком напишу».

Пьяный тракторист приехал к общежитию и разворотил нам крыльцо, когда разворачивался на своем гусеничном монстре. Зачем приезжал – так и осталось тайной.

Еще отмечу, что народ на селе, по нашим наблюдениям, всегда был очень внимательным к заработку других – нас все время спрашивали: а сколько вы получаете, сколько вам заплатят, как вы наряды закрываете, а не много ли вам? «Вы ведь приехали не зарабатывать, а помогать» (сколько раз мы слышали в свой адрес эту расхожую фразу!). Когда мы стали работать на хозрасчете – за 15 процентов урожая, которые мы продавали и оплачивали из этих средств свое питание, проживание и инвентарь, а что осталось – выдавали студентам как зарплату (это была инициатива А.В.Скобелева), нам сотрудница бухгалтерии говорит: - Ничего себе, вы выбили себе условия! Да за 15 процентов от урожая я сама пойду работать! В.В.Инютин дает ей ведро и говорит - Вот ведро, пошли, в бригаду запишем! Не пошла.

И воровство. Сами селяне в последние годы нам говорили, что в деревне, чего раньше никогда у них не было, стали воровать у соседей соленья и варенья.

А вот украсть в колхозе или совхозе – это обычное, можно даже сказать – привычное дело.

Помню – Хреновое, ночь, примерно час ночи, уже большинство студентов спит. Вдруг треск под окнами (а мы располагались рядом с совхозным машинным двором и гаражом, где стояли трактора и совхозный автотранспорт). Мы с В.Г.Кулиничевым берем заготовленные заранее дубинки для самообороны (стояли у нас в углу комнаты) – думали, лезут к нам в общежитие местные., фонарь с собой берем (привозили всегда с собой, важнейший инструмент для обеспечения безопасности отряда), выходим тихонько с крыльца, поворачиваем за угол и видим двух удаляющихся мужиков лет по 45-50 с канистрами для бензина. У меня страх – хотят нас поджечь! Свечу фонариком на мужиков, а они машут руками: - Не обращайтесь внимания, спите, не волнуйтесь! Все нормально! Мы свои, хреновские! И удаляются от нас.

Тут я понимаю, что угрозы нам нет, это они слили для себя бензин с совхозных грузовиков. Расслабляюсь, но воспитание не позволяет оставить воровство без комментария. И я им говорю вслед: - Воруем потихоньку? – Один оборачивается и, понизив голос, значительным тоном отвечает мне: - Берем!

Сельхозотряд – тоже клондайк для местных воришек: можно украсть ведра, мешки, лопаты, гвозди, провод, «грядущки» и под. В своем хозяйстве все пригодится. Можно «сэкономить» продукты в столовой.

В колхозе вообще всегда есть, что украсть – там бензин, стройматериалы, инструмент, инвентарь, корма и много всего другого; поэтому, когда колхозы и совхозы с началом перестройки начали «сыпаться», выходили из хозяйств в первую очередь всегда непьющие,

первыми – непьющие специалисты. Они все вокруг скупали – фермы, хранилища, сараи, пруды – все за копейки, сами списывали и себе продавали, потом создавали фермерские хозяйства. А вот пьющие и рядовые жители села очень хотели сохранения колхоза или совхоза – источника своего материального благополучия, места, где можно получить хоть какую-то зарплату и где можно «взять».

Фронт работ

Это понятие мы освоили очень хорошо. Это то, чего у нас сплошь и рядом не было. Это понятие было для нас было очень наглядным – приезжаем на поле, а *фронта работ* нет. И что делать?

Яблоки, помидоры есть – но нет ящиков, куда их грузить.

Поле картофельное есть – но еще не распахан.

Поле распахан – но нет мешков, нет машин.

Сахарная свекла, кукуруза, капуста есть, а грузить некуда, нет машин, тракторных тележек для их вывоза.

Нам в таком случае говорило колхозное начальство:

- В чем проблема? Нет тары – валите картофель, помидоры в кучи, оставляйте на поле. Потом погрузите, когда тара будет и транспорт.

Нашего труда им не было ни капелечки не жалко – работа-то получается двойная, даже тройная. Помидоры сначала собираем в ведра, потом носим в кучи, потом опять их собираем в ведра из куч и пересыпаем в ящики, а потом надо погрузить ящики в машины. Картофель – тоже самое: из кучи в ведра, из ведер в мешки или, если повезет, сразу в машины. Ну какой смысл это делать? Каждый раз думаем – собирать в кучи или нет? Но труд-то дармовой, простой не оплачивают. Пытались выбивать оплату простоев «по вине администрации» – ни разу не удалось. «По погодным условиям» иногда удавалось.

Кроме того, нам записывают в собранное и закрывают наряды только на то, что в ящики было собрано и взвешено на весовой, а с утра половины каждой кучи обычно нет. А значит, мы их вроде и не собирали вообще. Для кого собирать? Для воришек?

Так что фронт работ – понятие очень конкретное.

Работа преподавателей

Постепенно мы выработали навыки работы в «колхозе», позволявшие нам эффективно вести дела.

Те преподаватели, которые работали в поле, назывались у нас «полевые командиры».

На поле надо было организовывать работу. Не надо было из лучших джентльменских побуждений преподавателю самому все время таскать ведра и помогать отстающим девушкам, надо было просто правильно организовать их работу. Надо было следить, чтобы все шли за машинами

ровно, чтобы машины были удобно для сборщиц рассредоточены по полю, чтобы были ведра, мешки, чтобы более сильные немного помогли более слабым. По полю надо было все время бегать, мы накручивали в своих сапогах километры.

На поле брали всегда аптечку – валидол, йод, бинты, у студентов все время случались небольшие травмы, да и у нас тоже. Однажды мне дверью автобуса, на котором мы отправлялись в поле, придавило пальцы рук – студент, провожавший нас от общежития, с силой захлопнул дверь, а я там держал руку. Но обошлось, всего один день «побюллетенил».

В.В. Инютин у нас отвечал за технику безопасности. Однажды на сельской дороге он нашел ведро, расплющенное «Камазом», и утром показывал его студентам перед началом работы, а потом повесил в общежитии на видном месте с надписью: «Так будет с каждым, кто нарушает технику безопасности». А опасность реально была – машины на поле двигались, подъезжали и переезжали с грядки на грядку, а на грядках работали девочки. Еще одна опасность – грузчики часто бросали опустошенные от картошки ведра с машин и попадали в бойцов, как мы ни просили этого не делать. Наглядная агитация В.Инютина очень понравилась проректору В.В.Гусеву, который как-то заехал к нам в колхоз – «Вот так и надо бороться за безопасность труда! Очень наглядно!».

Преподаватель, который оставался в общежитии, должен был решить хозяйственные вопросы – сходить в правление, закрыть наряды, вызвать и привести плотника или электрика, проконтролировать их работу и столовую. Если был нормальный комиссар, это мог сделать он.

Вообще, постепенно мы поняли, что много преподавателей нам было в колхозе не нужно. Старый «колхозный волк» Евгений Семенович Воропаев как-то говорил мне: - Иосиф, давай вообще всех остальных преподавателей отпустим и останемся с тобой вдвоем, вполне вдвоем справимся.

Мы с преподавателями неофициально отпускали из колхоза друг друга на несколько дней, подменяли друг друга. Официально уезжать было нельзя – мы же направлены сюда, должны здесь быть. Кому надо было съездить на научную конференцию, у кого домашний праздник, кому просто помыться в человеческих условиях хотелось. Из «отпуска» предполагалось, что отпускник привезет остальным вкусенького чего-нибудь (колбаса – лучший подарок, сладкие пирожки или пряники для чая, бублики, и, конечно, выпивку).

Преподаватели играли большую роль в организации досуга отряда – придумывали вечера, различные праздники. Особенно в этом деле был мастером В.Г.Кулиничев, который сам писал красочные объявления о наших мероприятиях. Чтобы приходили на праздники вовремя, он придумал: «Начало – в 21.01», Все смеялись, но это реально действовало – приходили точно.

Вообще, в колхозе складывались по-настоящему дружеские отношения между преподавателями как филфака, так и журфака. Люди мы были

самые разные, но колхозная дружба нас прочно объединяла и сохранилась, можно сказать, на всю жизнь.

Студенческий актив

Очень большую роль в колхозе играли бригады, а также студенческий командир и комиссар. У нас были прекрасные командиры – Оля Струкова, Саша Тимашов, бригадир грузчиков Герман Полтаев, бригады «полеводов» Света Зайцева, Оля Громова, Жанна Такой, Таня Березовская, Таня Утробина и другие. Замечательными комиссарами были Наташа Овсянникова, Лена Гнеушева. До сих пор помню их молодые лица – симпатичные, веселые и надежные ребята.

Они были авторитетными для студентов, очень добросовестными и инициативными.

При формировании бригад мы постепенно поняли – бригадами надо ставить старшекурсников, и в бригаду должны входить только единомышленники. Число членов бригады может быть любое, можно было переходить из бригады в бригаду или выделиться в маленькую бригаду из большой.

Действовал совет бригадиров – очень авторитетный для нас и студентов, многие вопросы ребята решали сами.

Кстати, когда мы стали реально что-то зарабатывать, заработанные деньги перед отъездом всегда делили сами студенты – командир отряда, комиссар и совет бригадиров. Мы в это никогда не вмешивались. Они всегда делили справедливо, нареканий никогда не было; они-то знали, кто как работал. Выдавали премии лучшим бойцам. Кстати, нам, преподавателям, они тоже по результатам работ выделяли некоторую зарплату – признавая наш вклад в общее дело.

Те студенты, которые зарекомендовали себя авторитетными руководителями в колхозе, потом в университете часто становились комсоргами и старостами, и это всегда были настоящие комсорги и старосты, которых уважали и к которым всегда прислушивались и студенты, и преподаватели, и деканаты.

Отдых после работы

После работы в колхозе разворачивалась настоящая бурная жизнь. Здесь и студенты, и преподаватели не давали ограничений своей фантазии.

Каждый вечер в отряде происходило что-нибудь интересное. Если с нами были представители других вузов или факультетов, они обычно приходили к нам (географы, математики, студенты мединститута) и сидели на наших вечерах. Сами они при этом ничего не предлагали, не организовывали – у них в отрядах не было таких традиций. И их преподаватели приходили к нам послушать, что мы придумаем. Помню, лишь однажды они провели что-то – у них был преподаватель, мастер

спорта по шахматам, он устроил сеанс одновременной игры. От нас пошел на этот сеанс один В.В.Инютин, которому стало жалко организатора – никто из филологов не захотел играть в умную игру после поля. В.Инютин, по-моему, не все шахматные ходы знал, но посидел за доской и с филологическим достоинством проиграл партию, внося свой вклад в общее дело.

А проводили мы самые разные *мероприятия* (слово поганое, но другого обобщающего слова в русском языке, к сожалению, нет).

Устраивали мы вечера вопросов и ответов преподавателей – студенты очень любили задавать вопросы преподавателям. Это был замечательный способ ближе познакомиться с преподавателями. Никакие темы не были запрещены, вопросы разрешались любые, и всегда это было весело и интересно, и весьма познавательно. После таких вечеров мы, преподаватели, часто выходили мокрые от напряжения, но было все равно очень интересно.

Такие же вечера мы устраивали для наиболее ярко проявивших себя студентов – им тоже задавали любые вопросы, в том числе и мы, преподаватели. Такой «авторский вечер» надо было заслужить. Мы много узнавали о наших ребятах на таких вечерах.

Еще был жанр – «Бенефис». Такие мы устраивали для популярных в колхозе наших гитаристов и поэтов, они могли представлять все, что им хочется.

Один раз В.Куличничев придумал устроить бенефис одному из местных деревенских парней – ему было лет 17-18, он вместе с остальными местными молодыми людьми приходил к общежитию, садился на бревно напротив входа и довольно неплохо пел под гитару «дембельские песни», хотя сам еще не был в армии. Для установления контакта с местными мы это мероприятие провели, оно нам помогло поддержать с ними контакт.

Проводили вечера поэзии – читали свои собственные стихи, свои любимые стихи, иногда это был «вечер одного стихотворения» (помню, я читал монолог Гамлета). Были и вечера «хулиганской песни», вечера пародий, которые писали в колхозе друг на друга студенты и преподаватели, конкурсы колхозных частушек. Были дискуссии «о любви». Вечер рассказа о приключениях – каждый рассказывал об одном случившемся с ним приключении и мн.др. Фантазия у нас работала в колхозе очень хорошо.

Наше изобретение – «филологический футбол». Играли мальчики (и преподаватели) против девочек. Правила были такие. Два тайма по 10 минут – на большее сил не хватало. Мальчиков обычно 5-6, девочек – сколько угодно. Доходило до 30. У мальчиков ворота 10 метров шириной без вратаря, у девочек – 3 метра и 2 вратаря. Мужчины играли по правилам, для девочек правил не было – нельзя было только руками мяч забивать в ворота. Мяч и свисток я привозил из дома. Судил всегда В.В.Инютин. Судил хорошо, по-филологически – если его игроки попросили назначить штрафной или пенальти – он всегда откликнулся и тут

же назначал; при этом попросить могли как мальчики, так и девочки. Девочки играли толпой, хватали мальчиков за руки и ноги, валили их на землю и отбирали мяч. Преподаватели громко угрожали студенткам отомстить на экзаменах, но те хихикали и продолжали нас валять. Пробраться к их воротам было практически нереально.

Поле находили где-нибудь недалеко от общежития, как-то нашли только на старом засохшем болоте, оно все было в кочках, но поиграть хотелось и бегали мы по этим кочкам с удовольствием. Случайно сохранилось фото перерыва между таймами футбола "на болоте":

Играли изо всех сил, получали травмы. Э.Петрова, выдающийся нападающий филфака, получила от сокурсника травму – перелом стопы. Мы его окрестили за это «убийца». Травму получил как-то и судья Инютин – его девочки в атакующем порыве сбили с ног, он получил ушиб ребер и я долго потом мазал его ушибы йодом.

Ловили рыбу на прудах. С.М. Шаулов с кафедры зарубежной литературы забрасывал удочку с неизменным пожеланием «Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье...». Он научил меня привязывать правильно крючки и пользоваться снастью под названием «резинка». Мелкие карасики ловились неплохо, мы их солили и вывешивали сушиться за окном, а «местные» у нас их воровали. Наша с Сергеем рыбная ловля была популярным предметом насмешек и всяких пародий на наших вечерах – нас упрекали, что мы ловим мальков, а мы доказывали, что эти караси больше не вырастают... Помню, про меня студенты пели частушку:

*Стон стоит по-над прудом,
Рыба стонет горестно:
Нашу мелочь изловил
Преп один бессовестный.*

А вот журналист В.В.Гааг один раз ловил на спиннинг на пруду, все остальные преподаватели стояли рядом и над ним подтрунивали – какая тут рыба, сроду никакой рыбы не было, здесьдохлая лошадь в пруду с телегой утонула - и тут он вытаскивает щуку! Всех посрамил.

Если было тепло (а иногда бывало), купались в местных речках и прудах.

В.Инютин и И.Стернин в колхозном пруду показывают студентам пример.

Иногда в селе была открытая площадка, где показывали кино. Местные жители в кино не ходили, но киномеханик был, и ему очень хотелось, чтобы люди к нему ходили. Он пришел ко мне и говорит: - Пусть студенты приходят! Сеанс - 20 коп., какие фильмы закажете - такие я привезу из Н.Усмани. Я ему говорю: - Хорошо, мы студентов пригласим. Вы вывешивайте на нашем общежитии объявление о фильме к нашему возвращению с поля.

И вот мы маршируем с поля, поем бодрую отрядную духоподъемную песню «В морду клюнул жареный петух», подходим к общежитию, а там типографское объявление: «Сегодня в нашем кинотеатре... Начало...». И рукой киномеханика написано: «Любовь под вязами. С Софи Лорен». А в графе «Начало» написано: «Когда стемнеет»...

А в другом колхозе мы пошли с группой студентов смотреть индийский фильм с заранее поставленной целью - лузгать семечки во время сеанса и громко комментировать происходящее. Словом, расслабиться на искусстве, такой филологический изыск.

Кроме нас, никого не было на этом фильме. Но мы получили большое удовольствие... Реализовали свою филологическую мечту.

Конечно, устраивали танцы. Привозили магнитофон, выставляли в коридор мощную колонку (это делал В.Я.Гаршин, наш инженер) - и вот они, танцы. Если была открытая площадка - устраивали танцы на ней. Отдельные комиссары очень любили танцевать с нашими студентками, иногда казалось, что они из-за этого и приехали.

Еще было развлечение – к общежитию приходили местные собаки, студенты их подкармливали и с ними играли. В.В.Инютин объявил, что он дрессирует одну из них, чтобы ходить с ней на уток. В.Скобелев придумывал им необычные клички.

Отмечали в колхозе дни рождения – это было всегда приятное мероприятие, часто студенты приглашали и преподавателей отметить их день рождения. Писали поздравления, стихи, выдавали шуточные грамоты, подарки.

Выпускали стенгазеты со стихами и карикатурами друг на друга. В том числе, конечно, и на нас, преподавателей. Очень интересную «наглядную агитацию» всегда делал В.Кулиничев – и сочинял, и рисовал.

Иногда устраивали костры около общежития – по торжественным случаям – начало и конец «колхоза». Надо было заранее собрать дрова для костра, посылали ребят в посадки собирать хворост. У костра, разумеется, пели, рассказывали разные байки, веселились. На костры часто приходили местная молодежь – мы им разрешали присутствовать, но ставили условие - не орать и не материться.

И конечно, вечерние прогулки при луне, студенческие колхозные «романы» тоже были частью нашей вечерней жизни. Возникла поговорка: «Колхозные романы долго не живут». И действительно, они были скоротечны, но романтизировали наш колхозный быт.

Но несколько «колхозных семей» образовалось - у В.Бредихина, Г.Полтаева, С.Рвачева, С.Громовой...

Ритуалы

В колхозах были у нас некоторые ритуалы, которые организовывали и украшали нашу колхозную жизнь.

А.В.Скобелев, очень любивший Высоцкого и выпустивший о нем несколько книг, привозил в колхоз многочисленные записи певца и утром, после крика «Подъем!» (кричать всегда поручали мне, как обладателю самого громкого и решительного, если не сказать - противного голоса) мы заводили на все общежитие максимально громко его песню «Банька» - выставляли большую колонку в коридор. Студенты пытались незаметно выдернуть штекер из колонки, а мы опять вставляли. Магнитофон во избежание «вредительства» оставался в комнате преподавателей. Таким образом, «Банька» - это был наш ритуал подъема.

Правда, все равно приходилось дополнительно стучать сапогом в двери комнат...

Когда приезжал новый комиссар, мы ему объявляли: - У нас есть правило - в первый день мы бьем комиссара! - Зачем? - спрашивал комиссар. - Чтобы знал свое место! И давали комиссару по шее. Они сносили все спокойно и с юмором.

Другой ритуал – в столовой. Я привез из армии шутку, которая прижилась у нас в столовой как ритуал: преподаватели входят в столовую и громко говорят обедающим студентам: «Приятного аппетита!», а те должны хором ответить: «Не ваше дело!».

Был у нас банный ритуал: когда мы, наконец, переждали всех девочек в бане и прорвались туда своим мужским преподавательским составом, мы выполняли ритуал – окатывали себя, наконец, горячей водой и все одновременно, хором громко ржали, демонстрируя крайнюю степень удовольствия...

Один раз во время этого ритуала открылась дверь и к нам в баню заглянул лохматый мужик, который что-то прокричал и тут же исчез. Мы не расслышали, что он сказал, но тот, кто стоял ближе к двери, сказал, что мужик крикнул: - Что вы так орете, у меня лошадь отвязалась! От нашего ржания у него лошадь испугалась, отвязалась и ему пришлось бегать за ней вокруг бани.

Многолетний ритуал - вечерние чаепития преподавателей с лучшей на сегодня бригадой, которая собрала больше всего ведер на человека. Мы угощали ребят, чем могли. Покупали пряники, заваривали чай в своем железном бидоне –быстро 2 л. вскипали, как раз на всех хватало.

Важный ритуал – когда автобус с «бойцами» приезжает на поле или к общежитию – мальчики или преподаватели подают руку каждой выходящей из автобуса девушке.

Были вечера посвящения новичков в колхозники, а также вечер провода ветеранов колхозного движения – студентов, которые были в своем последнем колхозе (четверокурсники) – им выдавали шуточные грамоты, пели песни, посвящали стихи и шаржи, дарили самодельные подарки.

Перед отъездом (когда работа кончилась и на следующий день уезжать) мы проводили «Вечер пакостей и дифирамбов» – можно было делать приятное и пакостить кому угодно. Вечер этот, правда, превращался обычно в пакости преподавателям со стороны студентов – этот аспект объявленной тематики как-то был студентам наиболее близок. Мы весь вечер, а иногда и всю ночь держали оборону – нам лили через чердак воду в комнату, приклеивали на окно страшные рожи, привязывали дверную ручку к противоположной двери, что-то подбрасывали в комнату и чинили много других мелких неприятностей. Комнату свою нельзя было всю ночь оставлять без присмотра – что-нибудь обязательно учинят... Но повеселиться после окончания работы все равно было одно удовольствие.

В последний день работы прямо в поле проводили краткое построение и выносили «знамя части»: на длинной ветке легендарная капроновая ленточка из причёски бригадира Светы Громовой.

В ночь перед отъездом делали также прощальный костер. В этот костер в конце бросали изношенную колхозную обувь, рукавицы и т.д. – горело все хорошо и все радовались – «колхоз» окончен! В таком костре я сжег в последнем в нашей истории колхозе - в 1991 г. - свои верные колхозные сапоги.

Еще проверяли исправность огнетушителей из общежития, туша костер в конце праздника. Редкий из них действительно работал.

Самодетельность

Обязанностью был концерт для местного населения. Если был клуб – устраивали концерт в клубе, чаще - на открытой площадке. Студенты готовили песни, танцы, читали стихи. Иногда сочиняли и показывали сценки из колхозной жизни, «прохватывали» местное начальство.

Профорентация

Визит в школу с профориентационными целями тоже был обязателен. Не всегда это нравилось сельскому начальству – вы ведь будете агитировать поступать к вам, а кто у нас останется? Но обычно мы все-таки прорывались. Рассказывали детям об университете, факультете. Старались рассказать как можно более интересно, я проводил психолингвистические эксперименты с детьми.

Как-то с нами были географы, и одна девочка с отделения гидрологии суши тоже пошла с нами – рассказать о своем факультете. После рассказа ее спросили – а где можно работать после окончания вашего отделения гидрологии суши? Она ответила: - У нас большинство выпускников работает в обсерваториях.

Я видел, как недоумевали дети, но никто ничего не сказал. Я после встречи ее спрашиваю: - В каком смысле в обсерватории? При чем тут астрономия? Она говорит: - Какая астрономия? Обсерватория - это станция слежения за уровнем воды. Она даже не знала, что обсерватория – это еще и за звездами смотреть в телескоп.

Помощь местным жителям

Иногда узнавали, что есть в селе одинокие ветераны, навещали их. Приносили какое-нибудь угощение, девочки делали уборку, пол мыли, мы с мальчиками дрова пилили, забор чинили или крыльцо. Иногда помогали написать заявление какое-нибудь. Одиноким помогали собрать урожай на личном огороде – картошку, помидоры.

«Местные»

«Местные» - это была самая большая проблема для нас в колхозе. Это были обычные местные подростки, обычно – с десятков-полтора человек. Всегда мальчики, девочек среди них не было (хотя девчонки в селе всегда были). Для местных пацанов двери общежития – как медом намазаны. Они в первый же вечер приходят, обычно выпив, располагаются напротив входа в общежитие и беседуют друг с другом на повышенных тонах у нас на виду. Так они обращают на себя внимание – стреляют друг у друга сигареты, толкают друг друга, чтобы сесть на другое место на бревне, выясняют друг с другом отношения. Главное – делать это на виду у студентов и их преподавателей. Отпускают иногда шуточки в адрес проходящих мимо девочек, пытаются заговорить и с ребятами, хотя о чем говорить – не знают.

Но приходят постоянно, каждый вечер, гурьбой, всегда большинство пьяные. Иногда приезжают на тракторах, на лошадях, редко – на мотоциклах. Из соседнего колхоза приезжали в кузове грузовика – пообщаться друг с другом и с парнями из нашей деревни – непременно около общежития с городскими.

У нас перед общежитием горит свет – так поздно вечером они садятся на наше крыльцо, играют в карты, матерятся, мешают нам входить и выходить. Если сильно пьяные – начинают лезть в общежитие к девчонкам – мы хотим с вашими познакомиться, они нас приглашали.

Помню, в Ушановке была всего на одном доме телеантенна, мы рвались туда посмотреть чемпионат мира по футболу, а деревенские парни, в том числе и братья из дома с телевизором, рвались из дома к нам в общежитие – побыть рядом с городскими.

В Гремячем мы жили в лагере труда и отдыха, и туда приходила компания местных во главе с «Вовкой» - их вожаком, который только что вышел из тюрьмы. Внимание студенток он пытался привлечь, играя на гитаре, при этом распевал блатные песни. Почему-то запомнилась одна:

Приезжайте на зону, дешевки,
 Приезжайте скорей не зазря.
 Вам на воле дают три копейки,
 В лагерях вам дадут три рубля.

У нас был худенький милиционер, которого Вовка как отсидевший ненавидел «по умолчанию». Но как-то однажды, когда мы в результате мирных переговоров уговорили их уйти домой, пожал нам всем руки, потом сказал: – А хрен с тобой! - и пожал руку милиционеру.

Но мы поняли – местные парни просто хотят, чтобы мы заметили их присутствие, обратили на них внимание. С ними надо было общаться в какой-то форме, чтобы они не лезли внутрь и не проявляли агрессии. Разумеется, с пьяными это делать было очень трудно, но приходилось.

Один раз пьяный в Ушановке заехал на лошади к студентам в общежитие – в узкий коридор, а лошадь не могла идти задним ходом,

развернуться ей было негде. Коридор оказался перегорожен, никто из девочек из комнаты не может пройти к выходу или зайти в свою комнату – в общем, катастрофа! Несколько часов выводили лошадь из общежития.

Другой раз приехал пьяный молодой парень на огромном гусеничном тракторе. Пытались выманить его из трактора – не удавалось. Неожиданно включил двигатель (все едва успели отскочить врассыпную от него) и начал крутиться на тракторе перед общежитием, разворотил нам крыльцо. И так же неожиданно уехал.

Мы пытались оградить наших девочек от них, но возмущало то, что некоторые девчонки с ними вроде даже охотно разговаривали и были не против пойти с ними прогуляться, что нас очень беспокоило. А нам потом что делать?

На мальчиков, которые вечером гуляли, иногда просто нападали гурьбой и били их – просто так.

Поили некоторых наших ребят, некоторые мальчишки соглашались с ними выпить и потом были проблемы – их надо было искать по деревне.

Один год к нам стали ночью бегать солдаты из воинской части, расположенной неподалеку, тоже пьяные, безобразничали. Мы с прикомандированным милиционером пошли по следам от их сапог по лесу и нашли воинскую часть, свободно зашли в нее через дырку в заборе (куда нас привели следы) и прошли в штаб. – А как вы к нам попали? - все допытывались офицеры, - кто вас пустил? Мы все объяснили – у вас же часть не огорожена. Договорились, что мы задержим «самовольщиков» и им сообщим. Это оказались кочегары, которые ночью дежурили, они к нам и бегали. – Только ремни у них отберите, чтобы не повесились, - попросил меня начальник штаба. Мы сказали девочкам, что это кочегары, и у них как-то сразу интерес к этим беглецам упал. Прибежал после этого один, сказал – нас там так шерстят! – и убежал. Больше их у нас не было.

Один раз пьяные местные особенно куражились перед общежитием, орали, не давали нам спать, и мы вышли с преподавателями и мальчиками и просто их разогнали. Они ушли, и через пять минут у нас в общежитии погас свет. Небольшая силовая подстанция (собственно, ящик с проводами и рубильником) стояла метрах в 100 от общежития, прямо в поле. Стояла сплошная темень. Мы среди ночи организовали вылазку – собрали всех мальчиков, преподавателей и человек 15 двинулось колонной в кромешной тьме, по бездорожью к подстанции, дорогу освещал только мой фонарь. Опасались нападения. Но добрались, никто на нас не напал, разобрались совместными усилиями в устройстве подстанции, нашли и включили рубильник – свет в общежитии, слава богу, загорелся. Мы, гордые за успех проведенной операции, с триумфом вернулись домой, где нас встречала восторженными возгласами женская часть отряда.

Как-то ближе к ночи в общежитие пришел тщедушный пьяный дед с заряженной двустволкой – разбираться пришел. Сказал, что к нему кто-то из студентов лез в огород. Ружье и патроны мы у него отняли, отвели и

сдали его бабке. Ружье с тремя патронами оставили в преподавательской комнате, несколько дней я не мог сдать ружье в милицию. Потом поехали в Н.Усмань, там заехали в РОВД и отдали под расписку «охотничье ружье-двустволку и три боевых патрона к нему», как написали в справке, которую мне выдали....

Нам местные участковые говорили – Вы только задержите кого-нибудь, дадим 15 суток – и станет тихо на 2-3 недели. Это было действительно так, могу это подтвердить.

Но самое страшное - ночи. Ночью надо было быть особенно настороже – стучали в окна, бросали в окна камни, лягушек, лезли в форточки к девочкам, пытались попасть в общежитие, не давали всем спать. Устанавливали мужские дежурства, преподаватели не спали, патрулировали, имели наготове палки и веревки, если кого надо будет связать. Просыпались на каждый шум, по каждому шороху выходили из общежития во всеоружии.

«Привлеченные»

Медперсонал

В последние годы стали посылать со студентами врача или медсестру, это было большое облегчение. Но им надо было где-то жить, иметь свою «приемную», разложить лекарства. Эту проблему тоже надо было решить. Часто их устраивали у кого-нибудь на квартире.

Медикам немного лекарств и бинтов давали с собой, это все быстро кончалось. Надо было выбивать лекарства в колхозе, они должны были обеспечивать нас. Медработник, если порядочный, оставался в лагере и добивался лекарств от колхозного начальства, получал медикаменты, несколько аптек скорой помощи. А если ленивый (это было чаще) – все приходилось делать руководителю.

Медработник еще должен был контролировать кухню и общую санитарию и гигиену в расположении отряда. Этим занимались единицы из них.

Один врач – мужчина лет 30 - нам все время рассказывал одно и то же – как он кабинет себе сделал в больнице, где он дежурил, телевизор туда раздобыл, холодильник там у него есть, дежурить удобно и комфортно. Эту историю мы слышали столь часто, что выучили ее наизусть. Больше у него никаких тем не было, а если у кого-то была какая-то проблема со здоровьем, он говорил: «Отправляйте в район! Там анализы сделают! Я направление напишу» - и на этом его участие в обеспечении здоровья студентов завершалось. Надо было найти машину, отвезти студента в район, а потом привезти обратно.

Студенты рассказывали, что один раз прикомандировали к нам старичка-фельдшера (я его не застал), так он каждый день приходил в

комнаты к девочкам и говорил: «Девки, остерегайтесь кишочных заболеваний».

Для врачей это был отдых, они часто уезжали домой на несколько дней - мы этому не препятствовали.

Как-то нашли дизентерию у студентки из Киргизии, ее забрали в Новую Усмань в инфекционное отделение ЦРБ. Она здесь была вообще одна, ни родственников, ни родителей. Я выпросил машину у директора совхоза и мы поехали с ее подружкой ее навестить. Мы собрали ей немного поесть, я не учел, что она в инфекционном отделении. К ней не пускают. Мы узнали, где ее окно (второй этаж), подошли и стали ее выкликать. Открывается окно и высовывается веселый мальчик лет 11-12, все лицо в зеленке. Оказывается, ребенка поместили в женскую палату. Он позвал студентку, она была так рада, что ее не забыли. Мы ее повеселили, а потом я говорю: - Мы тут фруктов собрали. Но к тебе не пускают! -А мальчик говорит: -Я сейчас спущусь! Не успели оглянуться – он вылез из окна, на козырек подъезда и уже внизу. Мы передали ему кулек, сказали – И себе возьми! –Спасибо. возьму, - вежливо сказал шустрый мальчик. –А что с тобой? спросил я. –Почему у тебя лицо в зеленке?- Собака покусала, - запросто ответил он и хихикнул. –Ты, наверно, хотел собачку поцеловать?- спросил я. –Нет, я хотел помидорчиков у соседа, - искренне ответил мальчик и опять засмеялся. –Ну, ничего, у тебя скоро все заживет, утешил его я. – Конечно, сказал он. - Шрамы украшают мужчину, - с достоинством добавил мальчик и шустро залез с нашим кульком на второй этаж. Мы помахали нашей девочке и поехали. Кстати, через пару дней ее выпустили и она вернулась в нам в отряд.

Молодые медсестры с нами иногда ходили на поле, помогали девочкам собирать картошку. Иногда даже выступали с преподавателями в интермедиях на наших вечерах.

Запомнилась медсестра из Сомовского тубдиспансера – имя и отчество, к сожалению, забыл. Она была немолодая, прошла медсестрой войну! Эта замечательная женщина все умела, всех лечила сама, вывихи вправляла, отравления лечила, растяжения лечила, мастерски бинтовала ноги и руки, делала массаж, словом - умела все и никого никуда не направляла, И все это при помощи бинта и марганцовки, никаких лекарств у нее не было. Очень заботилась о санитарии, следила за столовой, туалетами. Мы по окончании написали ей благодарность и дали из своих заработков премию – она была так растрогана, что прослезилась. На ее месте работы ее так не ценили и никогда не поощряли.

Милиционеры

Милиционеры тоже появились у нас в последние годы колхозов. Мы познакомились с несколькими. Некоторые требовали отдельную комнату, часто по неделе отсутствовали. Для них это был отпуск, они это сами

говорили. Но присутствие милиционера делало наше пребывание, конечно, более спокойным.

Один нам очень помог в коммерции – когда мы стали продавать картошку, он ездил с мальчиками - продавцами и снимал вопросы, на каком основании вы здесь торгуете – одним своим присутствием в милицейской форме, просто стоял около машины и охранял наших.

В Хреновом у нас был друг – местный участковый (кличка Гудок). У него по статусу был мотоцикл с коляской, которым он очень гордился. Колесо на коляске было спущено. Он уже два года ездил со спущенным колесом, это его не беспокоило.

Он приезжал, ходил по комнатам девчонок и всем говорил: «Курение в постели приравнивается к мелкому хулиганству».

Как-то он приехал к нам пьяный на мотоцикле в 3 часа ночи, привез две фляжки фруктового вина и алюминиевые кружки (конфисковал у кого-то или подарили). Он хотел с нами немедленно выпить. Пришлось с ним выпить. С трудом проводили его, вышли с ним на улицу. Он стоит и курит.

Вдруг видим – из ночи к нам несется телега, на ней стоит мужик в полный рост с остекленелыми вытаращенными глазами, и лошадь несется прямо на нас. Какой-то фильм ужасов. Гудок сразу среагировал – рванул вперед, схватил под уздцы лошадь и свалил мужика с телеги на землю. Потом, ни слова не говоря, врезал ему кулаком по лбу. Мужик молча же вскочил опять на телегу, схватил вожжи и рванул с теми же остекленелыми глазами обратно в ночь. И растворился в ночи... И все это без единого слова...

Потом Гудок спокойно, как будто ничего не произошло, садится на свой мотоцикл со спущенным колесом, а он не заводится. - Наверно, бензин кончился, - говорит. Слезает, открывает бензобак, зажигает спичку и сует в бензобак проверить, есть ли там бензин. Еле оттащили его от бензобака со спичкой...

Это он нам говорил - задержите, дадим 15 суток и на месяц успокоятся. Но это действительно так, реально помогало.

Повара

Повара чаще бывали местными, но постепенно поваров нам начали присылать из города. Помню повара, которого студенты звали Борис Ивановна – он был явно нетрадиционной ориентации, носил кружевные рубашки, красил глаза, носил брошку на груди. Но при этом очень вкусно готовил, был очень добросовестный и сердечный человек. Несколько раз он был с нами, мы были очень довольны и студенты его любили.

Одна прикомандированная к нам повариха рассказывала, что у них был инструктаж перед выездом, так начальник воронежского треста ресторанов их инструктировал и сказал: «Тот не повар, кто от яйца не отольет»

А один повар, по-моему, из столовой НИИ «Электроника», был очень озабочен тем, чтобы произвести впечатление своей работой на своего начальника – зав. его столовой из Воронежа. Он мне говорит: - Вы не будете возражать, если я своего начальника приглашу сюда? Я все приготовлю, мне надо его угостить! И вас всех приглашу – отдохнем!». Меня слово «отдохнем» поразило, я под отдыхом понимал нечто другое. Но я говорю – конечно, почему нет, пусть приезжает. – Повар говорит: - Не беспокойтесь, я все приготовлю, из сэкономленного.

Звонил несколько раз начальнику, звал, тот вроде обещал, а в итоге не приехал. И тогда он нас, преподавателей, пригласил вечером в столовую и накрыл стол – шикарный. Чего там только не было из сэкономленного... Даже отбивные сделал... И выпивку купил – коньяк, шампанское, водку. Мы все съели, выпили, и как могли его утешали – мол, занят начальник, ехать далеко, поленился просто, а мы тебе грамоту дадим за хорошую работу.

Комиссары

Всего один раз у нас комиссаром была женщина с кафедры политэкономии - Эмма Вениаминовна Новикова. Она была очень доброжелательным и милым человеком, старалась всем и во всем помогать, раздобывала в деревне еду для больных, подкармливала всех нас и студентов. Помню, отдала свое платье студентке для концерта - чтобы изобразить на концерте для местных жителей цыганский танец.

Часто приходила на поле, помогала отстающим. В последние годы она ушла из университета. Работала в военном училище, и мы с ней долгое время поддерживали самые добрые отношения, она приводила своих курсантов на вечера русского языка в областную библиотеку. Сейчас, увы! ее уже нет в живых. Вспоминаем ее всегда очень тепло.

Замечательным комиссаром был Владимир Петрович Манаенков с кафедры философии. Он читал философию студентам нашего факультета и ездил с филологами с удовольствием. Он и работал с нами на поле, и проводил интереснейшие дискуссии со студентами. Кроме того, он играл на гитаре и пел – вещь в колхозе незаменимая и крайне востребованная. Студенты его обожали, жили мы с ним душа в душу.

Интеллигентнейший Александр Иванович Демьянов с кафедры философии – тоже вспомним его добрым словом. С ним было легко и приятно работать. Он всегда ходил с нами в поле и помогал девочкам...

Глотов Николай Константинович, тоже с кафедры философии – очень компанейский, дружелюбный человек, бывший спортсмен, с удовольствием играл с нами в футбол, волейбол, организовывал со студентами спортивные соревнования. Относился к спорту при этом очень

серьезно – я говорю: - Давайте сегодня волейбол устроим! Погода хорошая! – Сегодня нельзя. Я выходил - ветер подачу сносит!

Организовывал со студентами и философские дискуссии, при этом он всегда очень сложно выражался – смысл его высказываний часто был совсем непонятен студентам, да и нам. Я ему об этом говорил – Николай, надо проще объяснять! А он неизменно отвечал: - Это университет! Студенты должны учиться понимать абстрактные рассуждения! На поле он работал с нами в полную силу.

Несколько раз у нас был комиссаром Борис Никифорович Свешников – известный киновед, ведущий воронежского киноклуба в кинотеатре «Пролетарий». Он прихрамывал, ходить ему было трудно, но он никогда не делал из этого проблемы, был человеком доброжелательным, контактным, веселым и остроумным. Мы старались поручать ему дела в отряде – он получал газеты, общался с комендантом, бухгалтерией, приносил с почты для нас газеты. Он организовывал замечательные дискуссии по проблемам кино.

Один раз мы приходим с поля, умылись, идем в столовую. У нас было самообслуживание, преподаватели сами брали себе еду на подносе. А тут вдруг нам студенты говорят – идите, садитесь вон за тот стол. Стол накрыт скатертью! Сели. И тут студентка в голубом передничке приносит нам на подносе обед и говорит: - Приятного аппетита, дорогие преподаватели!

А Никифорыч (мы так его звали) улыбается и говорит:

- Я тут в общежитии днем с вашими больными и кухонными девчонками в карты играл. И выиграл! Заказал подачу обеда преподавателям. Мы его, конечно сердечно поблагодарили. «Следующий раз стриптиз закажу!», объявил он нам.

Но были и другие. Рассказывают, как один комиссар с кафедры научного коммунизма, известный парткомовский деятель, увидел у студентов бутылку водки и публично вылил ее в грязный таз. Столько лет прошло - они простить ему этого не могут. Выливать-то зачем?

Другой с кафедры истории КПСС был у нас в Гремячем. Было ему за 50, он был простой преподаватель, не кандидат наук даже. Но высокомерия ему было не занимать, при этом ленив он был до предела. Но вел себя очень важно, как главный идеологический начальник. На поле не ходил, вечерами много пил и на танцы ходил танцевать со студентками. При этом очень часто уезжал в город. Абсолютно ничего не делал в отряде.

Мы уже обрадовались, что он не приедет и мы без него закончим работать. Однако – нет, дня за три до нашего отъезда он появился в отряде и сразу потребовал от преподавателей предоставить ему письменный отчет о всех проведенных в отряде за месяц мероприятиях. Затребовал ватманский лист, потребовал освободить от полевых работ студентку, с которой он часто танцевал, чтобы она оформила на этом листе план работы отряда. Она переписала красиво все, что мы сделали – беседы, вечера, лекции, концерты и т.д. (а сделали мы очень много в тот год, на

целый ватманский лист хватило). Он велел ей сделать колонку «Ответственный» и везде, по каждому проведенному нами мероприятию (включая «вечер хулиганской песни»!) поставил себя ответственным, и справа еще лично написал - «выполнено» и расписался. И сразу повез этот план в партком.

При нем с его кафедры зачем-то приезжали читать нашим студентам лекции. Например, приехал скучнейший лектор Переверзев и объявил лекцию о Брестском мире, при этом потребовал, чтобы всех собрали его слушать. Начал так: - «Мне не хочется читать скучную академическую лекцию, я выбрал живую и интересную тему» - и прочел скучную академическую лекцию.

Еще один раз к нам приехал комиссаром молодой аспирант с кафедры философии. Очень умный, но в отношении к работе весьма своеобразный.

Приехал обиженный - все упрекал нас: – Вы сами просили комиссара. Пришлось к вам ехать... Мы действительно просили – нам не хватало человека-преподавателя, чтобы мог что-то организовать, проследить, пока мы в поле.

Но он вообще не хотел ничего делать. Он почему-то считал, что все должны делать другие. Попросили, пока мы на поле, газеты получить для отряда на почте: - Газеты должны приносить студенты.

Оборвался провод (выскочил из патрона) при входе в общежитие, темно в коридоре. Я не успел починить, уезжаем на поле и я попросил его присоединить провод к патрону: - Электричество чинить должен электрик, - со значением говорит он. - Ты же физфак окончил! – говорю ему. – Ну и что? Я физик-теоретик. Т е о р е т и к!

Один раз он пошел-таки с нами на поле – заболел ангиной А.Скобелев и попросил его сходить, заменить его на поле. Он пришел, но на поле стоял, ничего не делал, никому не помогал. Пошел мелкий дождь – нам не впервой, мы работаем, а он открыл зонтик и стоит. Под зонтиком на поле!

«Некомпанейских» комиссаров мы старались поскорее отпустить домой – все равно никакой пользы, пусть едут в город, лучший способ избежать с ними постоянного общения.

Визиты университетского начальства

Комиссии наезжали в колхоз не раз и не два - ректорат, партком, деканат, партбюро. Да еще санэпидемстанция заедет, РОВД. Заедут на машине – «Где старший?» Спросят, как дела, пожелают успеха – и в другой колхоз, галочку поставили.

Представитель парткома приезжал: – Ну, все нормально? Давайте, Давайте! Следите, чтобы все было в порядке!

Обычно раз за колхоз приезжал декан, чаще – замдекана. Мы просили их привозить нам баранки, пряники и сушки.

Пару раз за сезон приезжал крупный, грузный начальник 1 отдела университета на уазике – он всегда отвечал за сельхозработы от университета:

- Ну, все нормально? На еде не экономьте. Все равно не заработаете, так хоть пусть студенты поедят! Как отношения с начальством? Главное не ругайтесь, не обостряйте! Ну, я поехал в другой совхоз!

И всегда прихватывал с собой ящик-другой с образцами собираемой нами сельхозпродукции, запасался овощами и фруктами.

Но с приезжающими можно было доехать до Воронежа, если в машине оставалось место; можно было отправить с ними больных ребят.

Реальная польза была, когда приезжала СЭС – тогда реально оборудовали туалеты, умывальники, привозили туалеты в поле, баню обеспечивали.

Все без исключения приезжавшие в один голос напоминали, что надо привезти побольше грамот. От парткома мы просили привозить нам бланки грамот – в колхозе их не было. Нет бланков – не будет грамот. А нам грамоты были нужны для отчета, и мы давали в правление свои бланки, чтобы нас туда вписали. Иногда и студентов выделяли с красивым почерком или я сам печатал эти грамоты на машинке в правлении по списку.

Связь с «большой землей»

Сотовых телефонов тогда не было (было такое время!), связь была колоссальной проблемой.

Телефон был только в правлении, с городом соединиться можно было только оттуда, надо было специально просить, да и то не всегда связь работала.

Дозвониться иногда можно было только внутри колхоза, в другое отделение или из гаража в правление да из правления в гараж.

Иногда была в селе почта, где можно было заказать разговор с городом. Заболевших и уезжающих, иногда родителей, навещавших детей, просили передать в деканат или партком информацию о том, что нам нужно, письма передавали, записки.

Ехать в город – огромная проблема. В сентябре преподаватели – члены партии должны были обязательно приехать на сентябрьское партсобрание на факультет. Как мы доберемся и потом вернемся – это наше дело. Кстати, мы всегда приезжали, а кворума на этом собрании часто не было и члены партбюро говорили: - Потому, что люди в колхозе! Нас это просто бесило, мы говорили: – Мы-то как раз здесь, приехали за 50 км, а где городские?

Когда был автобус до села, он часто доходил только до начала грунтовой дороги, дальше не проедет – идем пешком. И к началу работы все равно не успеешь.

Так что месяц жили фактически в отрыве от большой земли. Правда, этим как-то не очень тяготились.

Борьба с воровством

Невозможно было смотреть на постоянное воровство в самом колхозе и на поле. Противно. Мы пытались по мере своих сил с этим бороться.

Собираем помидоры, огурцы на поле, грузим их в ящики, потом приезжают машины – грузим помидоры на машины, везем на весовую и в совхозное хранилище.

Работаем на поле. Приезжают на поле на машинах предприимчивые люди из города – военные, милиция, сотрудники райисполкомов, просто наглые личности. Обычно толстые и важные покупатели. С высоко поднятой головой. Останавливаются на обочине, подходят: - Кто тут старший? – Я. Показывают накладную – они оплатили в совхозе три ящика помидоров. - Я выписал 3 ящика, но я возьму больше. Мы договорились с зав. складом.

Я ему говорю – накладную мне оставляйте, три ящика оплаченные и получите. Он – в крик: - Какое ваше дело? Я договорился! Ваше дело грузить!

Или другой вариант - «Скажите студентам, чтобы собрали и нагрузили мне багажник, я обо всем договорился».

Таких могло быть по несколько человек в день. Мы тогда договорились со студентами – если ко мне подходят и начинают «качать права», близлежащие бойцы бросают работу, подходят к нам, окружают и молча стоят. Это очень хорошо действовало, наглецов сразу отрезвляло и они убирались с поля.

Все время надо было проверять на весовой, прошли ли наши машины через весовую. Желательно было, чтобы кто-то из наших поехал с машиной на весовую и присутствовал при взвешивании – трехтонная машина полная, а напишут – полторы тонны (мол, неполная была). Записывают нам в собранные только по данным весовой, остальное – «неучтенка», столь выгодная многим. Вот мы и следили, записывали точный вес каждой своей машины, чтобы суммировать по результатам в конце работы.

Ловили тех, кто вывозил урожай, минуя весовую. В газету районную написали – приводим текст заметки.

Служба учета в действии

Социализм - это учет, как говорил В. И. Ленин. В первые же дни работы на полях совхоза имени Тимирязева студенты филологического факультета ВГУ заметили ряд нарушений в учете собранных овощей. Была создана служба учета. Сегодня она занимает важное место в студенческом сельскохозяйственном отряде филологов.

Учетчики бригад контролируют отпуск овощей с поля по накладным, проверяют совпадение выписанных и фактически вывезенных овощей. Студенты оказывают существенную помощь совхозу в борьбе с расхитителями урожая.

Так, службой учета и контроля сельхозотряда филологического факультета ВГУ было установлено, что работник совхоза М.К.Дворяков увез 6 сентября с поля 40 ящиков огурцов, минуя весовую. Были выявлены случаи хищения ящиков с помидорами и огурцами водителями грузовых автомобилей, служащими совхоза.

Как показывает контроль студентов, ответственными работниками совхоза плохо контролируется получение овощей по накладным - получатели зачастую увозят гораздо больше, чем они выписали и оплатили. Например, 7 сентября водитель автомашины 84-10 ВВО увез с поля 150 килограммов помидоров, в то время как оплатил за 75 килограммов. В этот же день около трех центнеров овощей было увезено с поля без накладных.

После установления студенческого контроля на поле число расхитителей урожая значительно сократилось. Работа студентов в этом направлении показывает, как много можно сделать.

И. СТЕРНИН,

преподаватель кафедры общего языкознания ВГУ

Опубликовано в Новоусманской газете «Путь Ленина» 21 сентября 1976 г.

Заметку опубликовали. В районе возник небольшой шум. Пригласили нас, преподавателей, со студенческим активом на собрание в правление, огласили всю заметку, директор, бригадиры что-то лепетали – в основном: - Зачем в газету-то? Пожурили бригадира Дворякова, а огурцы так и исчезли.

Однажды мы жили в лагере труда и отдыха вместе с юристами. Там была неплохая столовая, но воровали безбожно. Юристы, имевшие уже милицейские удостоверения, создали «опергруппу» и задержали поваров вечером с сумками сэкономленных на нас продуктов, составили протокол.

Приехал ответственный за сельхозработы университета, начальник первого отдела ВГУ, и завел свою обычную песню: - Не надо обострять...

Все время не хватало тары. Нам говорило колхозное начальство: - Ничего страшного, нет тары – валите продукцию (картофель, помидоры, огурцы) в кучи, оставляйте на поле. Будет тара завтра – погрузите и вывезете!

Я уже писал - нашего труда им было совершенно не жалко: работа-то для нас получается двойная, даже тройная. А оставим кучи на поле - с утра половины каждой кучи нет, особенно ближе к дороге. А нам-то, как я уже писал, записывают в собранное и закрывают наряды только на то, что в ящики было собрано и взвешено на весовой – значит, мы их вроде и не собирали вообще. Злость брала!

Машины должны быть взвешены перед погрузкой – так их не взвешивают. *Некогда, пусть водитель скажет, сколько его машина весит. Некогда порожним машинам заезжать на весовую.*

Подслушал как-то разговор в правлении: жалуется агроному приехавший на своей машине в колхоз за помидорами какой-то военный в форме:

- Вы представляете, приехал на поле, а студенты отказываются мне грузить! Показываю вашу накладную, они говорят – собирайте сами, и только столько, сколько в накладной написано. Черт знает что! Никогда такого не было!

А агроном ему отвечает: - А что ж ты в будний день приехал? Приезжал бы в воскресенье, набрал бы из куч с поля, сколько хочешь.

Если в воскресенье мы брали выходной, была гарантия, что в понедельник значительной части собранного в субботу не досчитаемся.

Как-то мы с Э.П.Ефремовым, преподавателем факультета журналистики, в воскресенье – день отдыха - пошли вдвоем на поле и устроили засаду в лесополосе.

Сколько же машин приехало за нашим урожаем! За полдня мы насчитали более двух десятков. Мы выходили, говорили – что же вы делаете? Вы ведь воруете, причем у студентов! – А мы договорились, - все отвечали нам. Некоторые уезжали, некоторые отъезжали и ждали, когда мы уйдем. Очень были настырные. Колхозное же начальство охранять поля отказывалось.

Мы записывали номера машин – это приехавших весьма раздражало. Мы за месяц записали около сотни номеров машин, которые воровали с поля урожай. Милиция у нас взяла этот список, но без всякой охоты. Следователь, который приезжал к нам, аж застонал, когда увидел наш список: - Мне что, это все проверять? Чем дело закончилось – мы не знаем. Нас как свидетелей никуда не вызывали. Вряд ли дело чем-нибудь реальным закончилось.

Выпивка

В колхозе, конечно, выпивали. Выпивали студенты - все условия для этого есть, свои кругом, своя компания, отдельная комната есть. И повод всегда найдется среди своих. И запретный плод сладок. Некоторые ребята, после армии, пили здорово. А в колхозе выпивающие и курящие – всегда яркий пример для не выпивающих и некурящих, очень тянет попробовать.

Мы сначала по молодости боролись со студенческой выпивкой, но поскольку и сами иногда с преподавателями потихоньку выпивали, решили относиться к студенческой выпивке толерантно – они же уже взрослые ребята. Вспоминали себя студентами в колхозе – все мы тоже выпивали потихоньку. И мы договаривались со студентами по-хорошему, чтобы не превышали норму и не безобразничали. Это оказалось гораздо лучше и эффективней.

Однажды пришел учитель из близлежащего интерната для умственно отсталых, он располагался где-то неподалеку. Пьяный-пьяный. Вышел к костру, который мы жгли у входа, чего-то бурбил. Что с коллегой делать

– мы просто не знали. И тут из крошечной темноты появляются два его здоровых ученика из этого самого интерната. Они постояли немного около нас, потом один молча взвалил своего педагога на плечо и понес в темноту, а второй, туфли педагогу поправив, тоже молча пошел вслед.

Потом В.В.Инютин спрашивал наших студентов – а вот вы бы так поступили, если бы я напился? Отнесли бы меня в университет?

Но изредка бывали и ЧП. Студенты или студентки явно переберут, начинают бегать по общежитию, ведут себя неадекватно. Просили ребят скорее уложить их спать.

Хуже, когда местные начинали подпаивать наших ребят. Нестойкие ребята у нас попадались. Был один парень-филолог, учился еле-еле, в работе был лентяй редкостный, но отдыхать любил, особенно с выпивкой. Его один местный парень соблазнил дармовой выпивкой, он и ушел за ним. Это выяснилось при отбое – парня нет в отряде.

Нет и нет его, уже 12 ночи. Что делать? Ждать, пока придет? А уже октябрь, ночью холодно. Решили с В.В.Инютиным идти на поиски, взяли троих ребят поздоровее и пошли впятером ночью по деревне, светя фонарем по сторонам. Методом опроса нашли дом этого сельского парня, мать разбудили, а сын ее спал, совершенно пьяный, добудиться его не удалось. Мать его говорит: - Ваш ушел уже больше часа назад. Очень был пьяный... Спрашиваю: - Куда он пошел, покажите, в каком направлении? Она показала, и мы пошли по еле видной тропинке. Метров в 20 от дома нашли один его сапог, помню, как я испугался. А еще метров через 15 - его самого. Валялся в одном сапоге на земле и спал. Растолкали немного, он мычит и падает опять. Ребята дотащили его как мешок до общежития. Мог бы точно ночью погибнуть - уже октябрь, заморозки на почве, иней ложится.

Сделали для себя важный вывод – если кого нет, не надо ждать и надеяться на авось, сразу надо начинать поиски...

Преподаватели тоже выпивали. Не скажу, что часто – это не было традицией, но иногда могли. Привозили выпивку для коллег из побывок дома, привозили угощение отпущенные в командировки преподаватели – дело чести, иногда колхозники угощали каким-либо собственным зельем – интересно было попробовать. Кстати, я в колхозе впервые попробовал самогон – нас угостил экономист, которому мы «по-тимуrowsки» помогли убрать личную картошку на огороде.

Иногда выпивка выступала знаком благодарности. У нас был врач по имени Вася, хирург лет 30. Совершенно ничем не интересный, унылый, туповатый, неразговорчивый. Жил он от нас, слава богу, отдельно, в сельской амбулатории, туда к нему ходили на прием, но мы его пригласили как-то на наш вечер частушек. И про него мы сочинили частушку:

*Доктор Вася говорит:
- У кого чего болит,
Приходите на крылечко,*

Я подправлю вам сердечко.

Смысла частушки, он, по-моему, не понял, но что она про него – понял, и это ему очень понравилось. Видно было, это первый раз в жизни, что кто-то про него что-то сочинил, это произвело на него огромное впечатление. Он очень благодарил, что мы его позвали на вечер и о нем спели... Потом сбегал в свою амбулаторию и принес пузырек – там было граммов 200 спирта - все, что ему выдали, и нас, всех преподавателей, угостил. Развели и выпили. Я тоже тогда в первый раз в жизни попробовал спирт.

Особых любителей выпить среди нас, преподавателей, не было. Правда, один все-таки был – он всего несколько лет проработал на факультете, но в пару колхозов успел с нами попасть. Ему надо было обязательно быстро выпить стакан, он сразу краснел и тут же кричал студенту или преподавателю: - Иди сюда! Я тебя воспитывать буду! (Кстати, я слышал эту его фразу и по отношению к его собственному сыну). И мораль начинает читать. Его мы старались всячески ограничивать, а если выпил – уводили из отряда, «выгуливали», чтобы перед студентами не было стыдно. Надо сказать, он всегда находил, где выпить. Долго он у нас на факультете не задержался.

Но, конечно, выпивка нас, «колхозных» преподавателей, в целом действительно сближала, создавала особые дружеские отношения, которые сохранились на многие годы.

Студентов, которые «тимурили» на личных огородах сельчан, тоже обычно угощали. Мы замечали, что то одна, то другая небольшая группа мальчиков и девочек приходит иногда вечером из деревни группой и слегка подшофе. Но разборок мы никогда не устраивали, разве что-нибудь ироническое скажем – Видно, отдыхали? Они это ценили. Да мы и сами иногда ходили «тимурить» в компании надежного четвертого курса...

Поездки домой

Дождь - самое страшное для нас: в общежитии среди студентов начинается «брожение умов». Работать нельзя, а сидеть в общежитии – тоска. И начинают отпрашиваться домой. Страшно отпускать - они же на попутных поедут - а вдруг что? По инструкции мы отвечаем за то, чтобы они все были все время в отряде, под нашим присмотром.

Отпускали ребят с родителями на машинах, брали обязательство, что родители привезут их в определенный день к определенному сроку. С ними можно было еще других девочек и ребят отпустить, если место в машине было. Словом, с чужими родителями отпускали.

А потом решили – будем отпускать, но ребята писали нам заявления – попутным транспортом обязуюсь не пользоваться, обещаю приехать к началу работы – можно прямо на поле. Но старались отпускать вместе хотя бы по двое, безопаснее. Конечно, пользовались они попутками или нет –

проверить было нельзя. Скорее всего, конечно же, пользовались. Но нам стало легче: всеми силами удерживать «контингент» в разваленном общежитии – во имя чего? Кстати, серьезных происшествий за все годы, слава богу, не было.

Иногда лучшим бойцам и «бойницам» как у нас говорили, мы давали в качестве поощрения выходной – с обеда отпускали на день, или на два дня.

Всегда просили уезжающих студентов привезти сладкого – пряников сладких всегда не хватает на всех.

Визиты гостей

Приезжали и к нам в колхоз гости – друзья студентов. Обычно приезжали старшекурсники с друзьями, проведать своих и самим развлечься приключением – поездкой в колхоз.

Мы их всех принимали, иногда давали ночлег, но говорили, чтобы они тоже выходили в поле и помогали своим, раз приехали – «у нас традиция такая». Некоторые соглашались, а некоторые уезжали. Но традиция «трудовой помощи» гостей существовала.

Родители приезжали, конечно. Они всегда привозили еду. Помню, мама сидит с дочкой рано утром на ее кровати и кормит ее вареньем из ложечки.

Родительские визиты мы всегда приветствовали – и студентам хорошо, их навестят и подкормят, и с родителями можно было договориться, чтобы довезли до города больных или отпущенных на побывку ребят. Иногда и нас брали.

Помню, приехали родители к одной девочке, мы ее очень хвалили родителям, они были поражены такой оценкой. А потом мы за работу дочки решили премировать родителей. У нас в общежитии было несколько ведер картошки – запасли для костра, так мы высыпали их в мешок, вынесли этот мешок картошки и положили им в багажник – они были просто потрясены!

Наглядная агитация

Всегда должен был быть вывешен план работы сельхозотряда, график соревнования бригад – все смотрели, кто сегодня победил в сборе картошки, командир выставлял места.

По инициативе В.В.Инютина мы с ним всегда перед отъездом в колхоз заходили в отдел политического плаката книжного магазина на пл.Ленина и скупали большие плакаты (они стоили копейки) для развешивания по стенам и премирования лучших бригад. Плакаты бывали интересные – нарисованы труженики села с радостными выражениями лиц, трактора и комбайны, или, наоборот, уродливые империалисты. В.В.Инютин всегда покупал плакаты членов политбюро и украшал комнату преподавателей. В

последним колхозе после путча 1991 г., помню, я нарисовал тюремную решетку на портрете маршала Язова.

В.В.Инютин где-то достал большой плакат Цоя. Мы его повесили у себя в комнате и Инютин написал фломастером крупно: - Витя, ты с нами! Это был предмет жуткой зависти студентов; в конце концов, они этот плакат у нас украли.

А однажды к ярости коменданта общежития студенты на весь коридор зеленой краской написали: «Да здравствует бобоцоевая культура!»¹. – Как я буду это стирать? – кипятился комендант.

Преподаватели выпускали стенгазету «Шпицрутен» (придумал название Л.Е.Кройчик), студенты – свою газету. Была полная свобода слова. Вешали шаржи, молнии, объявления о мероприятиях, шутливые призывы, друг друга печатно «подкалывали».

Все стены в отряде всегда были увешаны «агитацией».

Сведения

Для всяких проверяющих, которых было немало, всегда надо было иметь полный список студентов, кто приехал, кто уехал.

В какой-то год Новоусманский райком партии стал требовать срочно привозить им отчет о количестве собранного урожая каждым отрядом. Как мы туда доберемся – их не интересовало. Я отчет написал, и в один из дней мне дали совхозный грузовик – я отвез реквизированное у пьяного старика ружье в райотдел милиции и заодно передал отчет. Больше не стал возить, да никто больше и не спрашивал.

Общение

Общения в колхозе было предостаточно. Колхозное общение – это самая большая роскошь колхозной жизни. Где еще можно так наговориться со своими коллегами и со студентами?

Очень интересным было общение преподавателей друг с другом – я был молодой преподаватель, не всех знал, а тут узнал столько много о других преподавателях, о факультете, со многими познакомился и подружился.

Со студентами мы общались много - на поле, на отдыхе, по вечерам гуляли.

Иногда мы предлагали студентам популярные лекции о филологии, кино, философии, устраивали всякие дискуссии. Я, например, обычно читал им лекции – «Занимательное языкознание», Слушали студенты замечательно, многие потом шли на специализацию на нашу кафедру.

А какое общение было у костра!

¹ Кто не знает: Боб – имелся в виду Борис Гребенщиков, а Виктора Цоя все знают.

И еще один момент, связанный с общением. В колхозе везде и всегда был слышен мат. Это обыденный способ общения у начальства всех уровней, и у рядовых колхозников – как мужчин, так и женщин.

В свой первый колхоз (я еще не полностью отвык тогда от армейского мата – всего полтора года, как я вернулся из армии, и мужская компания его сразу «актуализировала») мы с кем-то из моих коллег-преподавателей обменялись репликами с нецензурным словом. Это услышал мудрый Владислав Петрович Скобелев и нам сказал: «Ребята! Мат употреблять только в художественно-изобразительных целях!». На всю жизнь я запомнил эту замечательную формулу. И это стало у нас правилом.

Колхозная лексика

Формировалась в колхозах и особая колхозная лексика. Туалет в одном колхозе называли «Балканы» - за удаленность от общежития и за то, что стоял на пригорке.

Студенты назывались «бойцы» и «бойцыцы» (журналисты писали «бойцыцы»).

Был термин «полевые командиры» - это преподаватели и студенты, которые руководят на поле, в отличие от тех, кто остался в общежитии.

Интересный был глагол «тимурить», который имел два значения:

1. в прямом смысле – оказывать физическую помощь старикам, ветеранам в деревне (убирали в хате, дрова пилили, урожай на огороде ему собирали);

2. в переносном смысле - подрабатывать уборкой урожая на частных огородах местных жителей за еду и выпивку.

Студенты чаще тимурили во втором смысле, в первом – реже.

Придумывали названия отряду - целое мероприятие. В 1985 г. сводный отряд нескольких факультетов называли «Тамлык» - по названию маленькой речки, протекавшей в селе. Это название выбрал командир отряда Б.Д.Шукин из почти 200 (говорят!) вариантов, которые предложили студенты и преподаватели.

А название «Логос» для объединенного отряда филологов и журналистов придумал А.А.Фаустов.

Придумывали клички прибывавшимся к отряду собакам - *Вермут, Агдам, Рамзес IV...* Поймали мышь, поместили в трехлитровую банку и назвали ее *Ксюхой*.

Оплата работы

Когда я был в одном из своих первых колхозов, Евгений Семенович Воропаев, один из старейшин нашего преподавательского колхозного движения, у которого я очень многому научился, сказал мне такую интересную фразу: - Вот осталась неделя до конца нашего колхоза, заметь

- чем ближе к концу, тем нас колхозное начальство будет сильнее ругать – чтобы ничего не заплатить.

Во всех последующих колхозах я это постоянно и наблюдал. Все вопросы, связанные с оплатой, разбивались о замечательную фразу, которую мы слушали от сельских начальников: «Вы приехали помогать, а не зарабатывать». Это был универсальный ответ на вопрос, почему не платят.

Много лет каждый сельхозотряд любого факультета и вуза неизменно оставался должен совхозу или колхозу – нам сообщали колхозные экономисты, что мы своей работой не оправдали даже свое питание и проживание.

Это настолько было привычно, что никто на это внимания не обращал. Все понимали, что «по умолчанию», как сказали бы сейчас, труд студентов на полях - это был дармовой труд. Поэтому университетский уполномоченный по уборке урожая нас всегда и настраивал - не экономьте на еде, все равно ничего не заплатят; так хоть пусть студенты поедят. Можно подумать, что в колхозе всегда было исключительно сытное и вкусное питание, а мы хотели студентов (и себя) его лишить!

Воровство и обман были запланированы самой системой дармового труда студентов.

Была еще одна универсальная уловка - начальство категорически отказывалась делать расчет до нашего отъезда, тянуло как могло, откладывая все расчеты на последний день. Хожу в правление и слышу одно и то же – сейчас нет времени, нет окончательных сведений, бухгалтера вызвали в район, еще нет утвержденных экономистом расценок, да вы не волнуйтесь, мы все посчитаем и вам сообщим, деньги привезем вам в Воронеж..., работайте спокойно и поезжайте домой ...

Обычно в правлении старались перенести все финансовые расчеты по нашему заработку на последний день нашего пребывания, точнее – на утро отъезда: автобус со студентами уже стоит, готов к отъезду, все набились в автобус, все рвутся домой, а мы, преподаватели, в правлении – «подбиваем бабки!». Нас все торопят – и студенты, и коллеги-преподаватели: да ладно, бросьте, не старайтесь, все равно нас обманут, поехали...

А в правлении мы слышим из года в год одно и то же: вы должны за питание – проели больше, чем заработали, вы «потеряли» 123 ведра, 280 мешков, вы остались должны за простыни, пододеяльники, подушки, матрасы (зачем они городским жителям? Мы что, их с собой увозим?), за лопаты, рукавицы, - за все с нас вычтут, причем суммы несусветные – чуть ни 10 рублей за ржавое ведро

Помню – за первые два дня от 1000 мешков, которое нам выдали совместно с юристами, осталось ровно половина. Воровали местные мастерски - никого ни разу не удалось поймать за кражей мешков и ведер. Но наши ведра и очень похожие мешки мы регулярно замечали в личных хозяйствах сельчан.

Мы тогда мешки и ведра стали забирать с поля в общежитие. Ставить ведра там негде, оставляли при входе штабелями, утром с трудом и грохотом вытаскивали одно из другого и ехали на поле. Но половины в конце сезона всегда не досчитывались. В ведрах потом стали делать дырки в дне – стали меньше воровать. Но вообще и такие сельчанам были нужны – не воду носить, так урожай собирать. Мы, кстати, везде собирали ржавые, сломанные, раздавленные машинами ведра и старались хранить их для отчета - опять у себя в общежитии.

Нужно еще проконтролировать, как нам экономисты закрыли наряды – а закрыть их могли как угодно, в этом мы убедились: можно по 50 копеек, а можно по 2 рубля, смотря что там написать – *подноска ближе 10 метров* или *подноска дальше 10 метров...* А можно и по 3.50 - написать, *сложные погодные условия* и под. Как они напишут, так и будет.

Требуешь утвержденные государственные нормативы – в бухгалтерии скажут, что как-то не могут сейчас найти, куда-то Леночка – учетчица задевала, я ей говорила положить в папку, а она не положила, а она сейчас в городе на сессии... Или подсовывали нам устаревшие, давно отмененные нормативы старых лет.

Еще была уловка - завышали урожайность, тогда получалось, что мы убрали меньше, чем выросло – куда это все делось? Если завысят урожайность – можно также увеличить нормы выработки. А в своих данных («для района») они урожайность занижали, что мы периодически и выясняли.

Постепенно мы научились контролировать закрытие нарядов, за что нас не выносили бухгалтеры и экономисты, но это надо было делать постоянно, каждый день – не всегда удавалось. Если из-за дождя не работали, с нас по положению не должны были брать за питание – не уследишь, возьмут обязательно.

Вообще, долгое время в таких условиях соревнование между отрядами осуществлялось по показателю – у кого меньше долг. У них - 30 тысяч, у нас всего 4 тысячи долг – мы молодцы, мы победители. А уж если что-то заработали – ликование нешуточное. Помню, в результате принятых мер наши грузчики при студенческой стипендии 30 рублей заработали по 10 -15 рублей, а девушки-сборщицы - по 3-5 рублей, так это вообще роскошно в тех условиях!

Кстати, если какая-то копеечка у нас действительно выходила, а мы очень старались, то деньги привозили в университет недели через две после нашего возвращения и выдавали студентам в какой-либо аудитории. Тут над суммой смеялись, особенно те, кто не был в колхозе – и за этим вы ездили? Ха-ха-ха!

После перестройки стараниями и идеями нашего преподавателя А.В.Скобелева мы перешли на настоящий хозрасчет. Договаривались, что мы получаем 15% урожая. Сами его продаем и на вырученные деньги расплачиваемся за питание, проживание, инвентарь, а остальные деньги выдаем студентам.

Утром одну машину быстро собирали, туда грузили только отборный картофель – выделяли для этого наиболее надежную бригаду, а остальную картошку потом подчищали и грузили остальные бригады. Потом ехали на Димитровский рынок, ставили машину и с машины продавали, повесили на кабину плакат: *Картофель Лорх, отборный, белый, совхоз такой-то, сельхозотряд «ЛОГОС»*. Наш прикомандированный милиционер ходил рядом, чтобы к нам не приставали конкуренты. Проф. Л.Е.Кройчик наблюдал как-то по случаю эту ситуацию и рассказывал потом на факультетском собрании: - Вижу, как рюкзак на животе нашего продавца С.Елисеева (это в действительности была противогазная сумка) раздувается от денег! К вечеру возвращались в колхоз с деньгами.

Но быстро поняли, что за один день на рынке машину картофеля не продашь, и стали ездить по селам и продавать ведрами. Если просили–подъезжали к дому оптового покупателя, там и сгружали. Бабушкам, которым нужно было ведро или два, ребята, бывало, давали картошку бесплатно.

И вот тогда, наконец, студенты стали в колхозе зарабатывать. В конце заработанные деньги делил совет бригадиров и студенческий командир и студенческий комиссар, мы не участвовали. Ребята всегда делили по справедливости, с учетом вклада каждого, никаких нареканий никогда не было. Иногда давали премии работникам колхоза, которые работали с нами добросовестно – поварам, возчикам, банщику...

Знаю, что некоторые ребята после колхоза ездили на заработанные деньги на юг до начала занятий (билет на самолет в Сочи стоил 10 рублей). Бархатный сезон! А еще мы «хитрили» – срок начала занятий был установлен (например, 12 октября). А мы заканчиваем с ребятами раньше 28 или 29 сентября, норму выполним, уезжаем из колхоза и отпускаем их в дополнительный отпуск. Явиться на занятия они должны 12 октября. Получалось иногда по 10 дней отдыха студентам, ребята были очень довольны. А иногородние девочки и ребята могли съездить домой до начала занятий, им тоже была очень приятна такая возможность.

Ребят, которые хорошо работали, мы иногда отпускали из колхоза раньше остальных на несколько дней – сами, не сообщая в деканат.

Но в университет уже хотелось...

А потом мы подготовили обращение к директорам совхозов и председателям колхозов - предлагали свои услуги на следующий год.

Сохранился этот документ:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СЕЛЬХОЗОТРЯДА "ЛОГОС" КО ВСЕМ, КТО
ИМЕЕТ ИНТЕРЕС.

/Особенно к председателям колхозов и директорам
совхозов/

Мы знаем, что нужны вам! Нужны в то время, когда на ваших полях созревает урожай картошки, свеклы, помидоров и прочих овощных культур. Когда дел в хозяйствах невпроворот, и нужны надежные, умелые, смекалистые, "золотые" рабочие руки. Без лишней скромности заверяем вас - они /то есть руки/ у нас есть.

По обоюдной договоренности сельхозотряд "Логос" филологического факультета Воронежского государственного университета готов, не жалея сил, в свое и ваше удовольствие ударно потрудиться на полях того хозяйства, которое откликнется на наше деловое предложение.

Коротко о себе. Нас ^{от 60 до} около 100 человек. Хорошо ^{хозяйстве} работаем в течение нескольких лет. В каком бы ~~колхозе~~ мы не были, никто на нас в обиду не остается. Трудимся добросовестно, судите сами:

1985 и 1986 годы - I место среди 26 отрядов Новоусманской зоны.

1987 - досрочно убрали /в течение 20 дней/ солидный урожай в совхозе "Юбилейный".

Презим обратит внимание еще на одну особенность нашего отряда: мы выезжаем в конце августа /числа 25-го/, в течение месяца гарантируем выполнить поставленный объем работ.

Стоит подумать, товарищи председатели и директора!

К вам будет у нас только одна просьба: условия проживания должны быть "на уровне", то есть не ниже, чем хорошие.

С уважением к вам и надежной на ответ бойцы отряда "Логос"

Наш адрес: Воронеж, ВГУ, пл. Ленина, 10, Филологический факультет.

Телефон: 56-63-32.

Правда, не помним, разослали ли мы это обращение и был ли какой результат.

Возвращение

В день отъезда надо было сдать общежитие. Надо было сдать матрасы, подушки и т.д. Очень не хотелось этим заниматься – мы мыслями уже дома, но приходилось. Считали кровати, ведра, мешки, матрасы, подушки, табуретки и т.д. Все время нас пытались обсчитать – мол, не хватает кроватей, обогревателей, матрасов. Куда-то вы их дели! Я с пеной у рта каждый раз доказывал, что никто с собой матрасы не везет в город, зачем нам они нужны – старые, рваные, пахнущие сыростью? И кровати железные не везем! Вон студенты сидят в автобусе, пойдите, посмотрите, везем ли ваши матрасы и табуретки!

Но ведра, мешки, лопаты обязательно на нас спишут – это был устойчивый источник дохода колхоза от работы студентов. На кого еще было списать недостачу, как ни на студентов? Они уже уехали. Проверять никто не будет.

Завтра ехать, а с вечера студенты начинают отпрашиваться – можно мы сами поедем, не дожидаясь завтрашнего утра? Как-нибудь доберемся! Зачем нам еще одну ночь ночевать здесь? Это было самое опасное – будут добираться на попутках, в темноте, мы не сможем проконтролировать, добрались ли.... Разрешали уезжать тем, за кем приезжали родители.

И вот радость – утро, день отъезда, автобусы! Забираем из правления грамоты нашим студентам (о них надо было заранее позаботиться). Преподаватели садятся в автобусы последними – и прощай, колхоз! Поехали! Колхозная эпопея на этот год завершена... Едем весело и с «чувством глубокого удовлетворения».

Но был еще и «университетский этап» завершения сельхозработ.

Во-первых, очень забавно было встречаться всем в университете – все друг друга не узнавали! Хохотали, показывали друг на друга пальцем – не в ватниках и старых сапогах, а чистые, умытые, красивые! С неизменным хохотом студенты и преподаватели приветствовали друг друга в университетских коридорах, обнимались... Это весьма странно, наверно, выглядело для тех, кто в колхозе не был.

Преподавателям и студенческому активу нужно еще было подготовить отчеты, список получивших грамоты. Ребята как отчет развешивали в коридорах колхозную наглядную агитацию – стенгазеты, стихи, тексты песен, карикатуры.

Преподавателям за колхоз на 100 часов снимали годовую педагогическую нагрузку.

Подведение итогов

Факультеты соревновались, кто больше привезет грамот от председателей колхозов, мы за этим следили.

Колхоз обычно на грамоты не скупился – это же ничего не стоило,

только подпись и печать поставить. Список лучших работников мы ему давали. Важно было получить грамоту от райкома ВЛКСМ или КПСС, это наиболее ценилось.

На факультете обязательно проходило в октябре партийное собрание с повесткой дня – «Об итогах сельхозработ факультета». Это было ежегодное традиционное и важное мероприятие. Партбюро готовить ничего к собранию не надо было, отчет сделает руководитель, примут решение «одобрить результаты» и мероприятие завершено.

Потом партком ВГУ и ректорат проводили университетское собрание по подведению итогов работы всех подразделений университета. Определяли лучшие факультеты, ректор объявлял благодарности студентам и преподавателям лучших отрядов. Один раз я даже сидел в президиуме такого университетского собрания как руководитель хорошо поработавшего отряда. Правда, позвонили в деканат и просили мне передать – «президиум, второй ряд».

А один раз – о, чудо! - мне дали премию по итогам сельхозработ – талон на ковер, который можно было только таким образом приобрести (за свой счет, разумеется, но это *дефицитный товар*). Мы жили с женой очень скромно. Стоил он 120 р. – а моя зарплата была 140 р., но мы решили с женой купить – награда все-таки! Первая моя университетская награда! Долгое время это был наш единственный предмет роскоши в семье, жив он и сейчас.

Еще иногда разбирались с теми, кто не поехал в колхоз, журили, проверяли справки, иногда объявляли выговоры.

Исключали тех, кто пьянствовал в колхозе (редко, но были такие случаи).

Разбирали порой и преподавателей, у которых случались амурные отношения со студентками, заботились о моральном облике советского преподавателя. На нашем факультете таких колхозных приключений не было, а на других бывали.

Бывали и политические разборки. Нас, например, в университете как-то подвергли пристрастному разбору за стенгазету под названием «Нелегальный листок» - вызвали на комиссию парткома. Я уже писал, что в колхозе преподаватели выпускали свою стенгазету под названием «Шпицрутен». Студенты нам отвечали своими боевыми листками с изображением Л.Толстого и эпиграфом «Он тоже пахал»... Один раз чем-то выпускавшие этот листок студенты провинились, и мы в «Шпицрутене» опубликовали шуточный приказ: на 5 дней запретили им выпуск их «Толстовского листа». Они, конечно, сразу же выпустили его под названием «Нелегальный листок». А потом мы все эти листки вместе со «Шпицрутенами» и другими материалами наклеили на ватман и вывесили на факультете как отчет. Так кто-то бдительный стукнул куда надо – «Филологи вывесили в университете нелегальные листки!». Парткомовские пришли на факультет, убедились – действительно, «нелегальные листки», свернули наш огромный ватман и унесли в

партком. И нас сурово вызвали на комиссию парткома университета, потребовали объяснений.

Мы просто недоумевали, но ощущение было не из приятных, было впечатление, что кто-то в университете, а может и на факультете, это «дело» явно раскручивал. Студенты об этом узнали, очень переживали, наши бригады рвались на партком, особенно Таня Березовская, в то время депутат городского совета. Ее-то как раз пустили, остальных нет. Л.Е.Кройчик встал и начал эмоционально объяснять ситуацию – почему назывался листок нелегальным, и что никакой крамолы здесь нет. - Не надо такую позу принимать, - сурово сказал Кройчику зам секретаря парткома, и карикатурно изобразил его позу. А Кройчик ответил: - Да какая поза, у меня просто брюхо большое!

Я потом тоже давал объяснения, Таня Березовская выступала – да как вы можете так говорить о нашей работе, о наших замечательных преподавателях, которые весь месяц работали вместе с нами! В итоге нас все-таки предупредили, чтобы «больше такого не было». А газету так и не отдали.

А на факультетском собрании по подведению итогов сельхозработ один из наших преподавателей (он проработал у нас всего года два-три) поднял вопрос о том, что надо возбудить персональное дело против преподавателя Э.Ефремова – тот ездил со студентами на свеклу в ноябре и не выполнял задание партии и правительства – собирать свеклу, а договорился с хозяйством, чтобы студенты работали под крышей на другой работе. А сам «заявитель» гонял своих студентов в мороз на свеклу и все ребята заболели. Студенческий командир Оля Струкова (она была членом партии) дала ему тогда на собрании такую отповедь, что мало не покажется – мы благодаря Эдуарду Петровичу все выполнили, что нам поручали в хозяйстве, и приехали здоровые, а вы всех простудили и ничего все равно не собрали.

Надо сказать, что студенческий актив у нас был действительно боевой, чему колхозный опыт и наше длительное совместное общение немало способствовали. Я уже писал, что практически весь наш студенческий актив на филфаке и журфаке – старосты групп, комсорги, профорги – выбирались ребятами обычно из колхозных бригадиров. И это были действительно лидеры, к которым прислушивались и студенты, и преподаватели.

Доценты как рабсила

Помню, как хвалили на университетском собрании перед началом учебного года доцента физического или математического факультета – он все лето отработал в селе на комбайне. Все присутствовавшие на него смотрели, а он скромно улыбался.

Обычно преподавателей как рабсилу не посылали. Но чем ближе к перестройке, тем такие случаи начали случаться чаще.

Один раз в такой экспедиции побывал я. Послали нас в Калачеевский р.н, с.Черноземное. Обещали, что на картошку – но по приезде бросили

почему-то на кукурузу. Мешок на плечо – и в заросли кукурузы, искать початки, срывать и в мешок. Едет рядом тракторная тележка – выносишь мешок, высыпашь в тележку и снова в заросли.

Вот как раз мы с В.В.Инютиным определяем – «материнский» или «отцовский» початок:

Были из университета в основном лаборанты, техники, инженеры, только несколько преподавателей, из них мы – три филолога.

Спали все в одном огромном зале (по-моему, это был клуб) - 30 человек. Ни радио, ни телевизора.

Пошли вечером кино смотреть на летнюю площадку – а местные туда пришли бить городских. Приставали к нашим девочкам - медикам – там была группа из мединститута, ординаторы. Один из врачей вступился за девушку, его сразу целая стая сбила с ног и стали бить ногами. Они были очень организованы. Напали все на одного, повалили, били ногами. Мы вступились, досталось и нам, они с удовольствием разделились на группы и очень организованно по несколько человек пошли на каждого из нас. Я сбегал в общежитие за подмогой, но далеко не все пошли на помощь. Лишь человек пять из двадцати побежали со мной. Но врача мы отбили. А мне зуб выбили передний. Досталось и другим.

Прибежал парторг, пытался их остановить – они ему тоже накостыляли, оторвали рукав. Кстати, он после этого был вынужден переехать в другой совхоз – на суде он был свидетель, уже с другой должности. Кстати, на суде выступал свидетель, которого мы на киноплощадке не видели – мужик лет 60, который говорил, что это мы напали на местных, он сам видел, они защищались. Судья поулыбалась – спросила, знает ли он про лжесвидетельство. Он ничего не ответил и сел.

Врача с сотрясением мозга и многочисленными ушибами и гематомами самолетом санавиации отправили в областную больницу. Мы потом с ним

встречались, везли его на суд. Очень симпатичный оказался человек, но еще долго болел. Его с трудом выносили.

Шпану задержали. В больнице, куда нас везли вместе со всей этой шпаной в одном автобусе (нас - зафиксировать травмы, их – на допрос в РОВД), нам сказали – «из Черноземного каждый год битых привозят»).

Был суд, мы дважды приезжали из Воронежа в Калач. Я спрашивал судью по фамилии Смородина (деревенские ее склоняли так - *они со Смородиной живут вместе в домах, спросите у Смородины*) – что им грозит, она мне сказала – очень трудно разбирать вину в коллективной драке, посмотрим. В общем, навела тень на плетень. Сказала нам – не ждите приговора, не оставайтесь ночевать – зачем вам еще тут ночевать. Приговор мы вам пришлем. Она нам и железнодорожные билеты заказала. Нам, конечно, не хотелось оставаться – нас оскорбляли родственники шпаны – *доценты, городские, побили вас наши дети, постеснялись бы жаловаться...* Смородина обещала прислать приговор, но не прислала. Я написал ей – тогда она прислала, но по истечении 10-дневного срока обжалования. Менее виноватые получили больше, по 2 года. А зачинщик и главный инициатор, сынок чей-то – год поселения, по воскресеньям каждую неделю приезжал домой. Словом, суд абсолютно неправый. А для одного задержанного парня закончилось пребывание в СИЗО трагически-его там убили соседи по камере: он мыл пол тряпкой и кого-то задел из важных воров, а это у них неуважение (он-то не знал), они его избили до смерти.

Работать нам было там, разумеется, вовсе невесело, а без студентов, к которым мы привыкли – просто скучно. Но доработали до конца, все «раненые» (побитые) остались в отряде. Кукурузу собрали. Вот такой невеселый был колхоз.

Приехав домой, я написал статью в газету «Молодой коммунар», которой редакция дала название «Горожанин едет на уборку». Я со всей серьезностью проанализировал нашу работу в колхозах последних двух лет и высказал предложения по улучшению работы.

Статья большая, приведу из нее выдержки:

Горожанин едет на уборку

МК, 29 сентября 1981 г.

Горожанина работой в колхозе или совхозе теперь уже не удивишь. Я, например, в вузе 6 лет, из которых около восьми месяцев провел на сельхозработках; а иные коллеги имеют по два и более года «колхозного стажа». Понимаем мы и в нарядах, и в расценках, знаем, какие виды работ лучше оплачиваются. Словом, в сельском хозяйстве многие воронежцы уже достаточно хорошо подкованы.

Однако, если посмотреть правде в глаза, эффективность и качество труда горожан на уборке урожая из года в год остаются низкими. В чем причина?

В течение двух сентябрьских недель я вместе с большой группой воронежцев трудился в совхозе «Черноземный» Калачеевского района Воронежской области. На примере этого хозяйства (в целом умеющего хорошо организовать работу привлеченных на уборку горожан) можно подробно ответить на этот вопрос.

Горожанин едет в совхоз или колхоз, закономерно полагая, что его там ждут. Никто, конечно, не рассчитывает на идеальные бытовые условия, но каждый вправе требовать теплое жилье, баню, регулярное питание, элементарные гигиенические удобства. Скажем сразу: в совхозе «Черноземный» обо всем этом заранее позаботились. Бытовые условия для более чем 120 горожан были созданы хорошие. Заведующая совхозной столовой Е. Ф. Гук и повар Л. И. Кравцова готовили вкусно, обед в поле привозили без опоздания.

Как не вспомнить тут прошлый год - совхоз «Юбилейный» Новоусманского района: машин под погрузку картофеля вечно не хватало, мешков — тоже. Зато людей в избытке. Чтобы чем-то их занять, бригадиры заставляли делать двойную работу — ссыпать картофель в кучи, а затем, когда найдемся машина, вновь насыпать его в ведра и грузить в кузов. Бессмысленность такого труда была очевидной, и всякое желание работать, естественно, пропадало.

В «Черноземном» же организация работы на поле была хорошей — явление весьма нечастое, по наблюдениям «ветеранов» сельхозработ. Но довольны ли были руководители совхоза результатами труда приехавших к ним воронежцев?

На последнем собрании в день отъезда директор совхоза В. П. Фоменко и секретарь партийного бюро Н. Ф. Лещенко поблагодарили горожан: мол, без вас мы бы не убрали кукурузу и картошку. Но тут же привели и цифры выполнения плана. Самый лучший — сельхозотряд ВГУ — выполнил задание на 61 процент, другие отряды имели еще более низкие результаты. Заработок за две недели не превышал 15—20 рублей.

... Не будем абсолютизировать понятие нормы. Далеко не каждый горожанин может собрать за день 5,5 центнера картошки или кукурузы — он просто к этому не приспособлен, не освоил приемов работы, устает физически. Вряд ли правы те руководители, которые, срываясь на крик, требуют от горожан ежедневного выполнения нормы. Последняя нужна как ориентир, как инструмент сравнения труда людей.

Кстати, если работать, скажем, только на сборе картофеля, то процент выполнения задания повышается, как показывает практика, изо дня в день. Руководители хозяйств это прекрасно знают. Но так уж повелось: присланных постоянно перебрасывают с места на место, на горящие участки, не дают привыкнуть к одной работе.

В этом году сельхозотряд ВГУ был создан специально для вывоза картофеля. В университете серьезно подошли к его формированию, подобрали из числа сотрудников и преподавателей 35 молодых, физически сильных мужчин. В совхозе же весь отряд был направлен на

кукурузу, картофель убирали всего два дня, а последние три дня молодые, здоровые люди сидели на маленьких скамеечках на току и сортировали початки по сортам: «материнские» в одну кучку, «отцовские» - в другую. Это было под силу десятилетнему ребенку, но именно сельские школьники в это время собирали картошку...

.... Принципиальное значение имеет для горожан и твердое задание: что сделать и в каком объеме. Скажем, уберете урожай с этого поля — можете ехать домой. Руководители хозяйств всячески избегают давать подобные обещания. Не был исключением и директор совхоза «Черноземный» В. П. Фоменко. Обычно администрация выдвигает одинаковые доводы против твердого задания: «Отпущу людей раньше — на следующий год не дадут» или «Спустят дополнительное задание — кто будет выполнять?»

И первое, и второе вполне реально, случается в практике. Но о каком стимуле к труду может идти речь, если люди понимают, что хозяйство в любом случае, продержит их полный срок, независимо от результатов работы?!

А вот когда В. П. Фоменко под конец нашего пребывания объявил, что, если будет рассортирована вся кукуруза, оставшаяся на току, он разрешит отъезд, производительность труда возросла раз в пять и вся работа была закончена в полтора дня. ... Заработок за «сельский труд», как правило, не является стимулом для горожан — платят им, как правило, немного. Тем не менее никому не нравится, когда совхоз или колхоз обсчитает при расчете.

К сожалению, такие случаи бывают. В прошлом году, например, в совхозе «Юбилейный» Новоусманского района из суммы, заработанной студентами филологического факультета ВГУ, вычли деньги за какие-то матрацы, табуретки, которых никто и в глаза не видел. Причем все это, как правило, подсчитывается в последний момент перед отъездом, даже в последние минуты. Автобус уже гудит, и проверить что-либо нет никакой возможности, да, честно говоря, и не хочется — скорее бы домой.....

Руководство совхоза «Черноземный» считает, что лучший путь — закреплять промышленные предприятия и организации за сельскими. Тогда и контакты будут прочными, и можно будет эффективно воздействовать на людей. Никаких проблем, к примеру, не возникало у совхоза с работниками СМУ-4, которые четыре года подряд приезжали в качестве механизаторов. И работали отлично, и зарабатывали хорошо, и приезжали с удовольствием, сами просились в «Черноземный».

Вина за плохое отношение людей к работе — на них самих и, конечно же, на руководителях сельхозотрядов, которые не создают в коллективах, пусть временных, обстановки взаимной требовательности. Недобросовестность на сельхозработах следует рассматривать как нарушение трудовой дисциплины. Ведь вряд ли кто-нибудь из нарушителей позволил бы себе открыто бездельничать на своем рабочем месте. Трудно представить себе, что работники какого-либо предприятия

улягутся загорать во дворе во время работы. А в совхозе, выходит, можно?!

....

Немаловажную роль играет и атмосфера в селе вокруг приехавших из города. Хотелось бы, чтобы сельчане, в особенности молодежь, с пониманием, доброжелательно относились к людям, приехавшим к ним, оставившим привычную жизнь, семью, часто — весьма квалифицированную работу. К сожалению, так бывает далеко не всегда. Иногда выезд горожан в село не обходится без драки с «местными». Сценарий, как правило, стереотипен: подвыпившая местная молодежь лезет в общежитие к городским, или хулиганит в кино, на танцплощадке, ища себе развлечений. Подобный безобразный случай был и в период нашего пребывания в «Черноземном» — пострадало с десятков горожан» .

И серьезный вывод, который я делаю в конце статьи:

«Время идет вперед, накапливается опыт привлечения горожан к уборке урожая. Думается, пора переходить на более высокий уровень организации этого дела. Следует заботиться не только о заполнении рабочих вакансий на селе, но и о том, как сделать труд горожан на уборке эффективным, производительным, качественным. Урожай надо брать не числом посланных в село жителей города, а умением организовать их работу, добросовестным отношением к делу».

Редакция сделала к моему материалу свою приписку:

ОТ РЕДАКЦИИ. Уборка сельскохозяйственных культур в нашей области еще далеко не закончена. Руководителям хозяйств и сельхозотрядов, комсомольским организациям вузов и заводов, совхозов и колхозов, видимо, стоит учесть замечания и предложения, высказанные автором настоящей статьи.

Что меня поражает и даже забавляет сегодня в этой моей собственной статье, которую я читаю через 37 лет? Очень серьезный тон. 1981 г., до перестройки 4 года. Никаких сомнений, что это все нужно, что так и должно быть — надо ездить в колхозы, и надо к этому серьезнее относиться, надо просто лучше организовывать работу. В этом важнейшая общественная задача.

И не вызывающий сомнения постулат - мы должны трудиться добросовестно везде, куда их пошлют, на любой работе, независимо от того, связана ли эта работа с нашей профессией или нет: «Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть».

Статья, по-моему, хорошо передает ту атмосферу, которая была в нашем обществе: заметно раздражение плохой организацией работы, бесплановостью, неорганизованностью и под., но не возникает сомнения в том, что принудительный труд — это наша обязанность.

А еще в начале восьмидесятых выяснилось, что и сено в колхозах уже некому убирать. И стали посылать «на сенокос». Дали разрядку по факультетам – выделить людей на сенокос. Кстати, ехать надо было летом, когда все в отпуске. Кого послать? Тем более что осенние колхозы никто не отменял, туда тоже надо будет посылать преподавателей. Наш декан Иван Степанович Торопцев в коридоре встречает доцента Н.М. Вахтель и спрашивает: - Наталья Михайловна, а вы не хотите на сеновал? – Конечно, хочу! – ответила веселая Наталья Михайловна.

Послали «на сеновал» (то есть на сенокос) сводный отряд преподавателей, в их числе было и несколько филологов, в том числе А.П.Валагин, В.В.Инютин, Т.Н.Голицина.

Иногда ставили «бойцов» на стогование. Стоговали особой машиной, и А.П.Валагин получил на стогу от этой машины серьезную травму.

Чаще работали на погрузке сена. Приедет с утра тележка – нагрузят три маленьких стожка, тележка уедет. Теперь она вернется после обеда, когда тракторист поест и отдохнет. До этого времени 4 часа все бойцы лежат на поле и смотрят в небо. Нагрузили в три часа дня вторую – она уехала, можно идти домой. Все равно больше не приедет.

Словом, организация была такая же, как в студенческих колхозах.

Ломовские чтения

Мужики-преподаватели в многочисленных совместных колхозах очень сдружились. Конечно, мы, преподаватели, были все разные, в том числе и по возрасту, и по научным званиям, и по опыту работы, но совместные колхозные трудности, наши общие замечательные студенты и совместная работа нас всех объединяла. И возникла традиция - после колхоза, в первые две недели после окончания сельхозработ, устраивать мальчишник «по подведению итогов колхозного сезона». Первые несколько раз собирались на квартире у А.М.Ломова, который в свое время немало дней провел в колхозах со студентами, поэтому назвали это мероприятие изначально «Ломовские чтения».

Это было замечательное, вдохновляющее мероприятие! Собирались мужчины с двух родственных факультетов - филологического и журфака. Выпивали, вспоминали колхоз, шутили, дурачились, сочиняли друг на друга эпиграммы, байки всякие рассказывали.

А.П.Валагин каждый год делал для «чтений» большой казан плова с барбарисом и привозил его на место встречи. Плов был отличный, закуска замечательная. Но при этом было правило, которое огласил нам сам А.П.Валагин – «Первый тост – за Юсупа». Этот тот, кто его научил делать этот плов. Это правило мы неукоснительно соблюдали.

Потом стали собираться у меня дома, жена уходила, чтобы нам не мешать. Многие годы собирались у меня, в однокомнатной, а позже – в двухкомнатной квартире, в тесноте, но не в обиде. Потом выяснилось, что есть в Москве другие «Ломовские чтения» - в честь психолога академика

Б.Ф. Ломова, даже сборник выпускается Академией наук - «Ломовские чтения». Название чтений постепенно претерпело изменения. В.Г. Кулиничев с учетом многолетнего вклада Е.С.Воропаева в колхозное движение и места проведения «чтений» у меня на квартире предложил назвать мероприятие так: «Ломовские чтения им. Воропаева в культурном центре им.Стернина»

Нашим составом «ломовских чтений» мы инициировали издание сборника творческих работ мужчин-филологов - «Мужской взгляд» (Воронеж, 2007 г.), а издал эту книгу А.П.Валагин за счет своей фирмы «Родная речь». Спасибо ему огромное! Женщины-филологини тоже возбудились и решили было издать свой «Женский взгляд», но так и не собрались. У них же не было колхозного братства...

Но не стало В.Кулиничева, А. Смирнова, В.Козырева, Н.И.Белоусова... Кончились колхозы, кончились и наши «чтения».

Чему я научился в колхозах

Лично я в колхозах, как и в армии, многому научился. Чему?

Прежде всего, я научился общаться со студентами. Научился дружить со студентами, приходить им на помощь, рассчитывать на их помощь.

Научился совместно работать и дружить со своими коллегами, с которыми вне колхозной жизни я бы не имел возможности столько общаться.

Научился иметь дело с начальством разного уровня, не бояться начальства, договариваться и отстаивать интересы «своих».

Научился руководить большой группой совершенно разных людей, обеспечивать, координировать и облегчать их работу, формулировать требования и проверять исполнение, не видеть катастрофы в неисполнительности подчиненных...

Я также понял такую вещь: если ты руководитель, не обязательно тебе самому всем на поле помогать, не стоит сразу лично бросаться на выручку отстающим – задача руководителя организовать работу так, чтобы не было отстающих, чтобы более сильные помогали слабым. Слабые не сачковали, они просто работали в меру своих сил. Лентяев, которые тоже, конечно, были, надо было стимулировать, высмеивать, «подначивать» (как Мираба Панаёти, я об этом писал).

Как «полевой командир» я весь день носился по полю, следил, кого куда поставить, кого куда переставить, кому нужны мешки, к кому надо поближе поставить машину, кого надо вдохновить, кого поругать, кого поблагодарить, кому дать отдохнуть. Не сосчитать, сколько километров я намерил по грязи и пахоте (спасибо сапогам). Быстро выяснилось, что если я весь день бегаю по полю, то всем остальным работать на поле намного легче, понятней, меньше отстающих, настроение лучше, заканчивают работу раньше и не так устают. А я в конце дня, конечно, буквально с ног валился, но это и была моя работа.

В целом я считаю, что за годы колхозов я хорошо освоил работу бригадира картофелеуборочной бригады. Научился организовывать работу, заполнять наряды, контролировать бухгалтерию, весовую, не давал нас обманывать. Иногда закрадывалась мысль – может я вообще не ту профессию выбрал? Но я все-таки эту мысль отгонял.

Но вот какая мысль меня неотступно преследует уже много лет: ведь если бы деревенские бригадиры работали со своими людьми так, как научились мы, филологи, может, и горожане не были бы нужны на уборке? Почему же они так не работали? Вопрос остается без ответа.

Что происходило с деревней

Взгляд филолога на деревню семидесятых - восьмидесятых гг. прошлого века, конечно, весьма субъективен. Но этим, думаю, этим он и интересен.

Обобщая двадцать моих колхозных лет (за время работы в университете я провел в колхозах в общей сложности два года и 2 месяца) я могу выделить основные впечатления, которые сложились у меня о нашем селе, сельских жителях, колхозах и совхозах, нашем сельском хозяйстве заката социалистической экономики.

Что запомнилось и что повторялось практически во всех хозяйствах?

Феодальное всевластие на селе председателя или директора. Всё и все зависят от него, от его прихотей и настроения. Судьба всех людей в его руках.

Председатель (директор) всегда имеет лучший дом, пользуется только государственным бензином, стройматериалами, производимой продукцией - никто этому не удивляется. Другие начальники помельче стараются ему подражать, но не у всех получается.

Безразличие большинства работников к труду в хозяйстве, к его результатам. Интересно сельчанам в основном свое подсобное хозяйство, свое личное материальное благосостояние.

Дисциплины на работе никакой. Руководители всех звеньев не умеют или не хотят работать. «Мне бы хоть скорее мороз ударил», - говорил мне агроном, от которого мы требовали организации нашей работы. – «Свой огород я убрал».

Очень мало селян работают в самом хозяйстве – в основном люди из деревень работают в городе, отсюда хронический дефицит кадров.

Постоянное активное внимание селян к заработкам других, зависть к тем, кто что-то заработал, но при этом у большинства стойкое нежелание самому потрудиться как следует, чтобы реально побольше заработать. Лучше бы бесплатно что-то где-то получить или «взять» (то есть украсть).

Поголовное пьянство, ставшее нормой – никто не удивляется на постоянно пьяных, удивляются на трезвых и относятся к ним с некоторым недоверием. «Не пьет...» - это с осуждением...

На протяжении все доперестроечных лет нам видна была отчетливая тенденция – коллективное социалистическое сельское хозяйство

разваливалось на глазах. В перестройку люди начали выходить из колхозов - они становились фермерами, заводили свое дело. Тех, кто вышел из колхоза, остальные селяне первоначально дружно ненавидели – а вышли, прежде всего, непьющие специалисты – агрономы, экономисты, выкупили технику. А потом, уже на нашем же веку, стали им завидовать – когда у «единоличников» стало налаживаться дело, стали проситься к ним работать. А те кого подряд не брали – прекрасно знали, кто чего стоит, кто будет работать, а кто будет воровать.

Было очень заметно, что против отмены колхозов протестовала прежде всего пьянь и бездельники – те, кто работать не хочет и не будет никогда. Колхоз им нужен для того, чтобы там числиться и требовать хоть какую-то оплату, и как место, где всегда найдется, что украсть. У частника-фермера не украдешь бензин или доски, а в колхозе – пожалуйста.

И мы вспомнили коллективизацию – видно, так она и проходила: охотно объединялись неимущие, а те, у которых что-то было, не хотели, они хотели работать на себя, и их объявили кулаками и выслали. А в перестройку получилась «коллективизация наоборот» - бездельники хотели сохранить колхоз, непьющие и работающие – выйти из него и работать на себя.

Кому выгоден был «Архипелаг КОЛХОЗ»?

Сама ситуация уборки урожая студентами (и горожанами вообще) была, конечно, сама по себе абсурдна. Почему урожай выращивают колхозники, а убирают не те, кто его вырастил, а студенты? Ведь это все равно, как если бы преподаватели вузов 5 лет учили студентов, а принимать госэкзамены и слушать защиту дипломных работ приглашали бы по разнарядке сельских жителей.

И что интересно - сейчас уже много лет студенты в колхоз не ездят, а сельхозпредприятия управляются с уборкой сами. И овощи есть круглый год, и фрукты. Значит, можно это было сделать? Но неэффективная плановая система это не могла обеспечить.

Но теперь, когда прошло много лет с нашего последнего «колхоза», мне кажется, что тогдашние «колхозы» как форма «помощи города селу» были выгодны абсолютно всем.

Колхозу или совхозу – это дармовой труд, за уборку отвечает город, а не село, можно особенно и не напрягаться. На студентов можно списать многие материальные ресурсы. Можно списать на студентов инвентарь, продукты, оборудование, постельные принадлежности, мебель и т.д.

Местным жителям – есть, что чем поживиться. Возможность украсть и списать на студентов всегда была мощным стимулом для местных жителей. Да и столовая всегда подворовывала.

Деревенская бабушка как-то догадалась принести семечки к общежитию – студенты все раскупали за копейки, а бабушка была

счастлива (заработок!) и говорила себе под нос: - *Вот мне счастье-то присыпало...*

Кроме того, я уже писал, что местные жители по-тихому (обычно в тайне от преподавателей) нанимали студентов их личную картошку убирать.

Сельской молодежи - какая-то новая жизнь, развлечение, возможность пообщаться со студентами, покуражиться и показать себя городским, продемонстрировать свое физическое превосходство.

Народу и государству: урожай гарантированно поступит на базы, оттуда – в магазины, будут овощи и фрукты в продаже.

Студентам: одни прикроются справками и не поедут, получат дополнительные каникулы; работающие и совестливые поедут и тоже получат свое удовольствие - месяц на воздухе, весело, с друзьями, развлекутся, на всю жизнь воспоминаний; может, еще и заработают что-то...

Преподавателям – кто из преподавателей не в колхозе (а таких подавляющее большинство) – вообще красота: дополнительный отпуск, полтора месяца зарплату получают и не работают – занятий нет или почти нет. Нагрузку тоже сокращали – курсы-то сокращались по объему часов из-за колхоза, полтора месяца занятий-то пропадало.

У нас, у тех, кто поехал со студентами, тоже фактически дополнительные каникулы на воздухе, хоть и физическая работа. Но с молодежью, своими коллегами, весело. За колхоз нам записывали выполнение части педагогической нагрузки (100 часов).

Милиции, врачам, медсестрам - дополнительный отдых. Они часто уезжали, особенно они не напрягались.

Водителям прикомандированных машин – им тоже хорошо: их из города прикомандировали к колхозу, они с утра приехали, мы их нагрузили и они уехали кто в 11, кто в 12 часов, и больше не возвращаются – они для своего начальства в колхозе, так что делай в остальное время что хочешь.

Партбюро, парткому вуза, райкому – есть возможность отличиться. «Работа по организации сельхозработ» в общем-то, несложная. Преподаватели и студенты народ послушный, едут безропотно. За все отвечают преподаватели.

Вокруг этого можно провести много мероприятий, составить планы, заслушать отчеты, поощрить передовиков, определить отстающих и передовых студентов, преподавателей и факультеты, наказать нерадивых и морально оступившихся (как студентов, так и преподавателей) – самая что ни на есть реальная воспитательная работа...

А то, что дармовый труд окончательно расхолаживал «сельхозпроизводителей», учебный процесс в вузах на месяц-полтора сокращался, студенты ежегодно недополучали знания, горожанам приходилось упорно осваивать совершенно бесполезные в их дальнейшей жизни навыки; к тому же многие студенты и преподаватели на сельхозработках заболели, простужались, получали травмы, растяжения,

отравления, ушибы, сердечные приступы - это так, это мелочи, никто этого как бы не замечал, «издержки производства».

И что интересно: сейчас «колхозов» больше нет, все студенты спокойно учатся с начала сентября. А овощи и фрукты в городе есть, причем в гораздо большем ассортименте и в большем изобилии, чем тогда, когда за их сбор отвечали мы с нашими студентами.

Вот такая ситуация.

МОЙ «АРХИПЕЛАГ»

А.В. Скобелев

Архипелаг – совокупность большого числа отдельных островов, целых групп или цепей их, близко лежащих друг от друга и составляющих общую соединенную систему.

Энциклопедический словарь
Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона

«Архипелаг КОЛХОЗ» – прекрасное название для книги, посвящённой истории пребывания советских горожан на сельхозработках! Действительно, эта часть общественной жизни СССР (как и многие другие) может быть представлена как довольно экзотический архипелаг, состоявший из островов, рифов, проливов и прочей географии, описания достойной. Кроме того, и основная ассоциация с иным «архипелагом» будет вполне оправданной и точной: архипелаг КОЛХОЗ и архипелаг ГУЛАГ (при всех различиях и даже взаимной несопоставимости по ряду признаков) все-таки относятся к единому материку – Союзу Советских Социалистических Республик, этой рухнувшей в никуда Атлантиде новейшей истории. Да и вообще между архипелагом ГУЛАГом и архипелагом КОЛХОЗОМ существовали самые тесные связи – как реальные, так и идеологические, ассоциативные. А нам остается почти хаотично болтаться по волне своей памяти на челноке забвения между случайно всплывающими в тумане отдельными объектами этого архипелага...

О названии Архипелага и об истории его открытия

Почему наш архипелаг назван Колхозом? Ведь в 1970-1980-е гг., о которых преимущественно идет речь в этой книге, основной формой сельскохозяйственных предприятий, на помощь которым отправлялись горожане, были *совхозы*, т.е., советские хозяйства, государственные организации (а колхозы – «коллективные хозяйства», кооперативная

собственность). Но об этом чуть позже. Наш архипелаг назван «Колхозом» потому, что под этим словом в разговорном советском языке зачастую понимается как любое сельскохозяйственное предприятие, так и сельская местность вообще, а в нашем случае – ещё и работа студентов в этих «колхозах».

Отношения советского города и советского села (деревни) имеют давнюю и драматичную историю (продотряды, крестьянские восстания, раскулачивание, коллективизация). Колхозы, этой коллективизацией порожденные, уже в конце 1930-х гг. стали требовать от города помощь рабочей силой – и уже тогда советские студенты (по крайней мере из провинциальных ВУЗов) отправлялись на летне-осенние сельхозработы (известно из воспоминаний людей о предвоенном времени). С тех пор студенты (самая подходящая рабсила) и ездили «в колхоз» – даже тогда, когда колхозы были уже совхозами, ибо пролетарское государство, долгие годы разнообразно и бесстыдно грабившее деревню, было вынуждено национализировать и поддерживать погибающие колхозы, свою коллективную собственность вынуждено растерявшие. Так и сосуществовали две формы сельхозпредприятий (индивидуальных хозяйств в СССР практически не было). Для горожан, прибывших на работы в совхоз или колхоз, в каждой из этих форм сельского хозяйствования были свои плюсы и свои минусы, на чём остановимся подробнее.

Остров Колхоз

Колхоз как организационно-правовая форма был свободнее от диктата начальства, нежели совхоз. По крайней мере, колхоз мог продать часть своей продукции более-менее законно «на сторону» и распоряжаться вырученными деньгами.² Привлеченная рабочая сила знала, что председатель колхоза, как правило, был более заинтересован в результатах работ, чем директор совхоза; в колхозах проще было получить деньги за свой труд, чем в совхозе; в колхозе (опять-таки, – как правило) лучше кормили.

Приведу характерный пример из моего жизненного опыта. В 1977 (или в 1976 г.?) г. воронежский обком КПСС пообещал засыпать в закрома Родины сколько-то миллионов тонн сахарной свёклы, но к середине октября выяснилось, что удалось собрать значительно меньше обещанного, а при этом часть свёклы замерзает в полях неубранной. Горожан (студентов, рабочих, инженеров, врачей и т.д.) во второй половине октября отправили «в колхоз» выковыривать заветные сладкие корни из мёрзлой грязи.

² Недавно прочитал, что в СССР главными скупщиками украденного дефицита с промышленных предприятий (а воровали тогда стройматериалы, металл, топливо и прочее в огромных масштабах) были именно колхозы.

Наш курс (филологи и журналисты тогда были единым факультетом) попал в Аннинский район, в настоящий колхоз. Председатель оказался очень разумным человеком и сказал нам примерно следующее: «Свекла эта мне нафиг не нужна, собирайте мак. За выполнение посильной нормы плачу каждому по 5 рублей в день, за полноремы – 3 рубля, за перевыполнение буду премировать дополнительно». И точно: в колхозе было неубранное поле пищевого мака, нам выдали мешки, в которые мы собирали сухие головки мака (честно старались, но норму выполнить мало кому удавалось). А тем временем на свекольном поле вяло копошились рабочие и инженеры с завода «Электроника», даже не столько копошились в поле, сколько сидели у костров в «посадках» (защитные насаждения по краям поля), пили водку и посылали рискнувших к ним приблизиться «начальников» куда подальше, в основном на три буквы, реже в пять или четыре. Мак мы благополучно дособрали за несколько дней, потом тоже погуляли по свекле. А перед отъездом председатель нам премию за мак выдал... Штрих к портрету студенчества второй половины 1970-х гг.: никому из нас и в голову не приходило, что маковую соломку можно использовать в наркотических целях.

И всё бы хорошо в колхозах, но обычно бытовые условия там были значительно хуже, чем в совхозах. В том же октябрьско-ноябрьском колхозе мы жили «по хатам», спали на полу, в «хате» вместе с нами обитали и резвились мелкие симпатичные козлята, похожие на щенков.

Остров Совхоз

А за совхозами либо были закреплены «лагеря труда и отдыха» (ЛТО)³ – был и такой островок в Архипелаге КОЛХОЗе, – и/или общежития, в целом вполне приспособленные для приема рабочей силы (ЛТО и общежития подвергались периодическим проверкам санэпидстанции и пожарной службы). Но в совхозах всё (кроме бытовых условий) для нас было хуже, чем в колхозе. Если колхоз можно уподобить воровской зоне, живущей «по понятиям», то совхоз будет зоной «сучьей», полностью подчинённой администрации. Как на всяком советском государственном предприятии там царил бюрократия, портящая жизнь простому человеку. Да и директорам совхозов обычно всё, с нами связанное, было «по барабану»...

Залив Моих Студенческих Колхозов

Еще учась на первом курсе (1974/75 г.) филфака, я попытался записаться в факультетский стройотряд «Каравелла», успешно бороздивший воды соответствующего архипелага. Но меня не взяли в стройотряд, сославшись

³ В ЛТО летом содержались школьники старших классов, используемые на прополке сельхозкультур. Отопление домов в ЛТО не предусматривалось.

на то, что у меня нет ни строительной специальности, ни восемнадцати лет, да и вообще – фасоном не вышел. Представляю, как потом страшно сожалели об этой роковой ошибке мои старшие однокашники-стройотрядовцы!

Попав в сентябре 1975 г. в свой первый «колхоз» (собирали помидоры и яблоки в совхозе «Тимирязевский» Новоусманского района), я довольно быстро осознал все плюсы существования в этом чудесном мире. И, видимо, начал излишне активно этими плюсами пользоваться, из-за чего злые препы меня почти выгнали из отряда. Почти – потому что отправили они меня с соответствующей докладной запиской в деканат, но замдекана Вельмира Ивановна Дьякова велела мне постричься, взяться за ум и завтра же возвращаться в колхоз. Я, естественно, ликвидировал излишнюю (бывшую до плеч) длину прически и сразу же резко образумился. А когда вернулся в колхоз, четверокурсницы упростили препов меня простить и даже взяли шефство надо мной.

Честно говоря, выгонять меня было не за что. Никакого конкретного нарушения дисциплины я не применил и никаких особых безобразий я не сотворил, был как все: по ночам мы гуляли, днем спали на грядках, иногда перекидывались помидорами с однокашниками... Да и внешний мой вид был не отвратительнее прочих: большинство из нас были фрагментарно одеты в старую, почти антикварную форменную одежду, плохо сочетавшуюся с прочей, гражданско-современной, что неизбежно вызывало ассоциации с анархистами из советских кинокомедий или, как полагал бывший суворовец Александр Тихонович Смирнов, дезертирами. Подозреваю (и имею на то основания), что меня препы выгнали из колхоза только для воспитательного устрашения всех прочих, но сами при этом были под основательным «газом», а я случайно подвернулся под их поддатые педагогические ручки-рукоятки.

Так или иначе, но первый «колхоз» научил меня, легкомысленного юнца, кой-чему полезному в жизни. Особенно я благодарен моим однокашницам-четверокурсницам. В частности, они мне сказали примерно следующее: «Андрюша, дружи только с хорошими девочками. Они такие же, как плохие, но только лучше». И я далее строго следовал этому мудрому, хотя, на первый взгляд, несколько непрактичному совету, о чём никогда не жалел и до сих пор не жалею. Еще они меня научили играть в «ситуации» – прекрасная полевая игра! Суть её такая. Любое количество играющих (чем больше, тем лучше) усаживаются на вёдра близко друг от друга, один из них иносказательно описывает какую-то ситуацию (реальную или придуманную), а все остальные должны отгадать её. Загадавшему можно задавать вопросы, на которые он должен отвечать только «Да», «Нет», «Несущественно». Например: «– Ты меня любишь? – Да! Она умирает». Много рабочего времени пройдет, пока вопрошающие докопаются до сути ситуации: это диалог воздушных гимнастов в цирке, Он, подобно вороне с сыром, держит в зубах трапецию, с которой Она задает роковой неуместный вопрос... Или совсем простенькая ситуация,

иногда решаемая на первой же минуте игры: «Вышел из дома и не вернулся» (Колобок).

Мой второй колхоз прошел настолько гладко и бесппроблемно, что и вспомнить решительно нечего, кроме известия о смерти Мао Цзэдуна. Отношения между СССР и КНР были хреновыми, смерть китайского лидера давала надежду на их улучшение. Мы же опять фактически не работали, а только волюнили в том же «Тимирязевском» на тех же помидорах, никаких денег не заработали, наверняка еще должны остались... В таких случаях потраченное списывалось в убытки, к людям санкции не применялись.

А следующий колхоз был совсем иным, происходил он в совхозе «Гремяченский» на сборе яблок. К тому времени я уже вполне освоился на архипелаге и усвоил «колхозные» законы, начался карьерный рост: меня то ли назначили, то ли выбрали бригадиром, что хотя и не привело к повышению производительности труда вверенной мне бригады, но все-таки навсегда испортило мои отношения с частью однокурсниц, особенно нагло от работы отлынивавших.

Но в целом колхоз получился отличным! Во-первых, сентябрь выдался на редкость дождливым, и мы не менее трети, а то и половины срока отбыли в режиме вынужденного простоя. Во-вторых, с нами вместе в Гремячем располагались студенты РГФ и еще кто-то, т.е. «контингенту» было более 200 человек, естественным образом склонных к выпивке по погодным условиям и вынужденному безделию, а моему другу и однокурснику-журналисту (назову его Юрочкой) удалось монополизировать сдачу пустых бутылок в местном магазине, поскольку Юрочке из-за его внешнего сходства с молодым Есениным основательно симпатизировала местная продавщица и потому принимала пустые бутылки только у него. Юрочка, конечно, делился с ней частью выручки для поддержания и укрепления симпатии.

Ежедневно Юрочка реализовывал по три-четыре рюкзака бутылок, собранных на помойках в расположении отрядов, что было вполне достаточной материальной базой для проведения разнообразных культурных мероприятий (в том числе и межфакультетских)⁴. В ходе этих мероприятий в наших разговорах родился странный персонаж – красный латышский стрелок Арнольд Коммунахер, с которым происходили разные невероятные события (главным образом откровенно абсурдные, в духе самиздатовского Хармса, тогда же нами освоенного).

В свободные от дождей дни мы собирали шикарные яблоки, которые самосвалы увозили на ближайший винзавод, где из них делали крепленое плодово-ягодное вино, жаргонно называемое червивкой (якобы сырьём для этого вина была червивая падалица). Латышский стрелок-большевик не мог не высказаться на актуальную тему, и мы записали его высказывание

⁴ В те времена стеклотара стоила дорого: за 30-35 пустых поллитровок можно было купить такую же с водкой.

зубной пастой большими буквами на стенах по периметру нашей комнаты: «Студент, помни: каждое ведро яблок – это лишний стакан червивки в карман советской республики!» Фамилию товарища Коммунахера мы на всякий случай подписали через одно «м», чтобы не огорчать преподавателя-комиссара, призванного следить за нашим идеологическим здоровьем. А Льву Ефремовичу Кройчику, нашему командиру-преподавателю, лозунг понравился.

Столовая впадина

Аспирант – фигура промежуточная: уже не студент, но еще не преподаватель. В этом качестве в 1980 г. меня отправили старшие товарищи «на кухню» – заниматься проблемами питания отряда. В столовой я познакомился с шеф-поваром, грубо покрашенной и вертлявой женщиной неопределённого возраста на каблуках, в обтягивающих джинсиках и в парике, представилась она Борисом Ивановичем. В Воронеже Борис Иванович был поваром в заводской столовой, его командировали «в колхоз» работать по специальности (аналогично к крупным студенческим и иным сельхозотрядам прикомандировывали врачей и милиционеров).

Из числа наших студенток «на кухню» обычно набирались 6-8 человек, которые выполняли функции подсобных рабочих и которые трудились посменно. В работе на кухне (как и в большинстве иных жизненных обстоятельств) были как свои положительные, так и свои отрицательные стороны. Главные плюсы: работа «в тепле и в сухе», отсутствие проблем с гигиеническими процедурами, гарантированная небольшая зарплата. Основные минусы: трудовой день происходил с раннего утра до позднего вечера, отсутствие выходных в случае непогоды, оторванность от основной части отряда.

В мои обязанности входили (помимо общего командования) езда на какую-то пищебазу за продуктами и контроль за их использованием. Езда осуществлялась на телеге, управление вполне крепкой лошадью (или мерином) осуществлял не я. До сих пор помню потрясающие картины осенней природы, пышное увядание деревьев, стоящих вдоль сельской дороги. Подумалось, что волшебная игра и смена красок лучше всего видится именно из открытого гужевого транспорта, запряженного резвой лошадкой: для пешего человека эти редкие остатки зелени и доминирующие «багрец и золото» сменяют друг друга медленно, а для едущего в автомобиле – слишком быстро мелькают. Наверняка тогда Александр Сергеевич тоже ехал в каком-то тарантасе.

Возвращаясь же к теме нашего повара, отмечу, что мы все, включая девушек, Бориса немного побаивались. В первый же день наши кухонные работницы, мои младшие однокашницы, заявили хором, что они с Борисой Ивановной работать не будут, что пойдут в поле. Еле уговорил их остаться, убедив в том, что уж им-то Бориса бояться нечего, что они его

совершенно не интересуют, что им нужно относиться к нему как к обычной тетеньке. Позднее Борис рассказал им фантастическую историю о том, что когда он якобы служил на атомной подводной лодке, то там облучился и стал женщиной (или почти женщиной).

А один из наших преподавателей из-за Бориса старался избегать столовую и предпочитал питаться принесенным ему оттуда в общежитии. Борис же готовил отменно, был добрым и внимательным, замечал отсутствие этого преподавателя в столовой и говорил мне: «Андрейка (так он, гад, меня всегда называл, чем стимулировал ехидство А.Т. Смирнова), почему NN снова не пришел на ужин? Передай вот ему котлеток с картошечкой, маслицем, помидоркой и солёеньким огурчиком...». Мисочку, накрытую тарелочкой, либо я, либо девушки относили в общежитие и на вопрос NN о том, кто их готовил, ввали, что готовила их местная повариха, сменщица Бори. Но в целом мы все проявляли уместную и разумную толерантность, хотя тогда и слова такого в русском языке почти не было.

Покомандовав кухней, я научился разрубать топором свиные туши вдоль по хребту и понял, что:

1. наши расходы на питание постоянно завышаются из-за того, что не ведется учет реально питающихся;
2. местные склонны создавать избыток всяческих гарниров и сопутствующих пищевых отходов, которые они потом используют дома при вскармливании свиношек;
3. особо внимательно нужно следить за мясом, сливочным маслом, сыром, яйцами и сахаром – самыми интересными продуктами. Рыба в районе нашего архипелага практически не водилась.

Поскольку в данном «колхозе» мы опять ничего не заработали, постольку эти мои наблюдения и знания пригодились значительно позже, благо далее я стал ежегодно ездить «в колхоз» вплоть до 1991 года, последнего «колхозного».

Отмель Комиссаров

Структура студенческого сельхозотряда предусматривала четвероначалие: был студенческий командир, студенческий комиссар, командир-преподаватель и комиссар-преподаватель. Последний (как правило) был чужаком в отряде и в его обязанности входила функция идеологического «присмотра» за контингентом.

Комиссары направлялись в отряды непосредственно партийным комитетом ВУЗа из числа преподавателей кафедр «общественных» дисциплин (историки КПСС, философы-марксисты, научные атеисты). Среди профессорско-преподавательского состава этих кафедр иногда встречались крайне неприятные экземпляры, но они, видимо, от колхозов отлынивали, и комиссарами к нам попадали люди достойные. Никто из них не «стучал», да и вообще в большинстве случаев вели себя адекватно.

Среди них были умные и думающие граждане, чему не стоит удивляться: великий и ужасный диссидент Александр Александрович Зиновьев, например, тоже был философом-марксистом. А один из преподавателей-марксистов-материалистов, читавший на моем курсе лекции, не мог удержаться от постоянного восхищения епископом Беркли, и этот гнусный субъективный идеалист был главным положительным героем его рассказов. Такая у этого марксиста и погоняла была – «епископ».

Следует специально заметить, что мне неизвестны случаи идеологических или бытовых доносов со стороны комиссаров. Хотя можно было бы стукануть в партком, что мы ежеутрене, ежедневно и ежевечерне гоняем на магнитофоне записи с французских пластинок В. Высоцкого, которые к ввозу в СССР были запрещены и конфисковывались таможней. Гоняем громко, на всю общагу, чем отравляем неокрепшее сознание студентов этими сомнительными песнями. Да и на политически вредные анекдоты, иногда звучавшие в отряде, комиссары не реагировали.

А когда я аспирантом попал в «колхоз» и разглядел вблизи нравы моих преподавателей, меня крайне удивил ритуал, принятый среди них и тайный для студентов: при первом появлении в отряде присланного комиссара препы его символически били по шее – «чтобы знал своё место», причём в этом идеологически вредном действе активно участвовали и члены КПСС, а все битые при мне комиссары к этой процедуре относились с понимающим юмором и не сопротивлялись.

Сложная была жизнь в стране победившего и развитого социализма перед его окончанием.

Таинственный мыс Научного Атеизма

Не могу не вспомнить одного из самых колоритных комиссаров, встретившихся мне в Архипелаге Колхозе. Назову его Алексеем Васильевичем. Научный атеист (была такая наука и такая профессия). Алексей Васильевич, человек лет сорока, был высок, худощав, обладал небесно-голубыми глазами и тихим голосом, не знающим матерных выражений. А.В. не выпивал и не курил. Ходили слухи о его религиозно-проповедническом прошлом (то ли адвентистском, то ли пятидесятническом или баптистском, – что-то протестантское, советской властью категорически неприемлемое и вплоть до тюремного заключения преследуемое). И жизнь повернулась так, что этот некогда глубоко верующий человек стал научным атеистом. На поле он честно работал (что, признаться, нечасто бывало с комиссарами-преподавателями), а вечерами вел со студентами аккуратные душевные беседы на религиозные темы.

Однажды Алексей Васильевич узнал от местных жителей, что в соседнем селе произошло весьма странное событие. В одной семье заболел и умер мальчик, через некоторое время на стене в комнате, где стояла его кровать, сам собой появился портрет этого ребенка. Портрет постепенно

менялся, «взрослел», сначала превратился в изображение юноши, а потом взрослого мужчины, в котором люди признали лик Христа.

Алексей Васильевич собрал группу девушек, заинтересованных этим рассказом, и они отправились смотреть «чудо». Через несколько часов они вернулись, сияющий атеист сел на табурет посреди нашей (преподавательской) комнаты, поднял глаза к потолку и певуче рассказал нам о том, что портрет, на стене дома самопроизвольно проявившийся, и впрямь похож на традиционные иконописные изображение Спасителя, что история, связанная со смертью мальчика, действительно имела место, что к этому дому стекается множество верующих, среди которых происходят чудесные исцеления, и это весьма беспокоит районные власти, что милиция народ гоняет, а начальник райотдела милиции даже пытался лично стереть изображение со стены, но у него немедленно рука отсохла. Такое вот чудо!

– И как же это так с точки зрения научного атеизма? – спросил кто-то из нас.

– А с точки зрения научного атеизма, – невозмутимо ответил Алексей Васильевич, – это обычная лохматая плесень, живущая на стенах домов. Такое вот чудо, лохматая плесень.

Александр Тихонович Смирнов немедленно сочинил четверостишие, певшееся на мотив песни композитора М. Блантера «Молодость», где имеется припев со словами «потому что у нас каждый молод сейчас...»: «Враг прекрасных божественных песен // Раз пошел он на чудо смотреть. // Оказалась лохматая плесень, // Но её не смогли оттереть». Мы уже тогда крепко зауважали Алексея Васильевича. Но настоящий триумф ждал его впереди!

Работали мы тогда в колхозе «Путь Ленина» или «им. С.М. Буденного»? – уже не помню (село Нижняя Катуховка). Студенты захотели подработать и предложили председателю колхоза своими силами отремонтировать колхозную баню, требовавшую выполнения плотницких работ. Они с энтузиазмом взялись за дело, успешно разнесли старое строение до остова, а когда нужно было приступать к его обшивке новыми досками, осознали, что это им не под силу. С чем, собственно, студенты и пришли к нам. Ситуация была крайне неприятная – репутация отряда могла серьезно пострадать, да и жить без бани ни местным жителям, ни нам не хотелось.

Божий комиссар вздохнул и предложил пойти посмотреть на развалины бани. Оценив фронт работ, сказал, что если у него будет четверо помощников, то за пару дней баню он сделает. И пояснил, что раньше, путешествуя по сельской местности, он подрабатывал плотницкими работами.

И точно, сделал баню комиссар-атеист! Меня он научил забивать гвозди в потолок (а забивать гвозди в потолок довольно трудно). Акции Алексея Васильевича поднялись необычайно, такого комиссара не то что бить нельзя было, – на него можно и нужно было молиться! Но слава преходяща. Когда была прибита последняя досточка, когда все работы

были закончены, мы вышли из восстановленной бани на свет Божий. Гордый Алексей Васильевич шел впереди...

На его пути у берега речки Хавки, протекающей рядом с баней, стоял мальчик лет шести-семи, этакий социалистический мужичок с ноготок. Взрослая кепка на голове, непропорционально большая, – даже огромная – папироса во рту. Держит верёвку. На веревке – мелкая собачонка. Алексей Васильевич, легкомысленно приблизившись к мальчику, со словами: «Тузик, Тузик!..» наклонился к собачке и покровительственно потрепал её лохматые уши... Возмущенный мальчик выдохнул в лицо склонённого Алексея Васильевича густое облако табачного дыма и произнёс резко, громко и отчётливо: «Сам ты – Тузик! Вулкан, бл...ь!».

«Sic transit gloria mundi!» – как говорят папы Римские. Свидетели этой сцены попадали на землю от смеха, а фраза мальчика до сих пор бытует в разговорах людей, знакомых с историей островов нашего архипелага.

Высокий этикет Нижней Катуховки

В том колхозе я не только научился забивать гвозди в потолок. Там я еще получил очень полезный урок делового этикета, преподнесённый мне на планерке руководством колхоза. Поделюсь с любезными читателями, может быть, и им пригодится.

Пошли мы с Вадимом Георгиевичем Кулиничевым на вечернюю планерку в правление колхоза. Цель – составить план работ на следующий день, определить количество вспаханных борозд, обсудить бытовые проблемы и прочее. На планерке были: председатель колхоза, главный механик, главный агроном и еще кто-то – все мужики. Очень по-деловому разговаривают, при этом они поодиночке периодически из-за стола выходят и быстро возвращаются. В какой-то момент говорят нам – сходите за шкафом. Пошли мы за шкаф – а там стол с фуршетом: разнообразная закуска и выпивка, включая самогон. Очень нам эта система понравилась – люди совмещают работу с отдыхом, каждый свободен, действует по своему вкусу и потребностям. Одному ведь нужно сразу стакан накатить, а другому – удобнее тот же стакан в четыре приема употребить... Торжество демократии и уважение личности. В совхозах (да и иных местах) в подобных планерках я, к сожалению, больше не участвовал.

Бухгалтерские рифы

Если в колхозах можно было хотя бы попытаться договориться о зарплате «по понятиям», то в совхозах подобные штучки не проходили. Чтобы студенты могли получить небольшие заработанные деньги, там нужно было заполнить табели выхода «контингента» на работу, собрать сведения с весовой, закрыть акты, оформить еще какие-то бумаги и, главное, заставить главного агронома, бухгалтера и директора подписать их. А они, естественно, всячески сопротивлялись. Потом при расчете из

заработанного вычитались расходы по питанию, стоимость утраченных ведер, простынок (рвали на тряпки в гигиенических целях), исчезнувших одеял (забывали на природе отдыхающие на ней же).

Если не ошибусь, то основные финансовые составляющие были следующие. Любая выполненная норма сельхозработ до середины 1980-х гг. стоила около 3,6 руб. (цена бутылки водки в 1970-е гг., или десяти бутылок пива, или двадцати буханок хлеба, или трёх десятков яиц или пары женских колготок среднего качества). Трехразовое питание в совхозной столовой стоило в районе 1,2 руб. в день на человека. В случае вынужденного простоя (главным образом по погодным условиям) составляли соответствующий акт, питание в этом случае должно было оплачиваться совхозом, но совхоз всегда придумывал способы уклониться от оплаты. Если же все-таки удавалось склонить администрацию к выплате денег, то выдача их часто происходила с задержкой, т.е. уже после отъезда студентов из «колхоза». Итого: заработать в совхозе было практически невозможно. Да и в колхозе тоже труд ценился так же низко, официальные нормы и расценки были на обоих островах идентичными.

Предполагаю, что упорное нежелание совхозного начальства платить студентам объяснялось не просто его жадностью (чего жалеть государственные деньги?) – главная причина была в другом. В совхозах, как на всяком государственном предприятии, был строго расписан и утвержден фонд оплаты труда. В совхозах числились полеводческие бригады из местных, за (вместо) которых работали приезжающие им «на помощь» горожане. Поэтому директор совхоза должен был всячески «урезать» зарплату приезжих, чтобы сохранить и даже повысить зарплату своих постоянных работников. Собственно, эти «местные» работники были людьми, наиболее заинтересованными в приезде горожан в «колхоз на помощь». Когда в ходе демократизации и перестройки эта халява кончилась, когда студенты и иные горожане вдруг не приехали «в колхоз», тогда селяне неожиданно справились с уборкой урожая своими силами. Почему-то заработали картофелеуборочные комбайны и прочая техника... Вот тогда-то Архипелаг КОЛХОЗ сам собой и кончился.

Зарплатские болота

Проблема оплаты труда горожан, прибывавших в Архипелаг КОЛХОЗ, сложна, противоречива, запутана, туманна и, как долго нам казалось, принципиально неразрешима. С одной стороны, горожанам, находящимся в «колхозе», по их основному месту работы шла зарплата, учащимся начислялась стипендия (кому она полагалась, естественно), преподавателям выписывались командировки, предусматривающие оплату суточных за счет принимающего колхоза / совхоза. С другой стороны, люди полудобровольно приезжали в «колхоз», несли траты, терпели бытовые неудобства, иногда даже работали в поле. С третьей стороны, работали они чаще всего очень плохо, поскольку знали, что «все равно

получишь хрен», как пелось в популярной частушке о советском гербе («Слева молот, справа серп...»).

Применительно к оплате труда студентов на филфаке в 1970-е и до первой половины 1980-х гг. безраздельно господствовала сельскохозяйственно-педагогическая концепция Евгения Семеновича Воропаева. Евгений Семенович был многократным командиром филфаковских сельхозотрядов, в колхозных вопросах пользовался неуязвимым авторитетом среди коллег и студентов. Да и вообще Евгений Семенович был очень хорошим и добрым человеком, имел суровый опыт жизни в социалистическом селе, а потому полагал, что студентам пытаться заработать в «колхозе» бесполезно, что администрация нас всех всё равно обдурит, поэтому наша главная (если не единственная) задача – сохранить здоровье студентов и обеспечить им по возможности сносное бытовое существование. А для этого отряду нужно работать на уровне, минимально устраивающем администрацию, но при этом на еде ни в коем случае не экономить, даже наоборот, – чем больше потратим – тем лучше. Т.е. Е.С. Воропаев по-крестьянски мудро оценивал ситуацию и фактически относился к сельскому руководству, как к оккупантам, против которых следует вести осторожную (даже очень осторожную), пассивную, но всё-таки войну.

Незадолго до начала того процесса, который при Горбачеве, как известно, пошёл под названием «перестройка», что-то случилось в нашем Архипелаге КОЛХОЗе, да и, видимо, не только в нём. Студенты начали хорошо работать, – не знаю, что щелкнуло в людских головах, – поколения, может быть, сменились, или всем вдруг стало очевидно, что по-старому жить больше нельзя, – или ещё была какая причина? В любом случае, так или иначе, но наш отряд, к тому времени получивший название «Логос», стал давать на каждого «бойца» выработку, близкую к «норме». В этой ситуации не биться за зарплату студентов было невозможным, но, насколько помню, значимого успеха все эти битвы на бухгалтерских рифах не приносили. Всё радикально изменилось лишь тогда, когда мы отказались от попыток получения зарплаты деньгами и подошли к подножию Натуроплатской горки в селе Горенские Выселки.

Натуроплатская горка и Пролив натуроплаты

Ранее мы говорили о том, что совхозное начальство готово было удавиться на собственной кишке, но не дать нам денег. А вот лишней картошки у них всегда было очень много при любой урожайности. Эта лишняя картошка бралась вот откуда. В ходе подготовке к сбору урожая в поле выдвигалась комиссия, которая определяла среднюю урожайность данного поля. Эта средняя урожайность умножалась на площадь поля, в результате получалось количество картофеля, которое должно было быть с этого поля убрано. Понятно, что урожайность в любом случае бессовестно

занижалась до среднестатистического уровня со всеми приятными возможностями, бывшими следствием такой умной процедуры. Поэтому отдать нам 10-15 и даже 20 процентов от собранного для них не было проблемой. По-моему, мы в основном работали из 10-15 процентов.

Расклад получался примерно такой: одна «бойщица» собирала примерно 750-800 кг. картофеля в день, из которых в среднем 100 - 120 кг. был её заработок. Конечно, не только её – нужно было делиться с бойцами-грузчиками-подносчиками, кухонными рабочими, дежурными, оставшимся в корпусе-общаге, а также с теми, кто занимался продажей картошки. Понятно, что нужно было ещё платить за машины, которые уезжали с торговой бригадой, милиционеру, который нашу торговую бригаду охранял, за столовую, кормившую нас уже не по 1,2 руб., а подороже и чуть лучше, чем ранее...

Продавали мы картошку по 2-2,5 р. за ведро, в ведре было 6-7 кг., т.е. килограмм стоил около 30 копеек, значит, каждая бойщица приносила в кассу отряда в каждый рабочий день около 30 рублей. Стипендия отличника на филфаке была 50 руб. в месяц, средняя месячная зарплата по стране во второй половине 1980-х гг. около 200 руб.

Сейчас трудно поверить в такую суперрентабельность труда на полях Архипелага, но она была.

Как это делалось в Архипелаге

Переход на натуроплату потребовал модернизировать как производственную структуру отряда, так и организацию работ в поле и вне его. Вне поля трудилась торговая бригада, т.е. те, кто продавал картошку.

Не уверен, что подробное описание алгоритма добычи денег через натуроплату будет интересно и, главное, достоверно (многое забылось), поэтому опишу процесс по возможности кратко, чтобы врать поменьше.

Прибыв на поле, сначала предельно быстро всеми бригадами загружаем «торговую» машину (ЗИЛ-130, грузоподъемность до 6000 кг.). Загружаем с четырех-шести борозд отборной картошкой (ровной, красивой, несколько большей среднего размера) – она же на продажу едет! Машина ушла – возвращаемся на исходные позиции. По тем же бороздам идет «бригада прорыва», наиболее опытная, сильная и ловкая часть отряда, задача которой – дособрать картофель с «порченных» борозд и обеспечить коридор для других бригад и машин. Эта бригада работает в худших условиях – идет по полусобраным бороздам, нагружаемая машина движется за сборщицами, что увеличивает путь грузчиков, которые подносят ведра от «бойщиц» к грузовику и несут их пустыми обратно. Зато следующую за «бригадой прорыва» машину грузим уже «с борта», т.е. она свободно идет параллельно сборщицам по борозде, предварительно опустошенной «бригадой прорыва». «С борта» загружать машину лучше по всем параметрам: и для бойщиц безопаснее, и бойцам ведра носить ближе. Важно, чтобы бригада держалась кучно, вровень машине, чтобы на

соседних бороздах не было убежавших вперед и отстающих. Аналогично запускаются следующие машины и бригады, т.е. грузовики подобно танкам или боевым кораблям выстраиваются уступом вправо или влево. Выбор направления уступа мы пытались осуществлять в зависимости от направления ветра – он должен дуть от борозд к грузовику, а не наоборот (при погрузке картошки летит пыль и грязь, а девушкам это не нравится). Да и на грузчика, подающего в кузов ведро, грязь летит тоже основательно.

Понятно, что такая красивая система могла работать только при достаточном количестве машин, которое мы старались обеспечить комплексом мер: хотя на планерках заранее «заказывали» потребное количество транспорта на рабочий день, но на всякий случай несколько девушек сразу после завтрака из столовой отправлялись на весовую, где они машины отлавливали и пригоняли к нам на поле. С загруженными машинами обычно тоже кто-то ехал до весовой (чтобы узнать вес и пригнать назад эту же машину, если она разгружалась в овощехранилище, либо какую другую). Такое конвоирование машин было особенно актуально в случаях, когда поблизости появлялись «конкуренты», а грузовиков было мало. Кроме того, иногда на весовую отправлялась «бойщица», которая находилась там стационарно и вела учет отрядной выработки, помогала местным дамам, на весовой работающим, а заодно деспетчиаризировала транспорт в пользу своего отряда. Не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, будто бы некая наша студентка, на весовой находившаяся, могла случайно и нечаянно приписать отряду «Логос» пару машин «однодневников» (так называли горожан, приезжавших «в колхоз» утром, а в конце рабочего дня увозимых обратно). Но ведь не ошибается только тот, кто не работает. А кто работает, тот, значит, ошибается! Кроме того, однодневникам эти машины и не нужны были вовсе, они радостно увозили домой в сумках-сетках-авоськах-рюкзаках по паре ведер отборной картошки и были вполне довольны временем, без напряжения проведенным ими на свежем воздухе, а не на своем обычном производстве.

В день отряд собирал около 50 тонн картофеля. Из них около 5 тонн нужно было продать, что было задачей своеобразной и весьма непростой. По крайней мере, первая попытка торговли на рынке «Придача» (Левый берег, ул. Димитрова, 64А) была неудачной (одна из причин заключалась в том, что картофель на продажу не был отобран, а собран «весь подряд»). К концу того дня значительную непроданную часть отвезли к общежитию ВГУ и раздали желающим бесплатно.

Потом поуменьли и стали торговать в пригородах Воронежа (Боровое, Сомово), где доминировала песчаная почва, на которой у граждан на огородах картошка плохо произрастала. Постепенно торговля пошла, в чем была особая заслуга Сергея Елисеева, студента-журналиста, реализовывавшего картофель населению на грани гениальности, с элементом подлинного и тонкого артистизма (не хотел я в этом тексте

называть реальные фамилии людей, но в данном случае, как и в нескольких иных, должен нарушить избранный принцип).

Вечером «торговая машина» возвращалась с наличной выручкой, финансовый результат сообщался бригадирам, а те доводили его до сведения бойцов и бойниц. Небольшая часть денег (при необходимости) выдавалась побригадно, а основная часть укладывалась на сберкнижку.

Новая экономическая реальность повысила и без того крепкую трудовую и общую дисциплину в отряде. Надо признать, что и ранее, слава Богу, у нас особо опасных и даже просто значительных нарушений этих дисциплин не было, но с того момента, когда работа стала приносить реальные деньги, они стали в принципе невозможны. Приведу характерный, хотя по некоторым параметрам и вопиющий пример.

Дело было в Горенских Выселках, сильно во второй половине 1980-х гг., может быть, даже в самом начале 1990-х, когда антиалкогольная компания пошла на убыль (если не была фактически завершена) и спиртное вновь стало появляться в достаточном количестве. В том же совхозе «Юбилейный», где доблестно трудился наш отряд «Логос», по соседству в ЛТО проживали «партизаны» – так называли военнообязанных запаса, призванных на сборы. Т.е. это были профессиональные водители, которых через военкоматы призвали на сборы и отправили на сбор урожая. В эти военные грузовики мы в основном и собирали картофель.

Командовал авторотой майор Сеницын, так назовём его. Кличка – Кот в Сапогах. Быстрый, доброжелательный, веселый и весьма сообразительный усатый человек невысокого роста, одетый в полевую форму, возможно, «афганку» (недавно вернулся из Афганистана). Мы, преподаватели, подружились с ним, и майор Сеницын частенько заезжал к нам в гости после общего трудового дня. А ездил он обычно на двух грузовиках сразу (на случай, если один сломается в дороге), управляемых солдатами-срочниками – от ЛТО, где временно располагалась его часть, до нашего общежития было километров пять. И вот однажды под вечер забегают в комнату преподавателей ⁵ майор Сеницын и сообщает, что в магазин поселка Рыкань завезли пиво, сухое вино и прочее очень интересное, а поэтому он сейчас поедет туда затариваться для своих бойцов («партизанами» были в основном вполне взрослые дядьки, со срочниками майор был строг и действовал по уставу). Если захотим, то может нам тоже заодно чего-нибудь закупить и привезти в любых количествах. Мы попросили привезти ящик пива, если получится, на что майор матерно возмутился и почти воскричал: «А детям?!» Они, дескать, бедные, без выходных пахнут, а вы, упыри, не думаете их поощрить, проявляете недоверие к личному составу, который и без вас при желании нарушит символически действующий сухой закон и т.д., и т.п., и прочее.

⁵ Эта комната обычно располагалась у входа в общежитие в целях блокирования несанкционированного проникновения «местных».

Короче, мы поддались увещаниям Кота в Сапогах, позвали студенческое командование, бригадиров и, обсудив с ними ситуацию, порешили, что третий и четвертый курс могут заказать майору Сеницыну всё, что захотят, а второкурсники, среди которых были и несовершеннолетние, обойдутся тортиками, соками, мороженым и прочей безалкогольной ерундой. Предполагаю, что второкурсники этой ерундой не обошлись, т.к. отряд в полном составе «гудел» - хотя и достаточно аккуратно, но довольно основательно.

Этот педагогический (или, может быть, антипедагогический) эксперимент, конечно, был рискованным во всех отношениях, мы даже предполагали следующий день объявить выходным и сами на всякий случай к тому, что майор Сеницын привез нам, не притронулись. Однако, как ни странно, где-то к полуночи все вдруг разом утихло, а утром подъем прошел в самом обычном виде и привычном режиме. Стало абсолютно ясно, что с этими ребятами и девушками не то что в разведку идти можно, но даже линию Маннергейма брать или Кенигсберг с моря (если понадобятся). И при этом я совершенно не верю в то, что основой всему в этом случае было денежное бытие, – вовсе не оно определяло сознание наших студентов.

Конец Архипелага

К началу 1990-х гг. многое в СССР стремительно приходило к своему естественному окончанию, Архипелаг КОЛХОЗ тоже вдруг треснул, лопнул и исчез (надеюсь, что навсегда). А треснул, лопнул и пропал он так быстро и почти незаметно в плане пропитания населения потому, что был он по своей сути уродливым и нежизнеспособным порождением нездоровых общественных отношений.

В одной социологической статье я прочитал, что экономического смысла в отправке горожан (включая студентов) «в колхоз» не было вовсе никакой, что это был сплошной убыток, а главная цель была идеологическая: сделать вид помощи селу и (более важное) – ежегодно напоминать гражданам (прежде всего интеллигенции) о том, «кто в доме хозяин», чтобы эти головастики, винтики и шпунтики, не забывали, что они запросто могут оказаться в местах более отдаленных и прохладных, нежели любой «колхоз». Наверное, есть в этом утверждении некоторое преувеличение, но в целом направление и ход мысли мне кажется верным.

В любом случае, всё то хорошее и радостное, что было в наших «колхозах» и что сейчас в первую очередь вспоминается нам, «колхозным активистам», связано исключительно с человеческим фактором, с возможностью общения с добрыми, умными и интересными людьми, с радостью общего интеллектуального и эмоционального сосуществования.

Поэтому я безмерно благодарен тем, кто был рядом со мной в «колхозах»: моим однокашникам и колхозным преподавателям, которые потом стали моими коллегами и продолжали учить меня новому и по-

новому. Многих из них, увы, нет теперь с нами... Не менее я благодарен уже моим студентам, с которыми было интересно, которые тоже меня научили многому, т.е. всем тем, кого помню, люблю, кого считал и считаю своими друзьями (и надеюсь, что это взаимно).

Прекрасны стихи Б.Л. Пастернака:

Жизнь ведь тоже только миг,

Только растворенье

Нас самих во всех других

Как бы им в даренье.

С тех пор, когда впервые прочитал эти стихи, и всякий раз, когда их вспоминаю, я удивляюсь наличию в них далеко не лучшей рифмы (миг / других). И всякий раз заново понимаю, что поэт здесь сознательно пожертвовал внешней красотой ради великого смысла, в этих словах пойманного и в этих строках заключенного.

КОЛХОЗНАЯ СТРАДА

А.Б. Ботникова

Давно это было. Больше полувека тому назад. Много уже ушло из памяти. Задержались в ней лишь отдельные моменты, да общее ощущение от происшедшего. Пробую вспоминать, в сознании смутно возникает господствующее тогда состояние духа, тяжесть непривычной работы, вечное беспокойство и озабоченность. И картины тех лет.

Необозримые поля, засаженные свеклой, которую надлежит убирать... Высокие кукурузные заросли, густые, в них можно спрятаться... Горы уже собранной кукурузы. Грузовик, настолько переполненный погруженной на него капустой, что при его движении капустные кочаны скатываются, вызывая крик, то ли досады, то ли восторга... Лица студентов... Лица коллег, тоже, как и я, обреченных на этот труд, может статься, даже сизифов. Кто его знает... Всех, с кем меня связывали колхозные будни, уже нет в живых. Проверить достоверность моих воспоминаний некому.

Когда началась всеобщая колхозная страда для университета, точно не знаю. Явно, что «в годы кукурузные» - 50-е. Полагаю, что мне довелось принимать участие в самых первых опытах привлечения студентов высших учебных заведений к работам в близлежащих колхозах. Тогда это называлось «помогать колхозам в уборке урожая». О том, чтобы помогать студентам в освоении знаний уже и в те годы никто не заботился. Спокойно и бездумно от четырехмесячного семестра откусывался большой кусок, приблизительно в полтора месяца. И это несмотря на ежегодно подтверждаемый Министерством образования (или как он в ту пору назывался) учебный план, согласно которому семестровый курс составлял 36 часов. От него в лучшем случае оставалось 24 часа. А у студентов на полтора месяца меньше времени для освоения курса. Поначалу это начинание казалось временным и нелепым (Зачем же тогда учебный

план?), потом привыкли и перестали задумываться. Привычка превращала действительное в почти разумное.

Не знаю, существуют ли какие-нибудь исследования реальной пользы от нашей тогдашней «помощи». Может, и есть какая-нибудь статистика. Что-то кажется мне, что если помощь и была, то, скорее, весьма незначительная. В колхозах, где мне пришлось побывать со студентами, четкой организации труда не наблюдалось. Собранный урожай не всегда вовремя увозился с поля, иногда его поливал неожиданный дождь. Студенты, занятые не своим делом, хотя и начинали работу с юношеским энтузиазмом, но или не умели хорошо организовать ее и уставали, а порой роптали на бессмысленность своих усилий.

Вспоминаю случай. В одном из колхозов (теперь уж не припомню, в каком) студенты грузят на машины кочаны капусты. От кучи, где она свалена, до грузовика надо пройти по полю, где растут помидоры. Ранняя осень, помидорная плантация отчасти убрана, но на кустах еще много созревающих и даже вполне созревших помидор. Студенты с видимым удовольствием намеренно наступают на помидоры. Те с характерным треском лопаются под тяжестью сапога, разбрызгиваются, вызывая смешок. Пробую указать студентам на неуместность их действий. «Что вы, Алла Борисовна, их никто собирать не будет. Вскопают, и все», - слышу в ответ от более «эрудированных» в этом вопросе мальчиков. Знали, значит.

Колхозных сезонов было несколько. Но больше всего запомнился самый первый. Он пришелся на 1954 год. Место действия: - село Медвежье Семилукского района Воронежской области. Никогда не забуду этих впечатлений. Они отпечатались в памяти навсегда. Для меня эта колхозная страда составила важные страницы в учебнике жизни. И первые ее уроки. И первое общее осмысление окружающей действительности.

Я городской житель. Родилась, выросла и училась в городе. Город люблю и чувствую, в городе (любом) хорошо ориентируюсь. Иное – деревня. До приезда в Воронеж русской деревни, по сути, не знала. В детстве ездила в Решму. Это село на Волге, родина моей мамы. Там жила бабушка со своим младшим сыном Михаилом – учителем местной средней школы. Но быт у них был совсем не деревенский. Квартира на втором этаже деревянного дома, небольшая, но со старой мебелью: большой письменный стол, на стене – какие-то рисунки в рамках, на окнах и в комнатах – цветы, отличный вид на Волгу из окон. Сад, огород, банька... Жили бедно, но скотину не держали. Они еще из тех, что не умели...

Второе знакомство с деревней пришлось на годы войны. Я в ту пору была студенткой и вместе с другими ежегодно «призывалась» на трудфронт. Сначала совсем близко от Москвы мы рубили деревья вдоль шоссе, как говорили, чтобы создавать препятствие наступающим танкам противника, в другие летние месяцы занимались лесозаготовкой. Иногда нас расселяли группами по крестьянским избам, чаще размещали в здании какой-нибудь школы или клуба. В войну думать о комфорте не

приходилось. Никому. К тому же заняты мы были с утра до вечера, уставали так, что в голову не приходило никакого, даже самого маленького желания пройтись по деревне и посмотреть, как там живут люди. Словом, о деревенском житье-бытье я знала мало. Лучше сказать, совсем ничего. Поэтому село Медвежье в Семилукском районе и стало для меня своеобразным (запоздалым) приобщением к общей жизни страны и уроком постижения сложности этой жизни. Робкие выводы были сделаны еще тогда...

В село Медвежье нас послали вместе с историками. Факультет в ту пору именовался историко-филологическим. Он был небольшим. Воронежский университет только восстанавливался после военных разрушений. Филологических кафедр было две – одна литературная, другая языковедческая. Общее руководство всем составом новоявленных «колхозников» было поручено доценту-историку Викентию Павловичу Лысцову. А над двумя группами филологов поставили нас с Антониной Ивановной Чижик-Полейко, доцентом лингвистической кафедры.

Жилье мы не выбирали. Кто-то заранее его распределял. Позже я поняла, что преподавателей селили в более благоустроенные жилища. Нас разместили в небольшом доме одинокой пожилой женщины. Хозяйка просила называть ее «бабушкой», Видимо, так было для нее привычно. (Вспоминаю, что и в селе Волосово под Москвой мы – группа московских студентов – тоже жили у «бабушки»). Жилище было чистое, бабушка разговорчивая. Антонина Ивановна пыталась с ее помощью узнать особенности медвежьевского диалекта, а я с интересом слушала бабушкины рассказы о местных нравах. Пересказывать их не буду, но некоторое случаи, как правило, дикие, запомнились навсегда. Постепенно нам стало ясно, что бабушка чем-то тайно занимается. По ночам раздавался стук в окошко, слышны были тихие переговоры, после которых стучавший гость удалялся. Мы про себя решили, что, наверное, это была тайная торговля самогоном. Впрочем, никаких доказательств тому у нас не было. Да мы их и не искали.

Бабушкин дом находился где-то на обочине. Других жилых строений вокруг него не помню. А само село с самого начала поразило какой-то неустроенностью, неуютством. Может быть, в прошлом там и был какой-нибудь центр (в селе ведь традиционно должен был находиться храм). Однако запомнилась только улица с неровным рядом неказистых, крытых грязной соломой одноэтажных домов. (Не знаю, как их лучше называть - избы или хаты?) Улица была голой, без деревьев. Стоял густой запах согретого осенним солнцем навоза. Располагавшееся на той же улице здание правления колхоза от остальных домов, кажется, отличалось только тем, что по всему фасаду было увешено какими-то плакатами и рукописными объявлениями. Предыдущим моим представлениям о деревне увиденное здесь никак не соответствовало. И в Решме, в подмосковных деревнях улицы выглядели по-другому. Перед домом там обычно был

палисадник, а позади дома располагался сад или огород. Ничего такого здесь не было видно.

Однажды довелось побывать в одном из жилищ Медвежьего, где размещались студенты. Заболела одна девочка, звали ее, помню, Тасей, фамилию забыла. Прибежали ее обеспокоенные соседки. Я отправилась туда и ужаснулась. Такое жилье увидела впервые. Единственная комната, с единственной кроватью, на кровати кто-то из хозяев, пол земляной. По полу резво бегают маленький розовый поросенок, ползает ребенок, кажется, еще какая-то живность. Может, петух или курица. И тут же на большом тулупе, постеленном мехом кверху, лежит девочка. Вся в жару. Глаза закатились, лицо красное, задыхается. Бегу в правление: никого нет. Ищу Викентия Павловича. Он, как мне кажется, не вполне понимает серьезность ситуации, поскольку не торопится. А мне страшно. Понимаю, что медлить нельзя. Надо звонить в город. В правлении никого нет... В конце концов, все-таки удалось отыскать кого-то из правления и, хоть и не с первого раза, дозвониться до города. Приехала скорая помощь. Обошлось. Но картина осталась в памяти навсегда.

Конечно, дурной быт можно связать с недавней еще войной, послевоенной разрухой. Уверена, что сейчас там все выглядит по-иному. И все-таки, чем объяснить такую степень неустройства? Это ведь не только бедность. Посадить возле дома кустик или деревце не стоит никаких затрат. Пренебрежение к эстетической организации повседневного быта свидетельствует, скорее всего, об отсутствии вкуса к житейскому обустройству и об отсутствии традиции. Думаю, что в наши дни многое изменилось. Должен же хотя бы телевизор способствовать развитию бытовой культуры на селе.

Рабочий день всегда был одинаков. Ежедневно в правлении мы получали задания и отправляли студентов на их выполнение. С историками жили дружно, обид друг на друга не имели, порой и работали на одном и том же участке. Студенты трудились прилежно. Это было особое поколение. Дети войны. Так их теперь принято называть. Были они неприхотливы, похоже, даже не очень страдали от житейских неудобств. Привыкли. Однако план по выполнению того, что надлежало сделать за день, отнюдь не всегда легко выполнялся. Филология у нас ведь в большинстве своем – специальность женская. А работу порой приходилось выполнять и мужскую. В моей группе оказались только девочки. Когда какая-нибудь бригада не справлялась с заданием, приглашали «мужчин» из соседней группы. В Медвежьем обычно в качестве добровольного помощника выступал Лева Кройчик. Он охотно и даже весело включался в работу, и спасал «план». Приходил со своеобразной «чалмой» на голове, сооруженной, видимо, из полотенца. Благодаря своему горбоносому профилю выглядел удивительно живописно. Мне бросилось в глаза его сходство с известным портретом Жермен де Сталь в тюрбане работы Ф. Жерара. Говорю ему: Лева, вы похожи на мадам де Сталь. *Он:* Кто это? *Я:* Французская писательница. Со временем узнаете... Так и не выяснила,

узнал или нет. Боюсь, что не слишком заинтересовался. Но помогал нам часто. Спасибо!

«Колхозная страда» способствовала сближению преподавателей со студентами, как мне представляется, полезному для обеих сторон. Возникали разговоры на разные темы. Для педагогического процесса это важно. В повседневном общении очень хорошо было видно, кто на что способен. Выделялись трудолюбивые и ловкие, встречались и такие, что не слишком старались, порой даже хитрили.

Однажды, например, получили задание собирать огурцы с плантации. Надо было класть в ведро только зеленые, а пожелтевшие и коричневые браковать. Некоторые хитрили: сверху ведра клали зеленые, а внутрь помещали негодные: выполнение плана исчислялось количеством собранного. Помню, как один из уличенных в обмане, студент серьезный и талантливый, попытался притвориться дальтоником. Впрочем, это был, скорее, комический эпизод. Однако именно в колхозе становилось ясно, кто есть кто, и волей-неволей рождалось уважение к честным труженикам. Помню, например, как работала Лиза Кириллова (это уже в 60-е годы), азартно, увлеченно, подобно спортсменке, борющейся за медаль. Не так уж часто, но в студенческой среде порой возникали конфликты, даже проработки: клеймили ленивцев.

Проявлялись, конечно, отнюдь не только трудовые таланты. Колхозная пора была временем широкого раскрытия возможностей студентов, их характеров и разнообразных дарований. Трудовой сезон в Медвежьем, например, закончился прощальным концертом. В числе зрителей были и представители местного населения. Здесь сразу и отчасти неожиданно проявились музыкальные и художественные таланты. Помню, например, девочку по имени Лена Солодовникова. Она писала остроумные стихи, кто-то их перекладывал на известные песенные мелодии. Целое вызывало всеобщий энтузиазм. Вспоминаю и другой эпизод, уже в другом колхозе. Темный сентябрьский вечер. На небе - серебряные звезды и двурогий месяц. Небольшая группа студенток, отдохавших от тяжелого трудового дня, тихо, но ладно поет хором. «Выхожу один я на дорогу...». Ночь. Небо. Дали... «И душа с душою говорит». Хорошо!

При всем том, однако, память лишь бегло пролистывает такие приятные моменты из колхозных сезонов, зато упрямо задерживается на других, менее привлекательных. Казалось бы, все-таки – пора молодости, но умиленных чувств не возникает. И сейчас, по прошествии многих лет, не могу поверить в целесообразность самого этого начинания. В наше время «колхозные сезоны» в университетах кончились. И ничего. В сельской местности работники как-то справляются без помощи студентов. Может, дело в организации хозяйства?

Что же касается моих личных ощущений, то каждое свое пребывание на этих отработках вспоминаю как очень неприятные моменты жизни. В мое время мы находились в колхозе без перерыва, без возможности хоть на денек оторваться от всего этого. Телефон практически отсутствовал.

Никакой связи с близкими. Только письма. Но понятно, как скоро они достигали адресата. Вспоминаю, как тосковала Антонина Ивановна, разлученная со своим сыном-подростком Вадиком. Она оставила его на попечение отца, до позднего вечера занятого. Добавлялась собственная обида: на литературной кафедре в 60-е годы было много мужчин. А отправляли в колхоз почему-то женщин. Для женщин условия тамошней жизни были особенно тяжелы. Не было возможности помыться по-настоящему. Совсем неустроенный быт, хотя, повторяю, преподавателям жилось лучше, чем студентам. Мы хоть не спали на полу. (Но единственную кровать мне приходилось делить и с Ариадной Федоровной Выставкиной, и с Верой Константиновной Кашкиной). Вдобавок при этом - ни капли свободного времени. И физическая невозможность остаться наедине с книгой.

Мне кажется, в более поздние годы, когда меня уже не отправляли в колхоз, организация дела была лучше. Но, полагаю, удовольствие эти «колхозные сезоны» никому не доставляли. Никакой ностальгии ни по тем временам, ни по колхозной страде у меня нет.

СЕНТЯБРЬ 1960 ГОДА

Н.М.Митракова

Сейчас – сентябрь 2016 года. Много лет прошло...

И что же это было? Как все было? Что помнится?

Мы уже на втором курсе. На первом я не очень вошла в студенческую жизнь, мне приходилось после занятий подрабатывать, жить на одну стипендию в 22 рубля было сложновато. Поэтому близких отношений с однокурсниками не сложилось. Да и в общежитии я жила с девочками с разных факультетов. Ни одной филологини не было. Подружка-землячка училась на химфаке, Были две девочки с исторического, была даже девочка юристка. Было нас в комнате восемь человек.

А жили – одной семьей. Собрались девчонки неизбалованные, с очень скромными достатками, не капризничали. За стол усаживались дружно. И много смеялись. Было даже сделано открытие: еду вполне можно компенсировать сном. Приходилось иногда проверять на практике это наше коллективное открытие...

И поездка в колхоз – праздник: вокруг будут только филологи. Побавиваюсь немножко... И самое радостное – и Слава будет совсем рядом. Слава - это будущий доктор филологических наук Владислав Анатольевич Свительский. Летом, на фольклорной практике, мы выделили друг друга из большой студенческой семейки, хотелось быть поближе.

Наши отношения развивались здесь, в колхозе. Совсем скоро мы стали супругами.

Огорчало одно. Я не воронежский житель, я из Украины, и одежды у меня для работы в колхозе, естественно, не было. Поразмыслили мои

соседки, все – старшекурсницы. И получилось по пословице – с миру по нитке! – экипировали меня полностью, даже резиновые сапожки нашли!

Ехали мы в Аннинский район. Если память не подводит, деревня называлась Шишовка. Долго и медленно ехали. И доехали уже в сумерках. И рассмотреть место нашей дислокации нам не удалось.

Поселили нас в довольно большой избе. Одна большая комната, русская печка. Хозяйка – небольшого роста, плотная женщина, сразу было понятно, что хозяйка в доме – она. Муж – молчалив, цыганистого вида, почему-то и в доме в теплой шапке. Дети – двое, на лавке, укрыты старыми теплыми одежками, но не спят, поглядывают на нас.

Объяснили, что удобства – во дворе. Ознакомились, чуть сникли.

Напоила нас хозяйка молоком, еще теплым, с теплым же домашним хлебом. Было вкусно и много. И нас торопили, объяснили, что скоро выключат свет. Как это – выключат? Так вот. Берегли энергию... Уложили нас за печкой, на полу, там было расстелено сено. Было одно место на небольшом стоящем рядом сундуке. Пристроили на него Томочку Валуйскую. Остальных, нас пятеро, в угол, на сено. Укрылись нашими курточками. (Моя – самая оригинальная. Называется она – фуфайка. домашнего изготовления, из хлопчатобумажной ткани. Плотно прошита вертикальными стежками.)

Уснули быстро, не болтали, не хотелось мешать хозяевам. А утро началось часа в четыре. Хозяева готовились к наступившему дню: топили печь, хозяйка доила корову, готовила еду на день грядущий. На нас внимания – никакого. Будто бы нас и не было в их доме. Хозяин громко стучал сапогами почти рядом с нашими головами, говорили громко – и детей не боялись разбудить. И я невольно подсмотрела, что и как готовит наша хозяйка. В большой чугунок она сложила большую часть гуся, крупно порезала картошку, капусту, красную свеклу, лук, много зеленых травок, залила все это водой. И чугунок задвинула в уже горячую печь. Вечером у семьи будет готова еда!

Часов в семь, еще в темноте, нам напомнили, что пора вставать, пора на работу. Завтракать мы должны были в столовой. Кое как умылись, поливая холодной водой над ведром, потеплее оделись и отправились на поиски тех, кто должен был здесь заниматься нашей жизнью и работой.

Уже рассвело. И мы увидели наш дом. Странно, но даже тропинки серьезной к нему не было. Он стоял как на острове, подходи с любой стороны. Вход обозначался ступеньками, кажется, их было четыре, поэтому дом выглядел высоким. Никакого садика, огородика перед домом не было. Потом уже разглядели, что за домом какие-то развалюшные сарайчики, там что-то похрюкивало, мычало, кудахтало...

Улица...какая же это улица? Довольно на приличном расстоянии друг от друга дома, все разномастные, внешний их вид по всей вероятности отражал материальные достатки хозяев. И дома не образуют улицу. Она кажется пьяненькой: кто куда... На противоположной стороне – тоже довольно далеко – низкие домишки.

И нигде никаких заборов. И сама улица угадывается только по наезженной колее. У нашего дома рядом с крыльцом куча мусора, видно было, что выбрасывают его прямо из дома. Да, и крылечка у дома нашего тоже не было, со ступеньки шагали прямо в дом. И никаких вам цветочков, деревцев...

Отправились искать место сбора. Не очень шли далеко. На бревнах уже сидели люди, видно наши работодатели, я даже рассмотрела кипу рабочих рукавиц у женщины, подумала: вот, о нас заботятся...

Лениво подтягивались сокурники, брели, потягивались, позевывали. Одиноким шагала Слава, ни на кого не смотрел. Да, мальчишек у нас – раз два и обчелся. Да и приехали не все. И не все у нас «вьюноши» – гиганты. Может, гиганты мысли...

Денек обещался мрачный, дождя пока не было.

В столовой – навес такой, стены обтянуты брезентом, покормили чем-то горячим, с хорошим хлебом и горячим чаем. Здесь же рассказали, как будет строиться наш день. После завтрака – на поле, на морковку. На первый раз – отвезут, а вообще – пешочком. Отвезут и на обед. А вечером – прогуляетесь...

Поле морковки... Оно очень зеленое, кудрявое – и бескрайнее!

Несколько борозд у дороги в междурядьях пропаханы. Объяснили, что выдернуть морковку из почвы – трудно, поэтому поле для нас будут готовить. Задача: собрать в кучу морковку, обрезать ботву и сложить уже в новую кучу. Если будет тара, собирать в ящики. Мы спросили, куда поедет морковка. Сказали, что в Москву.

Девчонки – не лентяйки, подтянулись и мальчишки, окончательно уже проснувшиеся, началась наша работа... Да, выдали нам рукавицы, большущие, и кому ножики, кому тяпки без черенков..

Морковку попробовали, почистили для хлопцев, сказали, что вкусно.

Заболели шеи, спины, ноги... Называю по порядку. Поубавили темп, стали вставать почаще, разгибаться, дурачиться...

А в перерывах – удивительно пространство вокруг. Так широко! И земля, зеленый этот ковер неоглядный! И небо – без солнышка, но не тяжелое. Где-то за тонким маревом солнце угадывалось. И воздух! Запах – травы, морковки. Мы ее все еще грызем. И нежный холодный ветерок... А тишина!.. Жилье, люди – далеко, от этого даже наши собственные голоса звучали необычно резко, ненужно.

Я совсем не говорю о красоте. Место – почти без вертикалей. Даже собственный рост кажется значительным. И очень угадывается вокруг горизонт, а ты оказываешься в центре безмерного круга... И красота здесь – непривычная, очищенная.

Меня все колхозные дни просто питали, умиротворение в душе возвращали. Это – только от ясности и чистоты окружающего, но не от того, что происходило вокруг с людьми.

Уже вечером встретила нас около дома хозяйка, попросила, чтобы погуляли, сходили в гости. Муж пришел в состоянии буйном, скоро уснет

и она тогда нас заберет. Так мы и оказались самой гуляющей компанией, вечера такие повторялись частенько. С детьми мы так всерьез и не познакомились. Их рано укладывали спать.

Трогательны были наши засыпания. В девять часов электричество выключалось, и мы решили пополнять свои филологические знания чтением стихов и пересказами прочитанного. Доставалось мне, оказалось, что девчонки совсем не читали Цвейга и Мериме. Выбирала самое-самое страшное, потому что Томочка на своем сундуке так потешно начинала повизгивать от страха и просилась в нашу общую кучу. В сено на полу. Стихи в темноте как-то не очень звучали, да и читать их нужно было шепотом.

Маленький подвиг маленькой нашей девичьей компании: мы сумели убедить хозяина нашего жилья обходиться без ненормативной лексики. Объяснили, что плохой пример подает он своим сыновьям, что нам жить рядом с ним больно и трудно. Коллективно действовали.

Со Славой мы оказались любителями походить. Бродили по селу, чаще в сумерках. Увидели места поотраднее нашей грустной улицы. И побывали даже на заброшенном кладбище, на котором еще сохранялись тогда старые могильные памятники, даже с надписями. И неподалеку разглядели остатки липовой аллеи – в лунном свете можно было не видеть приметы дня сегодняшнего. А угадывать силуэты давно минувших дней, лет...

И совсем далеко забрели в выходной наш день. За селом были пруды, разводили в них карпов. И попали мы туда, когда готовились отлавливать рыбу. Для этого вода из верхнего пруда сливалась медленно в нижний.

И уже когда в верхнем пруду воды почти не оставалось, рыбу вычерпывали ведрами в бочки и отправляли в город. Чем-то понравились мы рыбакам. И они подарили нам ведро рыбы! Вот такое мы удовольствие курсу нашему преподнесли.

А когда возвращали рыбакам их ведро, Свительскому вздумалось искупаться в пруду. Температура – градусов 10. Не оставлять же его в одиночестве, окунулась и я. Слава гребка три-четыре сделал. Всю дорогу к дому бежали, не так уж быстро. Не простудились.

Были события и комические - для всего курса, а для участников вполне даже драматичные. У хозяина дома, в котором жили мальчишки, случился семейный праздник. Отмечалось событие не один день, хлебосольство хозяина день ото дня возрастало, и он созрел до того, что пригласил за стол всех наших парней. Пили, конечно, не «казенное», а собственного изготовления питье. И хлопцы наши сил своих не рассчитали. Спали они (Слава, Боря Князев, Юра Дубищев, Алеша Огнев) на чердаке, поднимались на который по приставной лестнице. И ночью Слава шагнул с чердака... Удачно приземлился. Ничего не поломал, а ушибся здорово. Освободили его от работы. И выделили место в комнате, не на чердаке. За пару дней отлежался. Очень тогда испугалась Антонина

Ивановна Чижик-Полейко, наш куратор. Особенно мы ее не напрягали, жили мирно. А Свительского я подкармливала рыбой.

Вскоре и я попала в историю. Везли нас на обед. Машина - «полуторка», грузовая машина. Мы в кузове, нас много. Я стою у самой кабины, меня в нее немножко вдавливают вся наша орава. И при очередном резком торможении, чтобы меня совсем не раздавили, я уперлась в кабину правой рукой. И рука не выдержала давления всей шумной компании. Кисть руки просто выгнулась не вовнутрь, а в сторону обратную. И как-то и не очень больно. И никто этого конфуза не заметил... Быстренько я руку свою

поставила на место, а она, рука, быстро стала расти в объеме. Тогда я уже запищала. Ну и отправили в город...

Жаль было Славу. У него как-то сразу лицо вытянулось, и он так жалобно на меня смотрел. Попросил, чтобы в Воронеже я зашла к нему домой, взяла теплые носки. Вот тогда я увидела его маму. Впервые... и в последний раз. И Слава стал понятнее и роднее.

Руку мне внимательно прощупали, показалось мне, что не очень моему рассказу поверили, опухоль уменьшилась, прописали какую-то мазь, беречь приказали. И можно было остаться в городе... А как же мои девочки, кто их будет убаюкивать? Они уже почти родными стали... Нет, нет! На следующий день я укатила в свою деревню.

В один из последних дней мы собирали кукурузу. Выросла она высокая, с множеством еще зеленых острых листов. Наша задача – собрать початки. Вот и бродим - как в глухом лесу, даже аукаем, чтобы не затеряться. Устали, улеглись девчонки на кучу початков, а мне хотелось еще подвигаться. Потихоньку шагаю, листья кукурузные шуршат. И в какой-то момент понимаю, что я не одна.

Оглядываюсь по сторонам. Метрах всего в пяти от меня жует свеженькие початки весьма солидный лось, жует, нахально смотрит на меня. И никаких его планов на ближайшие секунды я не понимаю. Поэтому стою, нахального взгляда у меня не получается. И что делать – я не знаю. Жду. Рукой залезла в карман своей фуфайки, что-то там нащупала. Достая – маленькое круглое зеркальце. У меня никогда такого не было. Понимаю, что зеркальце одной из моих соседок по комнате. Таким ценным мне подарком оно оказалось!

Взгляд у лося – а глаза большущие! – внимательный. Он как бы на руку мою смотрит. Вот я ему руку с зеркальцем и показываю. Смотрит. Чуть голову повернул. И жевать перестал. И солнышко вышло! И зайчик солнечный ему прямо в глаз попал. Зажмурился, головой мотает. Поворачивается и медленно уходит. А я с ним уже пытаюсь говорить, как в детстве со своей любимой коровой Лаской разговаривала: спокойненько так, ласково. Оглядывается лось, глаза любопытные... Зеркальце опять луч солнца поймало, и я его ему в физиономию и отправляю. Долго мы так передвигались. Он – от меня, я – за ним. И самое главное в нашем «разговоре» - солнечный зайчик. Так мы дошли до небольшого озера.

Лось бесшумно вошел в воду и поплыл. Пару раз он оглядывался. Молча я провожала его взглядом. Вышел на берег. Встряхнулся, видно было, как от могучего его тела высоко взлетели брызги. И пошагал – такой величественный и молчаливый.

Постояла, подумала. Нужно было, наверное, испугаться, убежать. Лось был светло-коричневый, крепкий. Мускулы поигрывали. Рога у него большими не были, так, намечающаяся большая тарелка. Даже на расстоянии казалось, что на ощупь она была бархатистой... И он все время похрапывал: то ли со мною разговаривал, то ли извещал кого-то о происходящем.

Жаль было, что Славы нет рядом. Его вызвали в город. Умерла его мама.

Событий в том далеком шестидесятом году прошлого века было значительно больше, запомнились вот эти. След остался именно от этих событий.

Чем закончился колхоз? Дня через три в деканате мне сказали, что меня вызывают в партком. Почему – никто объяснить не смог. Сажу у парткома, жду. Я не одна такая, ждущая... Вхожу. За длинным столом люди, все значительно старше меня. Мне навстречу идет приземистый человек и громко говорит: «Ты пьешь? Алкоголичка?» У меня только вопрос: «Кто?» Дальше я уже сижу в кресле, один из этих дядечек предлагает мне попить водички. Я, оказывается, потеряла сознание... А произошло вот что. Пока я была в колхозе, во втором общежитии партком проводил рейд по борьбе с алкоголизмом. На подоконнике за шторой они обнаружили бутылку, в которой на доньшке было вино. На вопрос, что это? – золотые мои подружки ответили, что у одной из них был день рождения, а я отсутствовала, вот они мне и оставили попробовать... Домой, в общежитие, меня отвезли на машине.

Вот так закончился колхоз.

МОИ КОЛХОЗЫ

Л.Е.Кройчик

Первый колхоз

Сентябрь 1954 года.

Первого сентября в одиннадцатую аудиторию учебного корпуса на улице Энгельса входит широколицый молодой человек в очках.

- Я ваш куратор, - говорит человек в очках. – Меня зовут Гелий Федорович Бирюков. Третьего сентября наш курс едет на уборку урожая в колхоз. С собой иметь – ложку, миску, теплую одежду, что-то непромокаемое и соответствующую обувь.

Вот тебе на!

Не успели посидеть на лекции, не успели познакомиться друг с другом – и, пожалуйста, - колхоз. Словно угадывая наши мысли, куратор говорит:

- Вот в колхозе и познакомитесь друг с другом поближе. День вам на сборы.

И третьего сентября мы уже в колхозе в селе Медвежье Семилукского района.

Мы – это первый и третий курсы истфилфака.

Едем в Медвежье на открытых грузовиках, оборудованных лавками поперек кузова.

С ветерком едем.

В Медвежье нас разводят по домам.

Начало пятидесятых – время саманных хат и земляных полов.

Но мы не ропщем – обычная романтика колхозной студенческой жизни.

Мальчики – нас пятеро в группе – отдельно.

Девочки – их двадцать – тоже отдельно.

Набиваем матрасы соломой – вот тебе и постель. Что еще надо для полного счастья?

Разбредаемся по избам.

С утра на поле. Третий курс убирает картошку, мы, первокурсники – на кукурузе.

Ходи по полю, обламываем початки, складываем их в бурты.

Постепенно знакомимся друг с другом.

У нашего курса два куратора – Алла Борисовна Ботникова – ей предстоит знакомить нас с историей зарубежной литературы и Гелий Федорович Бирюков, тогда – аспирант кафедры литературы.

Обстановка полного доверия друг к другу. В перерывах Алла Борисовна неназойливо вводит нас в курс того, что собой представляет университет и что такое филология как наука.

Сидим вокруг буртов и слушаем.

Ну, и работаем, конечно. Благо, погода позволяет. Осень выдалась теплая.

Дни бегут. Неделя на исходе.

И вдруг – взрыв!

Выясняется, что в один из вечеров наших сокурсниц (не всех, конечно, а нескольких) пригласили к себе на чай наши преподаватели-мужчины.

Поскольку, кроме нас, первокурсников, в колхозе работали и студенты-историки, их курировали несколько преподавателей-мужчин.

Вот они и позвали к себе в гости наших сокурсниц.

А те, разумеется, пошли.

Согласитесь, это лестно, когда на тебя обращают внимание.

На следующий день после того, как девчонки сходили в гости к преподавателям, слух об этом походе достиг и моих ушей.

И я с ревностью, густо замешанный на иронии, сказал громко:

- Какой, разврат, однако?

Согласитесь, это все-таки обидно, когда родимые соседки по курсу отдадут предпочтение не тебе, а другим мужчинам.

Сказал я это громко во время очередного сидения у кукурузного бурта.

Слова мои, естественно, долетели до женских ушей.

Сокурсницы начали шушукаться (не все, конечно, а те, которые ходили в гости к преподавателям).

Во время обеденного перерыва мой безоблачный отдых был нарушен Лилией Иванниковой:

- Слушай, Левка, сегодня вечером в нашей избе будет комсомольское собрание группы. Приходи обязательно!

- А в чем дело?

- Твое непристойное поведение будем обсуждать.

Парни из группы – Гена Силов, Володя Гусев, Валера Васильев, Толик Дьяков смотрят на меня с сочувствием, но молчат.

В семь вечера собираемся в избе, где живут девчонки, ходившие в гости к преподавателям.

Сидим по лавкам и на полу.

Лиля объявляет повестку дня:

- Безнравственное поведение комсомольца Кройчика.

А на дворе, напомним, не восьмидесятый год, а пятьдесят четвертый.

Как говорил один из героев «Грозы», «жестокие нравы в нашем городе, сударь».

Меня, как подсудимого, посадили на отдельный табурет посреди избы.

Для наглядности.

Чтобы все могли видеть воочию мой сморщенный облик.

От меня добиваются покаяния.

Я понимаю, что слово «разврат» плохо вяжется с чаем и печеньем, но молчу.

Опыт подсказывает: лучше не будить зверя в девицах с косичками.

Час молчу. Второй.

И вдруг – спасение.

Из-за печки появляется хозяйка избы – немолодая женщина. Она оглядывает собравшихся и говорит негромко, но внушительно:

- Поговорили и хватит. Я спать хочу.

И собрание мгновенно прекращается: такое ощущение, что все только и ждали команды этого матроса «Железнякова в юбке».

Иванчикова даже рот не успела открыть, чтобы объявить собрание закрытым.

На утро все встретились на кукурузном поле. Надо было убрать кукурузу до дождей.

Жуткий вой на кладбище села Макарье

Сентябрь шестьдесят третьего. Село Макарье Новоусманского района. Вечер. Пол-луны на звездном небосводе.

Сидим на пригорке - за спиной деревянное школьное здание выстроенное еще в прошлом веке Александром Ивановичем Эртелем, а чуть дальше - местное кладбище, с железными и деревянными крестами, с позеленевшими от времени надгробьями, с небольшой каменной часовенкой и с пышными кустами жимолости, боярышника, сирени.

Коля Белоусов, серьезно шевеля бровями, играет на гармошке знакомую песню. Мы поем:

*Ой, цветет калина
в поле у ручья,
Парня молодого полюбила я...*

Мы - это студенты (точнее - студентки, в основном) первого курса филфака, посланные «на картошку». Коля - точнее, Николай Иванович Белоусов - и я работаем вместе со студентами в качестве кураторов. Для всех нас это - первая студенческая «картошка», потому что Коля только-только получил диплом и принят на кафедру русского языка, а я, уже отработавши четыре года в редакциях, стал с осени преподавателем кафедры советской литературы. Впрочем, мы с Колей почти ровесники: он после школы успел отслужить в армии.

И вот, оказавшись в Макарье, мы изо всех сил стараемся «сколотить стаю» - объединить первокурсников в нечто целое, сдружить, доказать, что не так страшна «картошка», как ее малюют бывалые старшекурсники. Посему все свободное время проводим со студентками (и студентами). Коля раскапывает курган (он почему-то решил, что один из скифских курганов, мимо которого мы ежедневно шествуем на поля и с поля, переполнен древним золотом), а я устраиваю коллективные читки рассказов Михаила Зощенко и Бабея.

А по вечерам у нас - «улица»: сидим на пригорке, и Коля играет на гармошке (неплохо у него это получается, между прочим). Все желающие к нам присоединяются, и мы поем песни из кинофильмов. Или - те, что помним и знаем...

*Он живет, не зная
ничего о том,
Что одна дивчина
думает о нем...*

Голоса звучат, вероятно, фальшиво, но нам-то что до этого?

Поем... И вдруг слышу:

- Девчонки, пойдем на кладбище!

Это Валера Исаенц приглашает на вечерний променад Наташу Вахтель, Таню Герасимову, Галю Огурцову и еще кого-то.

- Ой, страшно, - шепчет Наташка Вахтель.

- Я же с вами, - храбро говорит Валера.

Валера уговаривает девчонок (они все сидят справа от гармониста), а я шепчу Саше Смирнову (мы сидим по левую руку от Коли):

- Саня, быстренько за мной! Давайте девчонок пугнем!

Саня понимает меня с полуслова. Мне очень нравится этот веселый и обаятельный мальчишка. Я знаю, что он сирота, что он живет в Воронеже со своей теткой - тетей Лидой, что его старшая сестра Галя вышла замуж «за Гомель», что сам он вместе с Валеркой Исаянцем учился в нашем суворовском училище, что любит литературу.

А еще я вижу ежедневно веселые Санины глаза, добродушную улыбку и слышу почти непрерывно его живую остроумную речь. Саня лишен комплексов, на смешное реагирует мгновенно и спуску никому не дает.

Когда мы играем в футбол (он - в качестве вратаря, а я - в качестве судьи), мне достается больше всех.

- Судью на мыло! Судила - жулик!

И все в таком же духе. Словом, с Саней не соскучишься. Он болеет за «Динамо», я - за «Спартак», но это обстоятельство нас не разъединяет.

- Саня, - говорю я на бегу, - сейчас Валерка поведет девчонок на кладбище. Я знаю другую дорожку. Давайте их опередим и немного повоем.

- Давайте, - соглашается Саня.

На этом кладбище я уже бывал - из чистого любопытства. Пока девчонки, повизгивая от предстоящего ужаса, цепочкой движутся к кладбищу через главный вход, мы с Сашей обходим школу и кладбище с другой стороны и располагаемся в засаде.

- Саня, - говорю я, - как только экскурсия окажется на дорожке между нами, начинаем шевелить кусты и несильно подвывать - ау-у-у!»-

- Понятно, - говорит Саша, и мы замираем в предвкушении интересного зрелища.

Пейзаж все тот же: пол-луны, звезды, кусты. Тихо. Только шаги и легкое повизгивание экскурсантов в вечерней тьме нарушают вечный покой. Да еще издали доносится голоса, напоминая о сущем:

*У ручья с калины
облетает цвет,
А любовь девичья
не проходит, нет...*

- Осторожно, - слышу голос Валеры, - тут корни.

- У-у-у, откликаюсь я и шевелю ветками сирени (а может - жимолости, разве в темноте разберешь?)

- У-у-у, - отвечает мне Сашин фальцет.

- Ай-ай, - сдавленно кричит Исаянц, бывший суворовец, и бежит с кладбища.

- Ай! - кричат девчонки и тоже бегут назад - к спасительным звукам белоусовской гармошки.

- Девчонки, куда же вы? Пойдите! - раздается в полутьме голос Валерки, бегущего впереди всех, - Тут же никого нет!

- У-у-у, - завываю я.

- У-у-у, - подывает Саша.

Что-то во тьме шелестит, кто-то падает. Все стихает.

- Саня! - громко шепчу я. - Назад!

Мы быстренько возвращаемся назад. Сидим, как ни в чем не бывало, по левую руку от Белоусова. Поем:

*Я хожу, не смея
воли дать словам,
Милый мой хороший,
догадайся сам...*

Возвращаются путешественники. Они уже почистили перышки, пришли в себя и теперь стыдливо вглядываются в лица поющих. Кто из них над ними так пошутил? Привидений, как известно, на свете не бывает. Но ведь гудело же и шелестело что-то на вечернем кладбище в Макарье!

Что это было? Кто там был?

- *Милый мой хороший, догадайся сам!* - поем мы.

Последний колхоз

Октябрь 1985 года.

Семестр в разгаре.

Студенты вернулись из колхоза, и семестр начался.

Зерновые убраны, картошка убрана – учебному процессу, кажется, ничто не угрожает.

Но слова – «кажется» и «оказывается» хоть и стоят рядышком, плохо взаимодействуют друг с другом. По существу между ними огромная смысловая дистанция.

В тот год область изо всех сил билась за уборку четырех миллионов тонн сахарной свеклы.

«Сладких корней» как их образно именовала местная пресса.

Видимо, областное начальство обещало дать государству четыре миллиона тонн, но гладко было на бумаге.

Что-то где-то, как говорится, «не срослось»: студенты с плантаций ушли, а «четвертая тележка» (на диаграммах в газете «Коммуна») никак не хотела заполняться.

Уже и первый осенний снежок лег на землю, а до победного рапорта было далеко.

И тогда областное начальство бросило в бой последний ресурс – пятикурсников, которых старались в уборочных акциях не занимать.

На филфак пришла директива – пятикурсников – в борозду.

В университете существовало негласное правило: преподавателей, чей возраст достигал пятидесятилетия, в колхозы не направлять. Я этот рубеж уже прошел и потому не ожидал, что однажды меня вызовут в деканат и скажут мягко:

- Надо, Лев Ефремович, надо! Социалистические обязательства в опасности!

Но – вызвали и сказали.

Это предложение, от которого, как говорят в таких случаях, нельзя было отказаться.

Так я оказался с группой пятикурсников в Землянске на уборке сахарной свеклы.

А на календаре – октябрь.

По утрам – легкий снежок. Борозды трудно поддаются выкопке.

Картина, следовательно, такая: по утру вслед за трактором тащится по борозде студентка (все-таки на курсе не очень много девушек) или студент и ломом довершает дело, начатое трактором – ломом выбивает свеклу из земли.

И – откидывает ее (свеклу) в бурты.

А потом народ сидит возле буртов и обрубает свекольную ботву.

В здоровом теле – здоровый дух.

Нездоровое тело в расчет не идет. Его – нездорового – просто не должно быть.

Конечно, можно будущим молодым мамам читать лекции об охране материнства и младенчества, но как на это отреагирует обком партии с огромной натугой загружающий «четвертую тележку» со сладкими корнями?

Сейчас, вспоминая тот последний в своей жизни «месяц в деревне», думаю о студентах, не пищавших и не дрожавших.

Пятый курс – народ закаленный. За их спинами – километры убранных картофельных, свекловичных борозд, тысячи тонн собранных овощей; сотни дней уборочной страды, подаренной государству.

...Тот колхозный октябрь закончился так же неожиданно, как и начался: в самый разгар уборочных работ пришло распоряжение – вернуть студентов в аудитории.

И мы вернулись.

Собрали ли той осенью четыре миллиона тонн сахарной свеклы или нет, не помню.

Слава Богу, все вернулись домой живыми. И – хочется верить – здоровыми.

КОЛХОЗНЫЕ БЫЛИ

А.М.Ломов

Летит лебедушек стая⁶

На втором курсе аспирантуры меня обязали ехать с группой студентов второго курса в диалектологическую экспедицию. Я, еще не переступавший порога аудитории этого курса в качестве преподавателя, пришел утром к университетскому автобусу, который должен был везти

⁶ Данный очерк, строго говоря, о диалектологической экспедиции, но все очень похоже на наши «колхозы». Поэтому мы решили этот очерк А.М.Ломова тоже включить в наш сборник. *Составители.*

нас в нужное село, и обомлел. Передо мной стояли, как на подбор, 14 писанных красавиц...

До села мы добрались часа через два, я быстро договорился (пригодился опыт, приобретенный в редакции) с директором школы: нам отвели, пользуясь каникулами, одну классную комнату, где должны были размещаться студентки, и учительскую, которая стала моей резиденцией. Потом мне удалось раздобыть воз соломы, из которой мы сделали для себя тут же на полу ложа.

Вечером мы решили наведаться в сельский клуб на танцы. Когда мои студентки вошли, музыка смолкла, и взоры присутствующих обратились на них. Моим подопечным это почему-то не понравилось, и они вскоре запросились «домой». По дороге нас сопровождала толпа парней, от которых я не ожидал ничего дурного. И напрасно.

Когда было пора отходить ко сну, ко мне в учительскую без стука ворвались в ночных рубашках все 14 красавиц.

- Там, там, - беспорядочно повторяли они, - на окнах висят... прилипли, скоро влезут...

Я вышел на улицу, разогнал парней и счел инцидент исчерпанным. Но не тут-то было. Девушки решительно сказали:

- Боимся. Идите спать к нам.

Я, тогда еще сравнительно молодой человек, не нашел ничего лучшего, как пошутить:

- А с кем же я рядом спать лягу в таком разе?

Они тут же нашлись:

- С Таней Герасимовой. Ей все равно, она замужем.

Поделаться было ничего нельзя. Когда мне стелили постель на краю коллективного девичьего ложа, я предупредил:

- Только чтобы утром, до того как я проснусь, вы были одеты, умыты.

Они согласились.

Утром я проснулся, разбуженный нежным голоском или Наташи Кузнецовой, или Тани Князевой:

- Анатолий Михайлович, идите кофе пить!

Не представляю, от кого они узнали, что я страстно люблю кофе, и где они его достали. (Впрочем, студенты все знают и умеют). Но только к кофе была подана вкуснейшая жареная колбаска с не менее вкусным гарниром (наверное, из домашних запасов). Мы позавтракали и отправились по делам. Никогда больше за всю последующую преподавательскую жизнь я не встречал студенток послушнее и исполнительнее. А каковы-то они были потом - со своими мужьями? Ведь совершенства, как выразился один известный астроном, не найдешь во всей Вселенной. Но как бы там ни было, по прошествии многих лет меня неоднократно посещало видение: впереди, как гусак, выступаю я, а за мной словно по воздуху летит стайка лебедушек - красавиц, каких свет Божий не видывал.

Но права, ох, права немудреная крестьянская констатация, запечатленная в словаре В.И. Даля: «Как ни красна девка, все равно

состарится». Сейчас моим девочкам 68, а Тане (рядом с которой я спал) 70 лет. Как и я, они отяжелели, кожа лица и рук у них сморщилась, а походка, которая некогда была летящей, стала какой-то неуклюжей, и лишь две из них сохранили живые глаза, а черты лица у них остались неразрушенными. Иль это только снится мне?

Когда выпал снег

То ли в 1974, то ли в 1984 году зима наступила необыкновенно рано. На Покров (14 октября) выпал снег, а потом начались морозы - не сказать что жестокие, но вполне ощутимые. Только что назначенный первый секретарь обкома партии бросил клич: «Надо спасать свеклу!» и развил бурную деятельность. На колхозные и совхозные поля выехали тысячи студентов вузов и техникумов, рабочих заводов, сотрудников научно-исследовательских институтов, различных учреждений Воронежа. Сюда же были направлены сотни автомобилей и тракторов.

С нашего филологического факультета университет послал все четыре курса (пятый курс был занят - педпрактика!) и всю мужскую часть молодых преподавателей. Руководить этой оравой было поручено доценту, которому были хорошо известны сельские заботы: он родился и вырос в сельской местности.

Разместили филологов в одном селе и в одной школе: мальчиков в двух классных комнатах, девочек - в четырех, А всем преподавателям (их было 13 человек) отвели единственную, но, правда, большую комнату. Было холодно, грязно, кормили плохо.

Но, тем не менее, каждое утро мы выходили в поле, и всем находилось дело: одни подручными средствами (в том числе просто ногами) выковыривали свеклу из промерзшей земли, другие сгребали ее в кучи, а третьи грузили на автомашины. Работа шла бесперебойно. Но на третий или четвертый день шоферы машин, которыми отвозили свеклу на сахарный завод, стали рассказывать тревожные новости. Оказывается, пролежав дня два- три на заводе, свекла начинала оттаивать, а затем течь, в обработку она уже не годилась. Ее снова погружали на машины и снова везли - теперь уже в отвал. А на освободившееся место вываливали тонны другой свеклы - такой же претендентки на отвал, как и предыдущая. Получалось, труд тысяч людей идет насмарку.

Руководитель филфаковских посланцев (чувствуя ответственность возложенной на него задачи, он приезжал в поле в галстук) регулярно выстраивал студентов на поле и бодро и долго призывал их к труду на благо социалистической родины. Преподаватели молчали. Молчали и студенты. Но однажды, проснувшись утром, преподаватели обнаружили себя запертыми снаружи. На крики о помощи никто не отзывался. Тогда воспользовались окном – благо школа была одноэтажной. Выяснилось, что дверь была туго приоткрыта к дверной решетке ... галстуком их руководителя.

Эта тяжелая осень многому научила всех, кто побывал в эту пору на полях. Не научила ничему она только партийные власти. Ближе к Новому году первый секретарь Воронежского обкома за свое рвение был награжден орденом (не помню уж каким – Трудового Красного Знамени или Ленина).

«Ура! Снова утка!»

Я поехал со студентами на сельхозработы в Семилукский совхоз, в те далекие дни (начало семидесятых) он гремел на всю страну. Возглавлявший его директор, по профессии учитель, грамотный, начитанный, был буквально помешан на порядке, и сельчане, измученные творившимся вокруг, охотно стали его союзниками.

Наша работа в совхозе (даже в жаркие летние дни) начиналась ровно в восемь, а заканчивалась ровно в пять. Доставляли людей на работу и увозили с работы исключительно на машинах. С поля разрешалось нести что угодно (помидоры, капусту, огурцы, картофель, фрукты), но сначала надо было пройти через весовую, где тщательно все регистрировалось, а потом соответствующие суммы вычитались из зарплаты (правда, по смехотворным ценам - по себестоимости). В совхозе осваивались новые технологии (вроде безводного содержания уток), выращивались невиданные сорта овощей. Семилуки как-то быстро расстались с пьянством, воровством, ленью, хозяйственной безалаберностью. Совхоз на глазах богател.

Наслышанные о порядках, установленных в совхозе, в Семилуки потянулись люди со всех концов страны: сам видел в конторе толстенную пачку заявлений с просьбой о приеме на работу. Но удовлетворяли просьбы с разбором: после выяснения того, трудолюбив ли кандидат, не пьяница ли, чем собирается заниматься в совхозе его жена и т.д. Испытательный срок был год, в течение которого выяснялось, соответствуют ли истине сообщенные сведения. Если да, совхоз выстраивал прибывшим дом, и весьма приличный, если нет (что бывало редко), желали приятного пути.

Но в совхоз потянулись не только работники. Заглядывали средние и мелкие чиновники из районных и областных организаций - в надежде на легкую поживу. Директор (в ту пору получивший звезду Героя Социалистического труда, что прибавило, понятно, ему уверенности) встречал их приветливо, ни в чем не отказывал, только отсылал в бухгалтерию, где они должны были оплатить приобретенное - по рыночной стоимости!

Разозленные чиновники не замедлили скооперироваться, и совхоз сразу же ощутил это: заявила о себе целая серия уловок, наносивших чувствительный вред его хозяйству. Особенно ощутимой оказалась следующая. Привозят в Воронеж на мясокомбинат крупную партию уток, а там говорят: «Нет места, комбинат завален птицей, надо подождать».

Подождать бы можно, но здесь таилась одна тонкость. Утки, выращенные по способу безводного содержания, на какой-то там день (на сороковой или сорок первый) начинали тощать. Как ни корми, скоро от них остаются только кожа да кости. И получается, что труд десятков людей и затраченные средства пошли насмарку.

Директор, столкнувшись несколько раз с этим произволом, уже решил окончательно расстаться с безводным содержанием уток, рассчитывая разработать какую-либо еще выгодную технологию, но ему предстояло реализовать последнюю крупную партию птиц, которые пока что не дотянули до критического рубежа. Уток продавали на рынке, выписывали по себестоимости работникам совхоза, но их все еще оставалось много. И здесь-то подвернулись мои студенты.

Мы приехали в Семилуки комфортабельным совхозным автобусом, нас разместили в совхозном общежитии на настоящих металлических кроватях с чистым постельным бельем, предупредив, что стоимость затрат будет вычитаться из зарплаты. К нам пришла повариха, в помощь которой я выделил двух девушек. Через некоторое время нас пригласили к обеду и на стол подали небывалое блюдо - жареную утку. Когда в следующие дни мы приходили на обед, молодые поварихи встречали нас радостным воплем:

- Ура! Снова утка!

Но через неделю их энтузиазм поулег, и они говорили: «Снова утка», но только уж без восклицательной интонации.

На десятый день я отправился к директору совхоза выяснить, нельзя ли как-нибудь изменить меню с надоевшей нам уткой. Директор посмотрел на меня иронически и спокойно проговорил:

- Уважаемый доцент, изменить-то можно, но баранина или свинина вам обойдутся дорого и придется вам оплачивать обеды, причем деньги вперед. А то знаю я вас, сам был студентом...

Назад я возвратился не солоно хлебавши, и уток нам подавали 28 дней - вплоть до нашего отъезда в Воронеж. Но они не были тощими: видимо, их забили до критического дня и держали в холодильнике. Накануне отъезда меня пригласил директор совхоза и сказал:

- Ну вот что, уважаемый доцент. Девочки ваши оказались старательными, да и вы не ленились. Совхоз с вас ничего не берёт за проживание, а питание пойдет по себестоимости. За вычетом этого, каждая получит по 75-80 рублей.

Из совхоза мы уезжали радостные: когда еще за месяц студенты получали такую сумму! Обычно им не платили ничего. Но на прощание нам осталась стойкая нелюбовь к утиному мясу.

Через год директор совхоза умер от инфаркта, может быть, обессиленный в борьбе с чиновничеством. Его преемник оказался не под стать предшественнику. Через малое время совхоз разорился, и порядки в нем воцарились как и везде.

Четвертый курс, почти сплошь женский, на филологическом факультете пользовался недоброй славой. Поговаривали, что девчонки с этого курса лихо опрокидывают две-три рюмки водки (а то и больше), не чураются крепких выражений, а отдельные из них слишком вольно ведут себя с парнями. И вот этому курсу предстояло ехать в колхоз.

Осень в том году выдалась на редкость дождливой, урожай вовремя убрать не успели. И партийные власти предложили изыскать резервы и выслать на смену работавшим в сентябре людей, которые должны выехать в октябре. У нас выбора не было: четвертый курс.

Полина Андреевна Бороздина, наш декан, поделилась своими планами на совещании с заведующими кафедрами:

- Сентябрь вон какой стоял дождливый. А что же ожидать от октября! Жалко девчонок. Обзвоню-ка своих знакомых: не найдется ли какая-нибудь работа под крышей. Там-то дождь не страшен.

Такая возможность нашлась. Мать нашего студента Исайнца служила начальником какого-то управления, курировавшего областные предприятия по переработке овощей. И она-то предложила направить курс в Бобров, в цех по производству кабачковой икры. Предложение было с благодарностью принято.

Памятуя недобрую славу курса, с девушками поехали восемь молодых преподавателей (и это на сорок студенток!). Всех нас разместили тут же на заводе, в общежитии. С питанием устроились нормально - в заводской столовой, где готовили прилично. Все бы хорошо. Одно было неудобно: студенток разделили на две группы и обязали работать в две смены: одна смена - в день, другая - в ночь, а потом наоборот. Местные работницы, с которыми нашим студенткам предстояло делить радости и горести, скептически посмотрели на девчонок:

- Небось, городские?

Все они оказалась горожанками за исключением двух-трех из них. Работницы поджали губы и многозначительно сказали:

- А ведь работа-то тяжелая.

Предвидя сложности, которые могли возникнуть, мы, преподаватели, решили, что четверо из нас будут выходить в ночную смену. Ну, не работать, а следить, как бы чего не вышло. Но на третий день те же работницы сказали нам:

- Мужики, чего вы тут околачиваетесь? Идите лучше спать. Мы тут сами управимся.

Эта осень оказалась для нас полной неожиданностей. Мало того, что октябрь выдался на редкость солнечным и температура держалась на уровне +25: хоть в Битюге купайся. Нас несказанно удивили девочки. Они буквально вгрызлись в работу с первого дня. Ни одного слова порицания от местных. Только похвалы. А самое главное - ночная смена (не говоря уж о дневной) протекала ровно, и сохранялась негласная традиция:

поднапрягшись, работницы выполняли норму досрочно, а последний час времени посвящали приготовлению икры по известному одним им рецепту - для себя и своих домашних. Икра была необыкновенно вкусна.

Как-то придя утром в столовую, я недосчитался двух или трех студенток. Встревоженный, я пошел к ним в комнату и застал там необыкновенную картину - разрезав вдоль батон и намазав его половиной маслом, студентки сверху водружали толстенный слой икры и, запивая чаем, поглощали все это с видимым удовольствием. На мой вопрос, что же они не идут в столовую, последовал краткий ответ:

- А зачем?

В общем итоге октябрь прошел у нас без инцидентов. В конце месяца наш трудовой десант простился с местными и поезд не спеша покотился в Воронеж. Уединившись, мы, преподаватели, строили догадки, почему это слывший шалавистым курс оказался вовсе не шалавистым. Одни говорили, что многие студентки, которым курс обязан был дурной славой, не поехали в Бобров, другие утверждали, что наши девочки повзрослели и все наносное отстало от них в предвидении самостоятельной жизни. Кто прав, я не знаю. Знаю только, что многие годы спустя я с удовольствием прислушивался к доходившим до факультета вестям о девочках с шалавистого курса. Из этих вестей явствовало, что почти все они стали городскими и сельскими учителями, вышли замуж, родили детей. И оказались хорошими матерями и отменными хозяйками.

Протопоп Аввакум на студенческих посиделках

В университете он учился на «отлично» и сносно играл на аккордеоне, что для факультетской самодеятельности было просто находкой. Поэтому заведующая кафедрой русского языка твердо решила после окончания университета оставить его на кафедре. Он проработал преподавателем несколько лет, кое-как осилил кандидатскую, получил нужную степень, а потом через четыре года стал доцентом. Его занятия не вызывали восторга у студентов: в ежегодных опросах они ставили против его фамилии оценку «удовлетворительно», да и то за его доброту.

А вот в сентябре его было не узнать. Он приходил первого числа на факультет в куртке, клетчатой рубашке и старом галстуке (в обычное время он его не носил). Это означало, что доцент к отъезду на сельхозработы со студентами готов. Его как человека, выросшего в деревне, обычно назначали старшим трудового десанта, и так повторялось двадцать с лишним лет.

За долгие годы у него выработалось несколько традиций. Одна из них состояла в регулярном построении студентов на линейку. Он выходил вперёд и долго, нудно призывал их к доблестному труду на благо социалистической родины. Студенты, на каждом шагу сталкивавшиеся с «чудесами» сельской жизни, молчали. И тогда он стал приходить к ним на

вечерние посиделки – поговорить, как он выражался, «по душам». Начинал он одинаково:

- Вы даже не понимаете, скольким мы обязаны советской власти. А я вот помню, как наша семья, где было семь детей, после освобождения от фашистов получила детские валенки, пальтушечки, шапчонки и нужное продовольствие, без чего мы бы не выжили. И ещё. У меня родители едва могли расписаться, а я стал доцентом, получил трёхкомнатную квартиру!

Студенты вразнобой возражали ему.

- Эка невидаль! – говорил один. – Мне рассказывали бельгийцы, учатся тут двое в нашем университете. Когда англо-американские войска прогнали гитлеровцев, то целый год снабжали страну всем необходимым.

Второй его поддерживал:

- А кто на Западе профессора и доценты? Они тоже не аристократы, те же дети рабочих и крестьян.

Вмешивался третий:

- А вот квартирки у них попримачнее наших будут. Никто под мостом, даже безработные, не живёт.

Под шквалом возражений доцент не терялся и решительно их пресекал:

- Это другой исторический опыт. А у нас свой. И нечего тут рассушивать!

Ошарашенные таким умозаключением, студенты начинали потихоньку расходиться, и протопоп Аввакум, как окрестили его юные участники «философских диалогов», оставался один. Впрочем, по совместительству доставалось и преподавателям, не рисковавшим ввязываться в небезопасные по тем временам споры. Однажды они проснулись поутру и обнаружили себя запертыми снаружи. Разобрались. Оказалось, что дверь была туго, как проволокой, примотана к какому-то крюку галстуком протопопа.

КАК Я ОДНАЖДЫ ПРОВЕЛ КОЛХОЗНЫМ ЛЕТОМ...

В.В.Тулупов

Помню, как, представляя очередного первого секретаря обкома партии (тогда по сути, хозяина области), СМИ, показывая его неразрывную связь с простым народом, особо подчеркнули, что тот в детстве работал пастухом. «Ты, знаешь, Вадим, – сказал я тогда коллеге Кулиничеву, – а ведь я тоже несколько сезонов пас коров и овец, приезжая к бабушке с бабушкой на лето». После этого мы стали с ним пересчитывать «колхозные страницы» наших трудовых биографий, получив в результате весьма солидные «собрания сочинений». Например, в моё вошли пять студенческих – по месяцу, а то и больше – выездов «на картошку», одна аспирантская декада «на капусте», более десяти колхозно-совхозных экспедиций в качестве

молодого преподавателя вуза (журналистские краткосрочные командировки на село – не в счёт).

Забылись названия деревенок, но не забылась та тревога, с которой мы укладывались спать. Дело в том, что, будучи сначала студентом, а затем препом филологического факультета, я порой оказывался единственным представителем сильного пола, которому приходилось почти ежевечерне-еженощно вести переговоры с местными молодцами, обладающими сокрушительно мощным либидо и не менее мощными мускулами. Методы и приёмы, который применял городской очкарик, были разными – от взывания к трудовой совести («Им ведь вставать рано на работу...») до совместной дегустации местных напитков типа «Шмурдяк»... Забавных моментов была тьма-тьмущая (их хватало до следующего «колхоза»), но я расскажу лишь об одном.

В далёком 1976 году стажёр-исследователь (была такая форма подготовки к поступлению в аспирантуру) В. Тулупов, прикреплённый к кафедре теории и практики журналистики ВГУ, был поселён в аспирантский отсек общежития № 5. Ещё не успев толком познакомиться, мы получили телефонограмму от легендарной заведующей отделом аспирантуры Клеопатры Петровны, в которой она благословляла нас на поездку в Кантемировский район. Прибыв на место назначения, довольно многочисленная группа «лириков» и «физиков» была поселена в фойе местного Дома культуры (как сейчас помню, спальные места располагались между бильярдными столами).

Парторг, видимо, специально готовившийся к встрече с бригадой будущих учёных, нажимая на «г» фрикативное, так сформулировал задачу: «Вашей бригаде предстоит убрать с поля двулетнее растение, сельскохозяйственную культуру семейства крестоцветных. По-латински, это *Brássica olerácea*, а по-русски – капуста огородная». Тут же, обратив внимание на гитару в руках у аспиранта матфака Сергея Коркишко, спросил: «А може, вы и концерт организуете в порядке общественной нагрузки?»

В общем, вашему покорному слуге, всю дорогу веселившему компанию анекдотами, было поручено составить и реализовать танцевально-песенную программу. Составил и реализовал. Даже две полноценные – на полтора часа – программы. Пригодился уфимский кавээновский опыт, свои таланты проявили и друзья-товарищи, приехавшие из Владивостока и Калининграда, Тюмени и Куйбышева. Мало того – помимо двух представлений на сцене Дома культуры, мы несколько раз выступили «в поле» с краткими концертными версиями для бригад свинок. А ещё выпустили фотостенгазету «Сельская жизнь». Её-то через много-много лет мне и достала из архива нынешний руководитель управления докторантуры и аспирантуры ВГУ Людмила Николаевна Коновалова, дополнив нежданный подарок забавной концовкой той сельской эпопеи.

...Парторг, восхищённый выступлениями нашей агитбригады, а также тем, что мы, выступая «без отрыва от производства», регулярно выполняли

план, прислал в ректорат письмо с предложением наградить артистов Тулупова В. и Коркишко С., аккомпаниатора Сатарову Л. орденом «Знак почёта». Николай Алексеевич Плаксенко, бывший тогда ректором ВГУ, повертев бумагу в руках, задумчиво протянул: «За десять дней медаль «За отвагу» ещё куда ни шло, но чтобы «Знак почёта»... Это уж перебор». Так наша троица и не вошла в число 1 581 000 тех, кому с 1935 г. по 1991 г. была вручена эта государственная награда, учреждённая ЦИК СССР. В общем, награда не нашла героев, и мы узнали об этом почти сорок лет спустя...

В КОЛХОЗЕ ВСЯКОЕ БЫЛО...

Г.Ф.Ковалев

Мне, увы, в студенческие годы не пришлось побывать в колхозе, поскольку каждое лето я работал в студенческом стройотряде. Строил домики на Веневитинове (тогда еще спортлагере ВГУ), строил телятники в Эртиле, коровники в Колодезной, химкомбинат в Халле (это тогда еще ГДР).

Зато, когда я пришел преподавать на филфак в 1975 г., меня сразу же послали со студентами в колхоз. А потом и я, и все наши молодые преподаватели каждый год отбывали в село с необходимостью руководить колхозно-производственной, добровольно-принудительной практикой в колхозах и совхозах области. Но вот что характерно - именно среди студенток я почему-то повстречал свою будущую жену. Так что колхоз оказался для меня и семьеобразующим.

В колхозе всегда наряду с обыденной работой и погодно-температурными неурядицами (то солнце, то затяжные дожди, то дикая жара, то пронизывающий холод) находились просветы и для радужных моментов, и для юмористической бытовухи, и прочего, прочего.

Как-то, вспомнив армейскую молодость, когда на дембель в дембельский чемодан обязательно подкладывали кирпич (правда, кирпич я вовремя выбросил, а вот чьи-то грязные, засаленные погоны так и приехали со мной из Литвы в Воронеж), я решил перед возвращением в Воронеж подложить что-нибудь в сумку нашему коллеге Алексею. Осмотревшись, заметил, что в сушилке осталась масса постиранных наскоро женских трусиков и бюстгалтеров. Я знал, что эти девочки уже уехали и назад в колхоз не вернуться. Пара изящных, правда, ношенных бюстгалтеров и оказалась в сумке Лехи. Оставалось только ждать реакции от разбора вещей его женой. Приехав с выходных, Леха ничего не сказал, зато его отец (замечательный человек!) потом с юмором меня пожурил: а если бы это дело дошло до развода? Поэтому в следующий раз я уже действовал осторожнее: запихнул в Лёхин рюкзак несколько электрических выключателей и розеток, отработавших свой срок и, как водится, оставшихся после «капитального» ремонта. Каково же было мое удивление, когда уже после колхоза его жена меня обрадовала: «Спасибо,

Гена, мои ребята (а у Лёхи к тому времени уже родились два мальчика) с таким вдохновением разбирались с твоей техникой, что у меня даже появилось время отдохнуть». Кстати, эти мальчики стали настоящими технарями с высшим образованием.

А вот уж совсем пренеприятный случай. После довольно сытного обеда мы зашли в дощатый туалет, представлявший собой обычный дощатый сарай, перегороженный на две части. Сели мы, как положено, на корточки, каждый у своего очка, да и заговорили на наболевшие темы, а потом перешли на девиц, которые очень неохотно работали. Уж мы их и так обсуждали, и этак, пока не услышали мощный девичий смех на другой половине. Оказалось, что там, за стеночкой, нас весьма внимательно слушали те самые девицы, о которых мы рассуждали. Не знаю, впрок ли им пошла наша коллективная лекция, но работать они стали и лучше, и со смехом. Однако мы пришли к выводу: в туалете ни слова – враг не дремлет!

Конечно, кроме веселых случаев было больше огорчительных. Так в одном из колхозов мы собирали чуть ли не до первых ночных заморозков урожай помидоров. Как пионеры, мы бегали, набирали ящики, складывали их, защищали от приезжавших на легковушках желающих увезти эти помидоры... Но каково же было наше разочарование, когда через день мы увидели, в каком состоянии эти помидоры: они погнили на солнцепёке и протекли сквозь ящики. За этим товаром, который был так необходим городу, да и селянам тоже, так и не пришли машины. Когда мы пожаловались агроному, он дал простую команду: запахать все помидоры! И вот поля, на которых еще можно было хоть что-то собрать, ринулись трактора и быстро все перепахали: нет помидоров – нет проблем!

А в Новой Усмани мы попали на вторичную уборку картофеля. Совхозом руководила бывшая бригадир-свекловичница, Героиня соцтруда. Трактора снова взрыли верхний пласт громадного поля. Оказалось, картофеля можно собрать еще довольно много. И девочки-филологи и журналистки быстро стали набирать холмики картофеля. В это время на помощь приехали рабочие завода им. Коминтерна. Увидев, что уже есть собранный картофель, работяги пришли с сумками и стали набирать себе «нашу» картошку. Мы, преподаватели, пытались их увещевать, дескать, девчушки на карачках по полю ползают, картошку собирают, а вы, бугаи, готовое хотите взять. Некоторые устыдились, но сказали: все равно пропадет. И как в воду глядели: пришли грузовики забирать картофель, шофера потребовали от директора совхоза бензин на обратную дорогу (таков был уговор!). Но директор бензин не дала, и машины пустыми ушли в город. А на следующее утро такой мороз крякнул, что мне стало стыдно – лучше бы работяги привезли картошку в семьи! А героиня-директриса посмотрела на замерзшие пирамиды и сказала: «Ну, и пушшай! Вот теперь я усю эту картошку погоню на спиртозавод!».

И все-таки хорошего в колхозе было больше. Студенты больше узнавали людей. Мы больше стали понимать студентов, а в целом стали понимать, что так дальше жить нельзя!

ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...

В.В.Инютин

Вадим Кулиничев в «колхозах» (уже в мои преподавательские годы) воспроизводил обычный ритуал. Ясной звездной ночью он шёл на тракт, на дорогу, по которой днём из села уезжали о Воронеж машины, и, отмахав с полкилометра в полях, глядя на звезды, затягивал романс на лермонтовские стихи:

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Тут Вадим немного лукавил. На дорогу он ходил все же не один: требовал, чтобы с ним прогуливался кто-нибудь из коллег-товарищей. И нужно было подпевать. Слова и мелодия почему-то вспоминались сами собой.

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит.

В памяти осталась такая дорога около Горенских Выселок. Она поднимается на холм и поворачивает над оврагом. Вверху - большие звезды осени, вокруг теплая ночь. И как будто вправду больше ничего и никого нет в мире, только мы, осень, небо и песня.

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом...

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Темная фигура Вадима на фоне неба, звезд. Он словно бы уходит к этим звездам.

Уж не жду от жизни ничего я,

И не жаль мне прошлого ничуть;

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!

В осенних ночах есть пророчество. Тогда предчувствие какое-то мучило его, и надежда радовала. Голос Вадима был печален.

Но не тем холодным

Сном могилы:

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали

жизни силы,

Чтоб, дыша, вздымалась

Тихо грудь.

Свой путь по своей дороге Вадим уже прошёл. А нам сколько ещё осталось?

О СВЕТЛОМ

Елена Бармина (выпуск 1987 г.)

Помню дождливо было, серо как-то, трудно... Жили мы в бараках, в которых бытовые условия, мягко говоря, были более чем скромные. Кормили нормально, кто-то из наших же и помогал на кухне повару.

Работали в фуфайках, резиновых сапогах – все происходило осенью, собирали картошку. Ночами снились длинные колхозные поля, ведра, чернозём...

У меня с сердцем небольшие проблемы были, нельзя было долго нагнувшись находиться, к врачу меня отправляли, давление мерили.

Для девочек-филологов, после музыкальных школ и театров, все это было непривычно. Но мы и в школе в колхозы ездили, огурцы, кажется, собирали. Время такое было. Партия сказала «Надо» – комсомол ответил «Есть!» Балетных мальчиков ведь тоже в армию служить отправляли и вместо пуантов кирзовые сапоги носить приходилось. Так что постановления правительства в жизнь воплощали не только колхозники, но и советская интеллигенция, физики и лирики в том числе. Не знаю, может это и правильно было, чтобы почувствовать всю полноту жизни, во всех её проявлениях.

Вечерами, конечно, было интереснее, что-то типа танцев-дискотек (значит, не очень уставали, если ещё и силы были!). Помню, мы с Толей Краснооком «Цыганочку» танцевали. Вечера поэзии проводили, да и просто чаепития, общение... Вообще, конечно, воспоминания, несмотря на все трудности и походные условия, светлые! Может, потому, что мы были тогда молоды и всё ещё было впереди!

А университетских преподавателей и наш воронежский филфак всегда вспоминаю с уважением, благодарностью и теплотой!

ЕСТЬ, ЧТО ВСПОМНИТЬ...

Наталья Бисерова (выпуск 1987 г.)

Обычно первый курс в колхоз не отправляли, но нашему набору «повезло», и вместо учебы мы оказались на картошке в октябре, когда намного холоднее и дождливее.

Поселили нас в бараке, человек по 8 в комнате, с кроватями в два яруса. Меня, слава Богу, дома в колхоз снарядили: дали теплые вещи, чашку-ложку, кипятильник. Некоторые девчонки были не так дальновидны, и подмерзали на открытом поле.

Задача женской бригады была картошку достать и в ведра сложить. Ребята таскали их на машину. Работа, мягко сказать, муторная, но, надо признаться, от нее открыто мало кто уваливал. Находились, конечно, любители-симулянты каких-нибудь болезней. Но так как все были друг у друга на виду, сразу становилось понятно, кто какой работник. По дороге на грядки и обратно пели частушки, русские народные песни. В бараке вечерами пели под гитару.

Вспоминаются вечера, организуемые преподавателями. Например, нам, первокурсникам было безумно интересно слушать Л.Е. Кройчика и А.В. Скобелева о творчестве Владимира Высоцкого. В школе на уроках литературы в то время об этом исполнителе никто не говорил. Кстати, в одном из колхозов «будильником» всего барака утром была песня «Банька» В. Высоцкого.

Выпускали стенгазеты, сочиняли песни и куплеты, проводили капустники. На одном таком вечере любимый профессор Иосиф Абрамович Стернин изображал трех студентов: «как Наталья Бисерова разговаривает», «Как Галя Ткаченко танцует на дискотеке», «Как Мерис Маралов собирает картошку». Все смеялись до упаду!

Бытовые условия соответствовали походной жизни. Холодная вода и туалет на улице, под полом мыши. Помнится, в одном из колхозов в комнате у преподавателей мышки сидели в трехлитровой банке и предназначались «для дрессировки». ☺

В основном вспоминаются молодость и задор, коллективный дух, общение с замечательными преподавателями, профессионалами своего дела, которые и картошку собирали наравне со всеми, и поддержать могли и пошутить!

КОЛХОЗНЫЕ «УНИВЕРСИТЕТЫ»

Ж.В.Грачева

Известно, что каждый учебный год для студентов СССР (филологи Воронежского государственного университета тоже не были исключением) начинался с того, что они отправлялись в колхоз. Что, на мой взгляд, символично: колхозы становились своего рода Университетами. Они учили очень важному: умению сохранять высоту духа в самых сложных бытовых условиях.

Память сохранила такую картинку. Первый месяц осени, пасмурно. Небо низкое, серое, печальное, под ногами жирный вязкий чернозем... Работаем на уборке картофеля. Выбираем его из земли и ведрами переносим к грузовикам. За день нужно было загрузить несколько машин... Мы в поле, на грядке. Рядом со мной хрупкие, нежные, не привыкшие к физическому труду, девочки-«ромашки», как называл нас кто-то из преподавателей. Одним словом – филологини (рифмуется с богини!). Но откуда только брались силы и железное упорство! Работали не разгибаясь, как для фронта!

Где-то далеко стоит грузовик, набираешь два ведра картошки и несешь. А там их принимают мужчины – это преподаватели, которые работают вместе с нами. «По последнему ведру!» – разносится крик Кройчика Льва Ефремовича. Эти слова означают, что рабочий день закончился. Линейка. Объявляют, кто сегодня работал лучше других. Кройчик Л. Е. (орлиный профиль, знаменитая вязанная кепка) оглашает победителей сегодняшнего дня и шутливо заявляет о возможных наградах: та, кто заняла третье место, награждается его рукопожатием, второе – его поцелуем в щечку, первое – «постирушкой» (слово Кройчика) его рубашки. Мы все смеемся и радуемся за передовиков. И немного завидуем: сделать что-то для препов – большая честь. Потому что они родные, свои, они друзья. А главное – Мужчины в самом высоком смысле этого слова. Благородные, мудрые, сильные, особенные. Каждый из них станет своего рода образцом того, каким должен быть твой спутник жизни.

Преподаватели в колхозе – это отдельная страница. Каждый из них – и Валентин Валентинович Инютин, и Иосиф Абрамович Стернин, и Лев Ефремович Кройчик, и Евгений Семенович Воропаев, и другие – это целый мир. С ними можно было говорить часами обо всем. Но прежде всего – о духовном и душевном. Так мы тихо, задумчиво, прогуливаясь по окрестностям, беседовали о литературе, кино, лингвистике, о долге и чести, о красоте. Помню, как В. В. Инютин спросил меня, какую актрису я считаю в современном русском кинематографе самой красивой. Я задумалась. Кого-то назвала. Но свой ответ не запомнила. Запомнила его слова – «Маргарита Терехова» – и пояснение: она благородна, умна, в ней чувствуется порода. Я согласилась: да, в ней совсем нет пошлости и фальши. С тех пор, увидев Терехову на экране, я всегда вспоминаю слова В. В. Инютина.

Валентин Валентинович (в народе Тин Тиныч) был любимцем многих поколений. Он курировал старшекурсников (таких важных, умудренных опытом, прошедших через череду сессий, отягощенных бременем познания). Его обожали. Однажды утром из кирпичей выложили у входа в корпус его имя – «Тин Тиныч». Он смотрел на это художество и кротко улыбался. Во время последнего прощального концерта сочинили частушку:

*Нам Инютина хватало на 17 гавриков,
Деканат прислал подарок из далекой Африки.*

Это был намек на одного из преподавателей, который (для остроты ощущений) прямым из заграникомандировки был направлен в колхоз.

Однажды, когда простудился и заболел Иосиф Абрамович, мы решили его как-то порадовать – найти для него что-нибудь вкусненькое. Месяц подходил к концу, с едой было плоховато. В сельском магазине на полках стояли только водка, килька в томате, хозяйственное мыло, растаявшие карамельки, хлеб, соль, спички и резиновые сапоги. Решили пройти по палатам. Каждый отдал самое сокровенное: сгущенку, мед, шоколадку... У меня остались несколько грецких орехов. Я завернула их в фольгу, чтобы

они напоминали сказку Нового года. Когда пошли к И. А. Стернину, то нарядились (а он жил в конце коридора, так что путь был вовсе не длинным). Наши гостинцы его обрадовали. Он оживился и долго болтал с нами. Это был настоящий подарок. Теперь для нас.

А еще мы в колхозе постоянно пели. Пели везде: по дороге на работу и с работы, вечерами в курилке, но особенно любили петь, забравшись на огромный стог сена...Под звездным небом... Те, кто умел играть на гитаре, становились всеобщими любимцами. А песни были такие настоящие. Слова одной из них на слова Вадима Егорова, сегодня звучат особенно актуально:

*Друзья уходят как-то невзначай,
Друзья уходят в прошлое, как в замять,
И мы смеемся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам.*

Это было самое «певучее» время в моей жизни. Пели потому, что пела душа. Вокруг была глухая деревня, слякоть, моросили дожди, руки и плечи ломило от непривычной работы, постоянно хотелось спать. А мы пели... и лица светились счастьем.

Вспоминается много разных забавных эпизодов, потому что колхоз – это большое приключение. Помню, как среди ночи проснулись от того, что кто-то в коридоре стучал о дно железного таза палкой и громко кричал: «Спите, жители Багдада, в Багдаде все спокойно!». Крик перебудил всех, но никто особенно не сердился. Помню, как ночью намазали ручки дверей повидлом, в том числе ручку препов, как утром Лев Ефремович, не видя нас, с любопытством наблюдающих за его реакцией, осторожно обнюхивал свою ладонь, так как повидло странным образом напоминало нечто неприличное, а потом ругал нас так: «Когда дети Бангладеш голодают, вы портите продукты!». Помню, как вырезали из тыквы голову-маску, вставили свечку и ночью отправили это сооружение в окно преподавательнице-экономистке, красивой изнеженной даме, которая всерьез испугалась...Но пусть наши главные «шалости» останутся общей тайной (здесь хочется поставить смайлик).

Возвращаемся с работы... Очень устали... На душе хорошо... Легко... Отчего так? Мы молоды, мы среди единомышленников, нас объединяет вера в то, что наш труд нужен и важен, что впереди красивая, добрая жизнь, наполненная умными, светлыми мыслями.

ФИЛФАК БЕЗ КОЛХОЗА НЕПОЛНЫЙ

С.Громова

Я говорю судьбе спасибо за то, что предоставила мне возможность перенестись в прошлое, в сентябрьскую осень 1986 года. В событие, на мой субъективный взгляд, с довольно-таки невзрачным «названием» -

помощь колхозу. А проводником в этом путешествии стал один из любимых наших преподавателей – И. А. Стернин.

Итак, ребята, собирайтесь-ка в колхоз. И мы, только что ставшие первокурсниками филфака, подумали: «Вот беда!». Вместо учебы – колхоз. Деревня, бездорожье, резиновые сапоги, отсутствие горячей воды – вот, с чем ассоциировалось слово «колхоз». Взглянув на окружающих, я не увидела на их лицах уныния. Напротив, на меня смотрели девчонки, которые уже узнали, что журфиловский колхоз – это здорово.

Память «листает» страницу за страницей, останавливаясь на следующих: длинный темный барак, местное архитектурное сооружение. В нем множество двухъярусных кроватей. Страшно...

Но к вечеру это чувство проходит, вытесняясь положительными эмоциями. Старшекурсники поют песни под гитару парня, который «надел» на себя рыцарские доспехи. Это Герман Полтаев. Превратившись для первокурсниц в литературного героя, он причаливает свой песенный челн к острову песнопений. Отсюда и началась моя дружба с гитарой и авторской песней.

Каждый вечер мы самовыражались, чувствуя себя комфортно на музыкальном «острове». Нас качали волны лирики, воздвигая вокруг образы таинственных незнакомок и незнакомцев... Вечеров мы ждали. И не только песенных, но и театральных. И вот почему. Наши преподаватели А. В. Скобелев, В. В. Инютин, В. Г. Кулиничев, и, конечно же, И. А. Стернин, инсценировали анекдоты. Они становились в ряд так, что хохотал весь колхоз, сотрясая стены того самого барака. Наверно, Боги Олимпа так не смелись, как мы. Только сейчас приходит осознание того, что все это делалось для нас, начинающих студентов. Этими милыми людьми устанавливалась достаточно высокая планка. Они становились нашими звездами, освещающими студенческую тропу.

Шутки забылись, слова стерло время, но осталась радость в сердце, которая позволяет воскликнуть: «Как здорово, что мы встретились!».

Ах, картошка, картошка... Надо было бы начать с нее, но трудодни отошли на второй план, а на первом оказались роскошные вечера.

Так вот. Борозды нам достались длинные. Но куда девалась их длина – не знаю. Вероятно, испугавшись нашего желания совершать подвиги, они как-то укоротились и сузились. Мы превратились в бойцов: руки не останавливались, ведра перемещались сами, как в сказке «По щучьему велению». Наши парни почти бегали по полю, закидывая урожаи в грузовики. В таком режиме мы и жили почти тридцать дней.

Почему-то вспоминается день, когда удалось достичь таких темпов сбора картофеля, что машины не стояли, а медленно-медленно за нами двигались. Тогда был поставлен рекорд. Цифра забыта, но чувство героизма нас долго не покидало. Оно пробуждается всякий раз, когда вспоминаешь колхозную страду.

Когда-то в школе, изучая на уроках литературы «Железную дорогу» Н. А. Некрасова, читали строки: «Около леса, как в мягкой постели,

выспаться можно: покой и простор». Эти красивые и в то же время грустные строки удавалось прочувствовать тогда, когда устраивали послеобеденный отдых. В эти минуты я ощущал себя крестьянкой, а не барышней, тем более, что у меня никогда не было дачи и огорода, и я не могла полноценно воспринять физический труд и полюбить землю.

Мой четвертый и последний колхоз стал для меня судьбоносным: здесь я встретила со своим будущим мужем.

Учеба на филфаке длилась пять лет, а колхозы – четыре сентября. И трудно сказать, что больше влияло на рост наших личностей: учеба или труд. Одно ясно: филфак без колхоза неполный.

Спасибо всем, кто старался сделать нашу жизнь яркой и красочной...

ТЕАТР И ЖИВОТНЫЕ

Н.Журавлева

Театр

Все неудобства, которыми полна колхозная жизнь, довольно быстро перестали иметь значение. Двухъярусные кровати в комнате на сорок человек, холодная вода для омовения каждый день вместо теплого душа, сизое круто сваренное яйцо и сомнительный чай на завтрак... Каждый день мы просыпались под рев «Протопи ты мне баньку по-белому...» и ждали ... театра. Шутить, разыгрывать, представляться было образом жизни.

Казалось, что никакое дело не делается всерьез. Хохотом взрывалось в комнатах, в коридоре, в столовой и во время отдыха в поле. Если представление длится несколько минут, то подтягиваются зрители: поощряют, одобряют, участвуют. Вот старшекурсница-журналистка Лена Гнеушева, затосковав в очереди в столовку, вдруг начинает выплясывать чудной танец дикой хореографии, а самый азартный из наших преподавателей пятидесятилетний Вадим Георгиевич Кулиничев включается в эту игру. Заканчивают они свою лихую пляску под восторженный рев шестидесяти зрителей, но это не финал. Раскланиваясь перед зрителями, Лена преображается в конферансье, объявляет название номера и имена исполнителей. Громко - «выступала Лена Гнеушева» и комично понизив голос – «и Вадик Кулиничев». Дополнительные хохот и овации.

И это никакая не фамильярность, не панибратство... Это проявление особой театральности, которая в колхозной жизни везде. Володя Грязнов, командир отряда, спокойный и деловитый в общении с местными шоферами и трактористами, на поле становится комичным полководцем. Вот он выкатывает глаза и невероятным голосом ревет: «Бойцы и бойщицы! (колхозный неологизм) Окрысились!» и выбрасывает вперед за

горизонт руку, показывая, где он хотел бы всех увидеть через полчаса. И полсотни девиц яростно набрасываются на вывороченные из земли клубни. А вечером будет представление, предусмотренное программой, к которому готовятся прямо на поле, сочиняя, придумывая, репетируя. Группа преподавателей участвует со всеми на равных и они, конечно, любимцы публики. Здесь рождаются колхозные хиты, которые будут исполняться еще несколько лет.

Животные

К животным в колхозах особо теплое чувство. Особенно девушки умиляются при виде любой домашней скотинки: коровки, козлика, лошадки. В селе Горенские Выселки (сезон 1987 г.) к отряду пристанет собака и на две недели будет чувствовать себя домашней. Прилипчивый и добродушный песик ест все без разбору, сопровождает то одну группу студентов, то другую куда придется. Судя по внешности, кобелек имел среди своих предков то ли бобтейла, то ли эрдельтерьера: он чрезвычайно лохмат, но весь в колтунах, смотрит искательно из-под нависших грязных бровей. Преподаватель Валентин Валентинович Инютин (Тин Тиныч) шумно и театрально негодует: «Этот паршивец всех перезаразит своими собачьими болезнями» и изображает все проявления этих болезней. Студенты включаются в эту игру: «Да мы видели, как Вы его сами за ухом чесали». Тин Тиныч тоном провинциального трагика: «Какая клевета! Не было этого!» На весь сезон это станет популярной шуткой: «Иду я и вижу, как Тин Тиныч за бараклом пса-паршивца гладит. А нам запрещает». Собаколюб Андрей Владиславович Скобелев, наверное, разглядев в четвероногом признаки аристократизма, дает ему кличку Рамсес Четвертый и объявляет, что выплатит приличную премию из своих средств всякому, кто решится помыть потомка фараонов и вычесать всех его блох. Но деньги так и остались в кармане щедрого мецената.

КАК Я УПРАВЛЯЛ ЛОШАДЬЮ

В.В.Инютин

Совершенно не помню, как называлось село, в которое нас, тогда студентов младшего курса, отправили «на картошку». Да это и не важно: всё произошедшее могло быть везде, и всякий раз: система персонажей и события обладали всеобщими свойствами.

Прикатили мы на автобусе из города в «колхоз» уже во второй половине дня, выгрузились перед зданием администрации. В том году возглавлял работы Олег Григорьевич Ласунский. Он пошёл уточнять условия нашего труда и жизни, а мы расположились прямо на травке, ещё зелёной в начале сентября. Проще сказать, завалились на эту траву: вымотали колдобины и

ямы по дороге, к тому же хотелось есть. Лежали и обсуждали нескольких коз и их козла, которые паслись на этом весёлом лугу. Было много похожего на картинку из произведений сентиментализма. Как реальность, эти существа уже тогда стали большой редкостью, по крайней мере в городе.

Беседа Олега Григорьевича с руководством хозяйства затягивалась. Подступали голод и раздражение, создались условия для непредсказуемой нелепости, которая меня и постигла.

В дверях конторы появился Олег Григорьевич. По выражению его лица было понятно, что проблемы разрешены. «Всё, - сказал он, - сейчас пойдём есть и в общежитие. Но потом готовить будем сами себе, на летней кухне. Нужен «кухонный мужик»: дровишки нарубить, воды привезти. Надо, чтоб умел обращаться с лошадыю. Кто возьмётся?».

Всё-таки нервогрёпка дороги, желание поесть, бес лукавый и просто безалаберность довели меня в этот момент до точки, потому что у меня первого вырвалось: «Я могу. Не бином Ньютона» (М. Булгаков был очень популярен). Не то что бы я видел лошадь только в кино, однако ближе, чем метрах в двадцати мне её наблюдать не приходилось.

О. Ласунский подозрительно оглядел меня, но, видимо, и он устал, потому что сказал: «Хорошо. Иди сразу на конюшню, тебе запрягут, и поезжай за водой для кухни».

Разумеется, на конюшне для студентов выделили самую ленивую, какую-то злобную лошадь. К тому же - с жеребенком. Наверное, я ещё обидел конюха, поскольку разбудил его, когда он прилёг отдохнуть «после вчерашнего» на куче соломы. «А как её зовут?» - попытался я определить этикет общения с лошадыю. «Да ладно, - сказал конюх, - сам докумекаешь». И опять упал в солому.

Я поехал за водой. Простая логика подсказывала приёмы руководства движением лошади: дёрнул за левую вожжу - она пошла налево, дёрнул за правую - направо. И надо крикнуть: «Но!». «Вот только имя?! Да что же я фольклор что ли не изучал? Илюша Муромец говорил же своему коню: «Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!» Только здесь это не подходило: лошадка и в правду соответствовала определению Ильи. Обидится ещё, вообще не пойдёт».

Нет, она поворачивала и направо, и налево, но передвигалась совсем неторопливо. Иногда останавливалась, чтобы траву пощипать, чтобы воспитывать своего жеребёнка. На мои разъяснения и призывы поторопиться, потому что мы опаздываем на склад за крупой или в поле с чаем для убирающих картошку сокурсников, лошадь не реагировала, даже если я пытался обратиться к ней на иностранном языке. Несколько дней она трепала мне нервы. Хотя лошадь не виновата. К лошадям в деревне, особенно к общественным, уже тогда сложилось нелепое отношение. Они считались ненужными в селе. Какой-то кретин решил, что в век техники надо два бидона молока возить не на лошади, а на пятитонном грузовике. Даже имён у лошадей не стало.

Как всегда, помог одолеть обстоятельства - народ. Он был вокруг. Как-то довольно пасмурным утром ехал я мимо зарослей, кажется сирени (в сентябре непонятно) и продолжал попрекать лошадь за её наплевательское отношение к своим обязанностям. Внезапно из-за кустов появился крестьянский мальчик. Всё, как у великого Н. Некрасова: в отцовском ватнике до пят, в замызганной ушанке, правда, не босиком, а в старых ботинках. Под носом - сопля.

«Ня правильно ты её погоняешь. - заявил мальчик. - ня так надо». Я вознегодовал: это он мне замечание делает, мне, студенту университета. А сам, наверное, без штанов, только ватник надел! Подпасок!

«Может ты знаешь, как её погонять нужно?» - спросил я, вложив в свои слова убийственную иронию, даже сарказм. А ведь разумней было вспомнить риторический вопрос о том, кому у кого учиться: нам у крестьянских детей или крестьянским детям у нас, вопрос Л.Толстого, который тоже иногда участвовал в сельхозработах.

Эх, всем пижонам, мнящим себя сообразительнее крестьянского мальчика, надо не многоумно иронизировать, а послушать этот народ и согласиться с ним.

«А чё тут знать?», - сказал пацан и потянулся, чтобы выломать хворостину из куста. Моя лошадь как-то встревожено стала на него коситься.

Мальчик размахнулся хворостиной, огрел ею лошадь по спине, крикнул «Но!» и добавил сочетание слов, предельно ненормативных: «...!!». Что сделалось с кобылой? Ни до этого, ни после этого, она у меня так быстро не бегала! Мы без лишних волнений стали всё успевать. И, главное, я понял, как её зовут! Так и называл, если рядом не было сокурсниц. Впрочем, раза - два нарвался. «Мы не думали, что ты умеешь так грубо формулировать. А ещё рассуждал о Дос Пассосе!».

В этот момент колесо телеги зацепилось за корень дерева и ни вперёд, ни назад. Я дополнительно охарактеризовал и колесо и Дос Пассоса, заодно и ни в чём не повинного Марсея Пруста. К этому времени я приобрёл все черты и ухватки возчика: научился спать в телеге и под телегой, в волосах у меня всегда торчала солома. На кухне мне отдавали кости, оставшиеся после варки бульона для супа. Я их обгладывал. Декан, приехавший с проверкой, не сразу узнал меня в звероподобном существе, сидевшем на пеньке в отблесках огня от печи и глодавшем огромный коровий мосол.

Впрочем, поначалу, сокурсницы требовали, чтобы я их катал на телеге, но быстро разочаровались: сидеть на ней оказалось жёстко.

А сокурсникам нравилось ездить в настоящей повозке. Сядут трое-четверо и странствуют по селу.

Как-то случился неожиданный конфуз. Ехали по дороге, обгоняли каких-то местных мужичков. Развлекаясь, кто-то из товарищей спросил у меня: «А что, уважаемый, далеко ли ещё до Парижа?». «До Парижа? -

отвечал я. - да, почитай, вёрст 30 будет». Ужас, появившийся на лице одного мужичка, словами передать нельзя.

Я должен был уехать «с картошки» дней на десять раньше. Лошадь свою передавал сокурснику и приятелю - киргизу (они учились с нами, первый набор). Этот сокурсник, как и положено у него на родине, ещё в детстве раньше научился ездить на лошади, а потом читать и писать. Втроем мы отмечали прощание с лошадью, смену возчика и т.д. Проснулись в телеге почему-то далеко в чистом поле, лошадь ела какие-то колхозные посеы. Еле ноги унесли...

...Начались занятия. В октябре колхоз стал постепенно забываться. Но как-то раз мои сокурсники и я шли мимо Петровского сквера по тротуару, а у кромки дороги медленно тянулась упряжка: повозка и очень старая лошадь. На повозке стояла будка синего цвета с надписью «Хлеб». Так возили тогда многое для столовых в детских садах и школах. На козлах сидел пожилой возница, он дремал, однако, не выпуская из рук вожжи и кнут. Лошадь вроде бы сама шла рядом с тротуаром не быстрее пешехода: тух, тух, тух!

И опять подбил меня нечистый. «А хотите, эта лошадь сейчас рысью пойдёт?» - спросил я сокурсников, преисполнившись гордым чувством человека, понимающего в лошадях.

«Кончай ля-ля, - сказали сокурсники. - Лучше смотайся за пончиками». Рядом с памятником Петру 1 в специальном киоске, продавались тогда пончики, которые здесь же жарились. «Нет, я докажу», - подумал я. Набрал воздуха в лёгкие, вспомнил особую интонацию выкрика, восклицания (это главное) и заорал: «Но!...!!». Случилось невероятное: лошадка встрепенулась, почти встала на дыбы, рванула и пошла галопом через перекрёсток. Старик-возчик свалился с козел. Несколько секунд он ошарашено осматривался, а потом погнался, но не за лошадью, а за мной, размахивая кнуто, выкрикивая проклятия, бегал за мной по Петровскому скверу. Не догнал. Но я понял: если меня вытурят из университета, скажем, за «нехождение в классы», я не пропаду. У меня в руках есть надёжное, полезное ремесло.

СНОВА ОСЕНЬ КРУТИТ КИНО ПРО КОЛХОЗ...

Светлана Калугина, Наталья Чернига

Старая киноплёнка трещит. Расплываются кадры. Мелькают картинки: девушки в мужских бушлатах, парни в стройотрядовских куртках, бородатые и не очень мужчины с ведрами картофеля и веселым прищуром. Они смотрят в камеру, а на заднем плане загадочные пейзажи в виде полуразрушенных барачков, туманного леса, широкого картофельного поля...

Студенческий колхоз, да еще филологический то, что невозможно объяснить никому. В колхоз не надо было упрашивать ехать. Желающих «откосить» практически не было. Не поехать вместе со всеми «на картошку» – вот это было страшное наказание.

Ну а сам колхоз, во-первых, это совсем не про картошку и свеклу. Во-вторых, это не место, а скорее – состояние души. Хотя и место, конечно. Самое подходящее место для взросления, дружбы, любви и поисков ответов на самые главные вопросы: «Кто я?», «Для чего я?», «С кем я?»

Студенты-филологи и студенты-журналисты искали ответы вместе с преподавателями – Львом Ефремовичем Кройчиком, Иосифом Абрамовичем Стерниным, Вадимом Георгиевичем Кулиничевым, Валентином Валентиновичем Инютиным, Александром Петровичем Валагиным, Андреем Владиславовичем Скобелевым, Александром Тихоновичем Смирновым, Виктором Владимировичем Гаагом... А однажды «к нам приехал, к нам приехал» Владимир Петрович Манаенков. И очаровал (навсегда!) впечатлительных филологинь любовными романсами.

На поле, в общежитии и у обязательного вечернего костра преподаватели общались с нами, не переступая тонкую грань «ученик – учитель», и вместе с тем умели быть предельно демократичными, открытыми, готовыми поддержать падающих духом доброй шуткой. Об особой «колхозной жизни» в селах Макарье, Нижняя Катуховка, Горки, Рогачевка можно рассказывать бесконечно. В каждом колхозе был свой уклад и вместе с тем все их объединяли разлитые в воздухе радость бытия, спокойное и достойное отношение к той работе, которую мы выполняли, и общение, общение, общение.

С первого колхоза мы чувствовали заботливое желание преподавателей помочь нам адаптироваться к роли студентов, расширить наш кругозор и ненавязчиво познакомить с интересными именами в поэзии, театре, музыке. Завершалось мелькание перед глазами бесконечных ведер с картошкой, начинался вечерний рассказ о Владимире Высоцком, театре на Таганке, фильмах Андрея Тарковского, ... Самыми яркими событиями были традиционные вечера поэзии, вечера «колхозной» песни, где сюжеты из нашей жизни легко ложились на музыку и сдабривались юмором.

Без смеха и самоиронии колхоз – не колхоз. Мы шли на поле и наслаждались парадоксальным юмором Льва Ефремовича Кройчика, который обыгрывал в стихотворных каламбурах наши фамилии. А когда возникала опасность увязнуть в родном черноземе, ноги сами начинали маршировать под свежесочиненные речевки: «В магазине нет вина - виновата Кветкина», «Мы спросили у Черниги – будет «Факел» в высшей лиге? И услышали в ответ – Нет!». А уже на поле неизменно приступали к работе после шутливого клича: «Окрысились!» Подчинялись действию закона «Не оставляйте деве юной ведро с картошкой в борозде».

Бесконечные розыгрыши вообще тема для отдельной диссертации. Студентку В. , известную своей экзальтированностью, заставили поверить

в то, что у преподавателя Александра Петровича Валагина деревянная нога, потому он и не бывает в колхозах. Представляете, что предстояло услышать от В. Александру Петровичу, когда он вдруг появился...

Никто не знает, почему музыкальный Олимп колхоза возглавляли песни Александр Розенбаума. Их пели вечером у костра, пели просто так, переделывали и препарировали. А начинала утро тягучая и безрадостная «Протопи ты мне баньку, хозяйюшка!» Владимира Высоцкого, хрипевшая из старого кассетного магнитофона, но тогда почему-то не казавшаяся такой драматичной.

Легенды «колхозов» – еще одна великая тема. Это – талантливые ребята и девчонки, превращавшие обычные будни в красивый театр, наполненный светлыми эмоциями, музыкой, дружбой. Александр Сорокин, Лена Гнеушева, Таня Лебедева, Сергей Рвачев, Сергей Макарский, Герман Полтаев, Юрий Дубов, Александр Кручинских, Володя Грязнов, Дмитрий Дьяков, Инесса Воронина. И вообразите себе, каково тридцать лет спустя услышать о своих подругах «те самые легендарные Аллочка и Галочка!»

Конечно, самым главным был для нас наш последний колхоз – Рогачевка. После него остался не только фольклор и фотографии, но и кинолетопись, что было уникальным для того времени! Автором этого документального кино был наш сокурсник-журналист Сергей Рвачев.

Вернувшись в конце октября (мы ведь пробыли на платоновской «родине электричества» два месяца), почти каждый вечер в общежитии мы смотрели нашу хронику. Теперь мы оцифровали пленку и оказалось, что ее не так уж и много. Но на экране мы по-прежнему идем вперед по кромке поля, Андрей Владиславович «дирижирует» движением увязшего в черноземе автобуса, Сережа Макарский играючи подает ведра с картошкой, Коля Солопенко задумчиво курит, Саша Сорокин читает свои стихи. А Гера играет на гитаре... Фильм без звука, но мы все равно слышим: «Это снова, это снова бабье лето, бабье лето...»

КОЛХОЗНЫЕ ПЕСНИ С КОММЕНТАРИЯМИ

Н.Козельская

Привожу песни, написанные студентами филфака выпуска 1978 г. Из известных авторов: Н.Мордвинцева, Н.Лашкова, З.Наурбиева и мн. другие.

Колхозная лирическая

(исполняется на мотив песни «Огней так много золотых...»)

Среди полей, среди равнин,
В стогу, что возле грядок,

Там отыскал меня Стернин,*
Чего ему здесь надо?

Боюсь, что он велит вставать,
Подъем прокукарекает,
Или начнет подсчитывать,
Что норму делать некому.

Дубищев* нравственность блюдет:
Гоняет с сигаретами –
Он сам не курит и не пьет
И дамам не советует.

Глаза накрашу в борозду,
Платок покрою кремовый.
На поле дальнее пойду,
Чтоб повстречать Ефремова*.

Готова слушать Шукшина,
Кормить его (Ефремова) салатами,
Его я видеть не должна,
Как в песне о Саратове.
(Его я видеть не должна,
Ах, я люблю женатого...)

Слабонервных просим удалиться!

В ведро засуну с головой
Прирежу того лекаря,
Что Воропаева* домой
Услал от нас калекою.

Попить бы с комиссаром чай,
Послушать Лешу Кретова*
И дивный смех Филиппыча*...
Да, жаль, не будет этого.

1. И.А.Стернин – профессор кафедры общего языкознания и стилистики, тогда – преподаватель, ответственный за 1 курс; в качестве общественного поручения осуществлял побудку всеми доступными средствами. Кроме того, И.А.Стернин следил за качеством работы, вел учет сделанного.

2. Н.И.Дубищев – тогда преподаватель кафедры русской литературы.

3. Э.П.Ефремов – преподаватель кафедры журналистики, ответственный за 4 курс в отряде филфака 1976 года. Пользовался всеобщей любовью и уважением студенток и немногочисленных студентов. На вечерних

посиделках (с салатами из собираемых овощей) изумительно, по-актерски мастерски читал рассказы Шукшина.

4. Е.С.Воропаев – доцент кафедры современного русского языка, тогда – преподаватель, ответственный за 2 курс. Всеобщий любимец. Поранив ногу на работах, отказался уезжать, но потом началось осложнение и ему пришлось нас покинуть.

5. А.А.Кретов – профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, тогда – преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики, ответственный за 1 курс. По вечерам на ступеньках нашего общежития играл на гитаре и пел песни, от которых таяли сердца студенток.

6. Г.Ф. Ковалев – профессор кафедры славянского языкознания, тогда – преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики. Его неповторимый смех неизменно поднимал настроение всем, упавшим духом.

Мужская колхозная

Всего лишь час на пашне перекур,
Всего лишь час на барщине затишье,
Ну а потом пускаемся в аллюр,
Кто по меже, а кто повыше.

А борозда прямая, как струна
И как извилина в мозгу неандертальца.
И возвращаются былые времена,
И вновь становится студент на двадцать пальцев.

Гимн ветеранов

(исполняется на мотив куплетов «Давным-давно»
из к/ф «Гусарская баллада»)

Нас поднимают слишком рано,
Но мы идем, хотя и холод, и темно –
Полей колхозных ветераны
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

На поле ходим для проформы,
Нам это во-, нам это возрастом дано.
И мы не выполняем нормы
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Кто не знал того момента,
Когда на грядку иль под поезд все равно,

Тот только копия студента,
 Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Который день палит нещадно,
 Уже prospорил Воропаев выходной.
 И мы на небо смотрим жадно:
 Давным-давно, давным-давно хотим домой!

Преподаватели-соседи,
 Им тоже хочется в театр и с кино.
 Иосиф к бабушке не ездил
 Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Когда смолкают коридоры
 И стоны слышит наше ветхое жилье,
 Нам снится сон, что помидоры –
 Одно гнилье, одно гнилье, одно гнилье.

Забудь пристрастие к наукам,
 Но лишь колхозы, лишь колхозы не забудь.
 О них своим расскажем внукам
 Когда-нибудь, когда-нибудь, когда-нибудь.

Казанская Хава 1976 г.

Комментарий.

Осенью 1976 г. 1-4 курсы были отправлены на сельскохозяйственные работы в одно место (село Казанская Хава), что бывало нечасто. Студенты и преподаватели жили в одном помещении, видимо, бывшей школе с одним длинным коридором, умывальниками и удобствами на улице. Выходных на с/х работах не полагалось, они могли случиться только из-за дождя, но в тот сентябрь стояла по-летнему жаркая и сухая погода. На наши просьбы отпустить хоть на ночку домой, И.А.Стернин как-то заметил, что даже он не может себе этого позволить, хотя к нему приехала бабушка.

Последние колхозы

Оставьте свои угрозы,
 Ну что нам теперь терять?
 Последние наши колхозы,
 Последние,.....

У нас на штанах заплатки,
 Кто выдержит, тот и жив.

А эти свекольные грядки –
Последние рубежи.

По полю, согнувшись странно,
Медленно ползает преп.
Эх, жалко помрет он рано,
Студенты наденут креп.

Неистово ветер воеет,
Поля не прощают измены.
Идут молодые герои –
Достойная наша смена.

Вы думали, мы остаемся
Залечивать старые раны?
Но мы никогда не сдаемся
Колхозных полей ветераны.

Комментарий

Побывав в колхозе в сентябре 1976 года, мы в октябре приступили к занятиям, но, как оказалось, ненадолго, потому что в середине октября нас отправили в третье отделение совхоза «Пугачевский» Аннинского района, где мы чистили свеклу до 6 ноября (7 ноября – День Великой Октябрьской революции). После праздника нас послали в с. Козловка Терновского района (170 км от Воронежа) на уборку, а точнее, выкапывание и чистку свеклы из подмерзших буртов. Там мы трудились до 23 ноября, установив таким образом рекорд пребывания на сельхозработах.

«ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

Н.Кривова (Овсянникова)

1 курс. 1982 год. Октябрь
с. Макарье, совхоз «Артамоновский» Новоусманского района

Мы все такие разные. Филологини. Впечатлительные, экзальтированные, читающие Пастернака, Ахматову, Цветаеву... едем на тяжелые работы в колхоз. Мрачновато. Дождик накрапывает. Подъезжаем к длинному унылому бараку. Маленькие комнатухи. Двухъярусные койки. Туалет на улице. Столовая в ста метрах от барака. Душевых нет. Только баня на краю села, раз в неделю... До поля, где собираем картошку, нужно идти минут 15-20 ... Одним словом, романтика...

*Поле, а на поле грядка,
а на ней картошка,
а на грядке -*

мы стоим и видим:

– поле, а на поле грядка. ..

В колхозе только 1 курс: 75 филологов и 25 журналистов. Милые мои девчонки! Многие из вас впервые видят колхозные поля, некоторые никогда не убрали картошку. Но рано утром мы отважно с песнями отправляемся на работу.

Кройчик предложил отряд разбить на бригады, и каждую как-то назвать. Мы свою 5 бригаду назвали «Бокрята» (Помните: «Глóкая кúздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѐнка») - мы же филологини. Меня выбрали бригадиром.

Первый вечер в колхозе... День поэзии. Сели в кружок: сначала препы-Кройчик, Валагин, Скобелев, Инютин,- потом мы... Читаем разное, читаем любимое. Рвачев (Сережка Лив), Золотухин и Красноок читают свои стихи. Мы их за это страшно уважаем. Юные дарования! Сам Кройчик их похвалил! А на утро опять картошка. А вечером – поэзия, театр, разговоры о прекрасном. Наши препы для нас что боги – мудрые, остроумные, «нажившие большие умы». Каждое утро в 6.00 на весь барак раздается: «Протопи ты мне баньку, хозяйюшка...». Это значит подъем- пора на работу.

Из колхоза мы приехали другими...

2 курс. 1983 год. Катуховка.

В колхозе весь факультет, оба отделения - журналисты и филологи. В этом главное - мы вместе! Поэтому так весело! Интересно было общаться со старшекурсниками. Такие маститые, серьезные... Например, Серега Гудков - командир отряда, поэт, бард, входит уже в какой-то союз писателей. С ним даже препы уважительно разговаривают. Его песня – почти колхозный гимн:

*Осеннего костра
Нам хватит до утра,
Когда придет пора
Прощаться...
И навсегда...Ла-ла, ла-ла*

Димка Дьяков – комиссар отряда, красавец, актер студенческого Театра миниатюр, харизматичен, почти гусар, с гитарой: «Кавалергардов век недолог...»

Инна Воронина – музыкальный талисман колхоза... Прекрасный голос, экзотическая внешность, острый ум... Громко для препов под окном поем: «Гоп-стоп...»

А наши препы! Удивительные! Такие разные...и.такие умные...Помним и любим до сих пор... Смирнов Александр Тихонович.. Именно он включал поутру «Баньку» и именно он – идейный вдохновитель «Шпицрутня». Он привел меня в Театр песни, он написал мне когда-то:

Наташа, милая Наталья, а может быть и Натали...

*Перед тобой стоит каналья
С глазами, полными любви...*

Мы все молоды...Мы все влюблены друг в друга. Работа тяжелая, но кого это волнует? У нас – свой мир, прекрасный, сказочный. Мы разговариваем до утра, спорим до хрипоты, поем песни под гитару, сочиняем стихи, рассказы, создаем газеты... Мы уходим в поле ночью, любимся звездами, разжигаем костры, поем: «Извозчик, отвези меня, родной! Я, как ветерок сегодня вольный...» Пишем послания препам. Например, Скобелеву Андрею Владиславовичу (между нами - Дрюне): «... Терзает он свою бородку, глядя на женский туалет...»

Из письма домой: «Привет из колхоза! Работаем с 8.00 до 17.00 без выходных. Наша заветная мечта – баня. Кормят нас хорошо. Живем весело, хотя и устаем. По вечерам печем картошку, читаем стихи, спорим. Мою бригаду за хорошую работу вчера наградили тортом.

Немного о нашей жизни словами популярной здесь, нами сочиненной песни:

*А в столовой харчи пахнут горечью!
Кто-то в бане примерз у стены.
Просыпаемся мы и грохочет над полночью
То ли Смирнов...то ли чьи-то упали носки.
Вот и все. Целую. Ваша дочь Н.»*

Ночная негласная шуточная война с препами продолжается. Никто не против...Мы хулиганим, они - пытаются нас вразумить. Например, выполнять режим дня... Никак не могут нас уложить спать вечером... Наконец, терпение у препов лопнуло, и они решили устроить нам Варфоломеевскую ночь. Однажды вечером мы особенно уж сильно расшумелись, долго не могли угомониться. Но как только мы улеглись немного поспать перед работой, – утром с 4.00 до 6.00 самый сон,- ровно через каждые 10 минут в течение двух часов А.Т. Смирнов выходил в коридор, громко барабанил в медный таз и провозглашая: «До подъема осталось один час и сорок пять минут... один час и тридцать пять минут... один час и двадцать пять минут!...»

3 курс 1984 год. С.Горки

Два колхозных года меня выбирали комиссаром сельхозотряда. Не знаю, за какие заслуги; не могу сказать, оправдала ли я ожидания моих соплеменников (конечно, мне очень хотелось соответствовать!), но факт остается фактом («О, как она комиссарила!...»)

Золотая осень, сентябрь, бабье лето («Клены выкрасили город Колдовским каким-то цветом: Это снова, это снова Бабье лето, бабье лето!...»). Длинный барак. Большие комнаты. Двухъярусные койки. К нашему филологическому неудовольствию к нам в барак подселили «юристов» (студентов юрфака). Мы считали их «идеологическими противниками» («Юристы! Жлобы! Мы вас больше не боимся!!!») Однако

юридические препы покорили всех. Разве можно забыть «Мурку» в исполнении профессора Д.П.Котова! А остроумные беседы с профессором М.Г. Коротких! («Филологини! Ах!.. Богини!»)

Дни поэзии в колхозе проходили, как дуэли: кто – кого, юристы или филологи... Кроме того, юристы отвечали за порядок на территории сельхозлагеря и за выполнение режима дня. Поэтому «повстанческий отряд» журналистов-филологов во главе с командиром и комиссаром каждый вечер после отбоя сбегал в поля-луга. Пока нас искали, мы находили в поле самый громадный стог сена, устраивали «лежбище», смотрели на звезды, мечтали, читали стихи, пели песни под гитару.

*Мадам, мне жаль... Не передать
То чувство никому другому...
Какая эта благодать
Сопеть, курить, молчать – лежать,
Зарывшись в мокрую солому.*

Г.Полтаев и Н.Овсянникова на поле

Д.П. Котов очень любил поэзию серебряного века, но больше всего – Пастернака. Он привез в колхоз старенький сборник стихов поэта. Книга древняя: то ли 10-го, то ли 20 го года издания прошлого века, раритет. (Вообще, имела место быть колхозная легенда, что Котов из старого дворянского рода, поэтому у него старые книги). Кто-то взял почитать книгу стихов... и с концами:

*Кто-то из колхоза свистнул Пастернака,
Кто-то Пастернака зачитал...*

Много интересного происходило...Мы жили трудно, без удобств, тяжело работали по 8 часов - собирали по тонне картошки на человека в день - соревновались; иногда болели, но уезжать из колхоза никто не собирался... Это была романтика особая - колхозная. Так получилось, что мне во время чаепития «обварили» кипятком ногу. Это стало почти легендой:

*Написал художник Ге
Полотнице о ноге.
Как ходила та нога
На картофельное га,
А Тин Тиныч ни гу-гу
Про Наташкину ногу...*

Наши препы.. Наставники, духовные отцы, старшие товарищи... Это особая каста.. Это эпоха... Это родство душ...Это целый культурный пласт...Это, к сожалению, уходящая эпоха романтиков, дон-кихотов, сокровенных людей, аристократов духа... Трудно описать чувство, которое охватывает меня при воспоминании о них. Мы все были влюблены в них, мы все любим их до сих пор...

Кулиничев Вадим Георгиевич – Кулич, Стернин Иосиф Абрамович – Стернуша, Скобелев Андрей Владиславович – Дрюня, Инютин Валентин Валентинович –Тин Тиныч, Смирнов Александр Тихонович – Тихныч, Валагин Александр Петрович – просто Валагин, просто Кройчик, Манаенков Владимир Петрович- душка Манаенков...

Валагин Александр Петрович - красивый, умный...Как он умел говорить...

Кулиничев Вадим Георгиевич – душа колхоза и его идейный вдохновитель. Это его фраза звучала повсюду: «Боритесь с пьянством – в себе!»

*Говорите, говорите...Я молчу..
Это дьявольски сурово-
Только Вы молчите снова
Ах, скажите же хоть слово!
Ну не мне, так хоть на ушко Куличу...
Говорите, говорите. Я молчу..*

Инютин Валентин Валентинович – наш Тин Тиныч...Заботливый, домашний, добрейшей души человек. Это его стихи:

*Овсянников лужок в предутреннем тумане
Надкусан пирожок, одеколон в стакане...*

Помним Гаага...Утром звучало: «Привет! Гааг поживаете?». Серьезный, почти суровый, не улыбочивый, но очень добрый и страшно умный:

*Сядь, послушай-ка, дружок
Сквозь ушные створки...
Есть Овсянников лужок
В деревеньке Горки.
Этот маленький рассказ*

*Вспомнишь – сердце бьется
Хорошо, коль после вас
Что-то остается...*

Думаю, не ошибусь, если скажу, что на каждого из нас, на наши судьбы, на наши взгляды, вкусы они оказали огромное влияние. Именно в колхозе мы полюбили Высоцкого, Визбора, Окуджаву; прочитали Солженицына, Пастернака, Булгакова; здесь поняли, что мы актеры (многие потом занимались в Театре песни и Театре миниатюр), здесь мы стали писать стихи, рассказы, пьесы.

*Утро туманное, утро седое.
Дремлют на лавочке юные двое.
Заперты двери - в барак не войти:
Нравственность препы вдруг стали блюсти...*

4 курс. 1985год. Рогачевка.

*В понедельник на ночевку
Я уеду в Рогачевку...*

Я – «ветеран колхозного движения», комиссар отряда. Последний год в колхозе. Командир отряда – Володя Грязнов (он считает меня «буйно помешанной») – студент филологического факультета отделения журналистики. Последний год журналисты с нами. На базе ВГУ организуется 13-ый факультет, создается «отдельное государство». Они ждут этого, радуются. А мы – грустим... Но пока – мы вместе... И это последний совместный колхоз...Трудный и радостный...Счастливым и грустным...

*Тополиным пухом
Разлетимся скоро,
Встретимся ль когда?
Встретимся ль когда?
Где-нибудь за кругом
Суеты и горя
В лучшие года,
В лучшие года...*

Работали много, на совесть и...бесплатно... Сейчас это трудно понять. А нам тогда не были нужны деньги: мы были самыми богатыми людьми на земле. Наше богатство было в общении, в совместных концертах, в песнях под гитару. Кулич называл нас «эмоционально вздрюченные люди».

Из письма родным: «Привет из Рогачевки! Сегодня дождь, поэтому не работаем и есть возможность написать письмо. Работаем везде - и на огурцах, и на картошке. Наш барак находится недалеко от правления колхоза. Кормят хорошо - с голоду не умрем! В комнате 8 человек девчонок - живем дружно. Вчера перевыполнили норму на 139% (т.е. собрали по 1115 кг картошки на человека!). Конечно, устаем, но и

отдыхаем замечательно! Вчера, например, мальчики притащили нам целое ведро цветов! Здесь все трогательно заботятся друг о друге. Вчера девочка приболела, так ребята притащили ей одеяла (Представляете, свои отдали!) А позавчера у нас был праздник . Мы украсили столовую яркими осенними листьями. Здорово получилось! Целую.Ваша Н. 21.09.1985г»

Мы были молоды, влюблены и счастливы... В этих колхозах сложилось несколько семейных пар. Здорово!

ПОРА СОБИРАТЬСЯ...

Алла Мякинина

Предосенний щелчок сознания: пора собираться в колхоз! Это с 1982 года не проходит: когда-то наяву, потом во сне...

Курсы вспоминаются, прежде всего, топонимами – новоусманскими селами. «Это мы из Горок вернулись, и...» – третий курс. «После практики, из школы сразу – на автобус – и к нашим, в Катуховку». А, это уже пятый, когда нас-то уже «не посылали». Рогачевка – наше затянувшееся на полтора месяца приобщение к сельскохозяйственным работам, наш костер, так ярко горевший тогда и, пожалуй, оставшийся своим светом и теплом в каждом и до сих пор.

Что же это за явление такое - колхозы филфака 80-х? Ведь все студенты, наши ровесники, бывшие одноклассники, проходили тогдашнюю обязательную повинность – безвозмездный труд в условиях, мало, а то и вовсе не приспособленных к жизни. В воспоминаниях многих из них, кроме тяжелой работы и грязного поля, несохнувшей одежды и вечного насморка, практически ничего не осталось. Почему же наши колхозные сентябри так ярки?

Наши колхозы создавались, как спектакли в театре. Кем, как не режиссерами этих спектаклей, были наши преподаватели – «препы», настоящие учителя, истинные артисты и мастера! Благодаря их таланту и мудрости складывалась колхозная «труппа». Каждый год – премьера, с вводом актеров-дебютантов и опорой на «звезд» - «стариков», «ветеранов». Представления без репетиций, начисто, на подмостках-бороздах, в лесополосах, на крылечках общежитских барачков. Вот первый рабочий день на картошке - и наши мальчики выходят на поле в ослепительно белых рубашках. А вот антракт: на вскопанных грядках вальсируют дамы и кавалеры в неподъемных от налипшего чернозема резиновых сапогах, в фуфайках и стареньких куртках. Вот – вечерний концерт: гитара переходит из рук в руки, и все, что было будничным, становится поэзией – то смешной, то возвышенной.

Игра пронизывала всю нашу бытность: постоянная готовность принять и парировать шутку, «снять пафос», оценить каламбур, спародировать комичное в привычном. Игра помогала нам видеть прекрасное вокруг и

по-филологически вслушиваться в слово: как внезапный вопрос А.П. Валагина «А купа дерев – это сколько?» взбадривал нас, бредущих после бесконечного рабочего дня! А как утром, сонные, оживлялись мы, когда А. В. Скобелев предлагал нам именовать, сообразно народной традиции, всяческие приметы пейзажа именами собственными – нашими собственными именами: «Овсянников лужок», «Кудряшов омут»!

В игру включались все и всё: люди, животные, предметы. Белая лошадь, которая привозила нам обед на поле, превращавшаяся в чудное видение: «Ах, белая лошадь, ну где же ты, где?» Огромный кудлатый пес Рамзес, неизвестно откуда появлявшийся ежегодно в Горенских Выселках перед приходом туда филфаковского колхоза, сопровождавший студентов на поле весь трудовой месяц и исчезающий после их отъезда. Отбившаяся от стада буренка, мычащая в рощице, - «корова Баскервилей». Фарфоровое блюдо, невероятным образом обнаруженное меж картофельных клубней в Горках и обреченное собрать вокруг себя на спиритический сеанс, когда Салтыков-Щедрин «беседовал» с нами, представляя начало своего нового романа и прогнозируя, что «и пионеров на картошку посылать начнут».

Игрой, пожалуй, были и колхозные традиции - традиции «Шпицрутена», «Вечера колхозной песни» и «Ночи пакостей и дифирамбов».

Но были еще и традиции хорошо работать, традиции равноправного и состязательного участия студентов и преподавателей в творчестве, традиции внимательного и бережного отношения друг к другу, уважения к личности. Эти традиции оставались в нас и после окончания «спектакля».

Давно задернут занавес, но светлое чувство благодарности за то, что в твоей жизни был такой «театр», не уходит. И каждое начало осени – это непременно: «пора собираться в колхоз!»

НАМ БЫЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ

Лариса Орловская (выпуск 1987 г.)

Если бы сейчас меня погнали на картошку в осеннюю слякоть, заставили жить в бараке и есть что-то на редкость безвкусное и несимпатичное на вид, я бы точно пожаловалась в комиссию по правам человека. Никак не ниже! ☺ А 30 лет назад это называлось романтикой, и до сих пор воспоминания о тех замечательных днях согревают душу.

Конечно, многое уже не вспомнить. Но есть и то, что не забывается. Помню замечательные песни, которые мы сочиняли и распевали по вечерам. Одна из них как раз про столовую и нас, вечно голодных «студиозусов»: *«А нас в колхозе хорошо кормили: лапша – биточки, лапша – биточки, и в результате кости выступают на пятой точке, на пятой точке»*. Или распевали на мотив «Гоп-стоп» куплеты про нашего любимого преподавателя зарубежной литературы А.В. Скобелева, который

был невероятно трудолюбив, но столь же невероятно тощ: *«Гоп-стоп, два поднял Скобелев ведра, гоп-стоп, все аплодируют "Ура!"»*

По ночам было холодно, да и утро не слишком радовало теплом, но было весело. А что еще нужно, когда тебе 18!!!

ОТЕЧЕСТВО НАМ – РУССКОЕ СЕЛО

Г.Полтаев

Утра в ту пору иногда были туманными, но никогда – седыми.

Спать считалось занятием пошлым, сон вообще выглядел напрасной тратой времени: пока спишь – рискуешь пропустить что-нибудь интересное. Но даже и засыпая, ты знал – тебя разбудят так, как никого и никогда не будили.

Нас в колхозах будили Высоцким. Говорят, эта волшебная идея принадлежала Андрею Скобелеву: и магнитофон, и записи были его.

Это сейчас никого не удивит аудиозаписями всего и вся, а в ту пору, в середине 80-х, все было в дефиците, все было в полузапретном состоянии.

И наши утра начинались с «Баньки»:

- Ох, за веру свою беззаветную

Столько лет отдыхал я в раю.

Променял я на жизнь беспросветную

Несусветную глупость свою.

Но не только «Банька» была, мы вставали под весь знаменитый «французский» концерт Высоцкого. И с раннего утра, с самой юности впитывали: «Чистая правда со временем восторжествует, если проделает то же, что грязная ложь». Или: «Но зачем-то ему очень нужно пройти четыре четверти пути». И так далее.

Мне кажется, мы не думали о том, что сам по себе колхоз – это уродливая и неэффективная форма аграрного труда. Да, обращали внимание, что селяне, мелькавшие на периферии внимания, – люди, в основном, угрюмые и бедные.

Все это было привычным фоном, ведь и в городе жизнь не ладилась.

Но не у нас, у нас-то все было впереди, и не было сомнений, что ждут нас удачи на каждом углу.

Как-то так получалось, что в филфаковских колхозах каждому находилось место. Если ты слаб телом и не можешь работать в поле – иди в истопники или на кухню. Если не склонен к компанейской жизни – лежи на своей койке с книгой, никто не тронет. Если нет слуха и не можешь подпевать вместе со всеми – пой сам, и смех вокруг тебя будет добрым.

Рядом с нами периодически трудились отряды других факультетов, и мы с недоумением наблюдали, что у них все по-другому: отработал в поле, вернулся в общагу, помылся, поел, покурил, лег спать.

А мы не могли остановиться, не могли расстаться. В Рогачевке привели в относительный порядок местный клуб и стали там устраивать концерты.

Самодеятельность – скажет кто-то с презрением. А ведь словцо-то – со смыслом: мало людей, которые способны что-то делать сами, по собственному велению.

Благодаря препам нашим, нашему филфаку, благодаря товарищам нашим чудесным – мы, кажется, были такими.

Могли мы и после работы убрать огород какого-нибудь пейзажника, получив в качестве гонорара пару бутылок самогона. Потом, у костра, в кругу товарищей, самогон этот приобретал вкус шампанского...

Нам целый мир чужбина, Отечество нам – Царское село!

Удивительный месяц сентябрь, в течение которого преобразовывалась природа, преобразовывал и нас. Занудный труд был в радость, поскольку ты исполнял его вместе с самыми лучшими на свете людьми. Общение, гитара, костры, невероятно творческая атмосфера абсолютного добра и свободы...

Мы возвращались в город – и окружающий мир казался чужим. Ему не по душе были перемены, произошедшие с нами. Мы, конечно, растворялись на улицах, полных спешащих по делам людей, которым не было дела ни до добра, ни до свободы нашей. Ни добро, ни свобода на этих улицах не являются ценностями.

Но всякий раз, встретив своего колхозного человека, мы знаем, что есть в нем искра того огня, который горел для всех нас в тех сентябрях. По этой искре мы и опознаем своих.

ЧЕМОДАНЧИК

Галина Полтаева (Кудряш)

Есть круг людей («узкий круг ограниченных людей», как говаривал Вадим Георгиевич Кулиничев), у которых слово «колхоз» вызывает странную реакцию. Сначала учащается пульс. Вот загорелись глаза и щеки, и мы почему-то уже размахиваем руками, рассказывая друг другу давно известные истории.

Интернет встряхнуло: «Вы слышали, Иосиф Абрамович собирается издать книгу про колхоз?» Так, пульс пошел... «Присылайте песни, тексты, воспоминания...». Да у нас этого целый чемодан(чик)! Назывался такой чемоданчик «дипломат». Он прошел полный курс филологических наук в 1982-87гг., сломан, потерт и полон сокровищ. Вот старые фотографии: телогрейки, сапоги, ведра, глаза горят; «лежбище» (отдых по-рогачевски, когда укладывались на поле: препы, если за кадром - руководят, вдохновляют, шутят, поют, *преподают* жизнь).

Целый чемодан песен, воспоминаний, историй. Любое событие могло стать историей в филологическом колхозе. Пролили кипяток на ногу - и появляется блистательная «Докладная» от Кулиничева В.Г. «главному начальнику с/о студентов ВГУ, работающего в с-зе «Рогачевский» Щукину

Б.Д.): «Довожу до вашего сведения, что 19 сентября 1985 г. в общежитии сельхозотряда преподавателем В.В.Инютиным было совершено несколько злостных хулиганских поступков. Во-первых, сразу после обеда он устроил страшный, до боли ранящий душу крик в коридоре... Он публично в процессе крика оскорбил всех девушек отряда, послав их (стыдно писать!)... «в баню». Он так и орал: «А идите-ка вы все в баню!». Во-вторых, он мешал коллегам слушать песни выдающегося барда и менестреля А.Розенбаума, певшего непосредственно из магнитофона... Наконец, умышленно перепутав чайную чашку с ногой истинной труженицы, комиссара отряда филологов-журналистов Н.П.Овсянниковой, он вылил 0,5 литра кипятка на вышеупомянутую ногу...». И не менее остроумные «Объяснительная записка» от «обыкновенного преподавателя, в известной мере ответственного за группу журналистов и филологов Инютина В.В.» и «Объяснения и разъяснения» «преп. каф. зар. лит. «Скобелева А.В. Здесь вам и языкознание, и стилистика, и психология, и т. п. - умно и ненавязчиво.

Это с. Рогачевка, последний для нашего курса колхоз, самый памятный, затянувшийся, к счастью, аж до 21 октября. Выбор названия отряда стал важным событием. Сохранился внушительный список предложений, от скромного «Эльбрус» до № 346 «Живой труп», но в песнях остался загадочный «Тамлык» (по названию речки).

Скоро мы разлетимся по свету.

Может быть, и не встретимся вновь.

Но «Тамлык» - это наша планета,

И царит на планете любовь.

Вот и закончилась наша колхозная жизнь, от посвящения в «колхозники» до проводов «ветеранов». Через год в другой жизни другие первокурсники открывают для себя этот мир: «Клянемся! Читить студентов-ветеранов колхозного движения, несмотря на то, что их байки о прежней колхозной жизни похожи порой на «Малую Землю», «Возрождение» и «Целину», вместе взятые».

Расставались трудно. Приезжали в очередные колхозы гостями.

Ах, Андрей Владиславович,

Мне бы снова на грядочку,

Чтобы с Тинычем рядышком,

Да одной бороздой,

Чтоб Иосиф Абрамович

Проследил за порядочком,

А Кулиничев нежно мне

Предложил «виардо».

И вот уже 30 лет рассказываем друг другу все те же истории. Глаза горят, пульс... И открываем старый чемоданчик—наше коллективное хозяйство на всю жизнь...

Приложения:

Главному начальнику
с/о студентов ВГУ,
работающего в с-зе
"Рогачевский"
Лукину Б.Д.

преподавателя ВГУ
Кулиничева В.Г.

ДОКЛАДНАЯ

Довожу до Вашего сведения, что 19 сентября 1985 г. в общежитии сельхозотряда преподавателем В.В.Иньотиным было совершено несколько злостных хулиганских поступков.

Во-первых, сразу после обеда он устроил страшный, до боли ранящий душу крик в коридоре. Никого и ничего не стесняясь, он публично в процессе крика оскорбил всех девушек отряда, послав их /стыдно писать!/. "...в баню". Он так и орал: "А идите-ка вы все в баню!"

Во-вторых, он мешал коллегам слушать песни выдающегося барда и менестреля А.Розенбаума, певшего непосредственно из магнитофона. Своим безобразным голосом он пытался заглушить звуковые жемчужины песенной поэзии и неподражаемые перлы исполнительства.

Наконец, умышленно перепутав чайную чашку с ногой истинной труженицы, комиссара отряда филологов-журналистов Н.П.Овсянниковой, он вылил 0,5 литра кипятка на вышеупомянутую ногу.

И последнее. Возмутительно, что вот уже несколько десятилетий В.В.Иньотин, несмотря на свое высокое положение, не моет руки после посещения туалета. К тому же отказывается мыть чужую посуду, из которой пьет чай, кофе, какао, компот, квас, ~~т~~кемалевый сок, пиво и т.д.

Прошу принять к В.В.Иньотину меры самого строгого воздействия.

Давний добрый товарищ В.В.Иньотина, хорошо знающий его подлую натуру, но тем не менее желающий ему выйти в конце концов на светлую тропинку честной жизни, преподаватель В.Г.Кулиничев. доброжелатель.

19.IX.85.
Рогачевка

Р.З. Помимо этого, гораздо более очень даже совсем иногда чуть-чуть, а больше если дома - и оскорбительно. Дайте ему за это! От души и всенародно!

Самому главному начальнику,
Стратегу с негибимой волей,
Руководителю с/х работ широкого
масштаба, организатору и руко-
водителю отряда "Тамлик" /за-
мечательное название/
Щукину Б.Д.

обыкновенного преподавателя,
в известной мере ответственного
за группу Журналистов и филологов
Иньотина В.В.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Мне предъявлен ряд серьезных обвинений. Они основываются, как мне стало из вестно, на информации некоего В.Кулиничева. Считаю необходимым сразу поставить в известность, что упомянутый В.Кулиничев - личность жалкая и ничтожная. Неясно, откуда он взялся здесь, в Рогачевке, где он ошивался до сих пор. Лицо его, заметьте, глумливое и надругательское. Говорит чаще всего животным голосом. Что касается самих его высказываний, то в них нередко проскальзывают нотки недовольства руководством и его действиями. Так, допустим, вчера он говорил, что дождь льет неслучайно, и что-то будет... А в другой раз, пью чай, он со значением молчал и глядел на стенку комнаты № II.

Вышепоименованный Кулиничев В.Г. утверждает, что будто бы я 19 сентября с.г. несколько громче, чем следует, объявил о начале работы бани. Хочу уточнить, что баня - необходимый в санитарном отношении акт и о нем должны знать все. А если голос у меня такой, то это от темперамента. Мне и Леша Со - ков, друг детства и сосед, всегда говорил: "Ты же скажешь чего, так откат и умора!"

Действительно, факт выливания кипятка имел место. Но это было не методологически задумано, а произошло вследствие сломанности ручки чайника нашей комнаты общежития с/о с-за "Рогачевский".

Прошу не считать В.Кулиничева достоверным и удалить его из пределов нашей работы и отдыха.

19.09.85

Главному
начальнику с/х отряда ВГУ
в Рагачовке "Темляк"
тов. Шукину Б.Б.
преп. каф. зар. лит.
Скобелева А.В.

ОБЪЯСНЕНИЯ И РАЗЪЯСНЕНИЯ

Что касаетца закладной Кулиничева могу сказать что там не все по правде потому что до боли ранищаго звука в коридоре небыло а я был в Трисвятской. Инютин не причем. А если посылал девок в баню то правильно так как женский день там по не четным а нетолько 8 марта.

Что касаетца вввторых то никакова Розенбаума тоже не знаю а голос у него тоже был безобразный и кто кого справедливее?

Что касаетца на конец то Наташку он зря но не позлобе хотел как лучше и по хорошему а вышло вон как больно и инвалидность в одну ногу на два дня сказала врачиха. По чему пол литра на ногу это я против. Пол литра зря туда.

Что касаетца последнее про руки после туалета то я его приучил есчо неделю туда назад гигиены разной ради и пресечения заболеваний.

А про какао и компот правда потому что больше ничего не бывает. Беда.

Прошу выдать мне бес расписки адеял 13 шт. в клетку кипятильников и ведер 3 пар для Гнеушевой и чаю 16 кг. /160 цыбиков/ и эйфарию на 3 /три/ дня и 3 /три/ ночи. Весом кг. 225.

За ранее спасибо
принсите в диканат
к. 12

Преп. каф. зар. лит. фил. фак.

КОЛХОЗНЫЕ МОТИВЫ

Ирина Саломатина (Фомина)

Часть 1. Вместо лирического вступления

Чем был «колхоз» для нас, студентов-филологов 70-х годов? Сразу приходят на память слова известной песни замечательного поэта в измененном нами в студенческие годы варианте:

Ах, колхоз, мой колхоз,

ты мое призвание.

Ты и радость моя, и моя любовь.

Призвание? На один осенний месяц 2, 3, 4 курсов точно.

Радость? На все студенческие годы и дольше.

Любовь? На всю жизнь.

Часть 2. Помогает понять содержание части 1 и части 3 (см. ниже)

Нельзя было ощутить себя настоящим студентом, не побывав осенью на уборке урожая в благодатных краях Воронежской области.

Работать, конечно, не очень хотелось, и казавшиеся бесконечными распаханые картофельные грядки особого энтузиазма у многих из нас не вызывали. И все же нашим преподавателям с их удивительным педагогическим талантом удавалось пробудить в нас трудовую сознательность и заставить добросовестно исполнить свой долг перед родным вузом и страной.

Часть 3. Наши преподаватели

Наши преподаватели... Именно тогда, в сентябрьские дни 1976, 1977, 1978 годов, мы по-настоящему узнали и на всю жизнь полюбили их.

Иосиф Абрамович Стернин, Валентин Валентинович Инютин, Николай Иванович Белоусов, Евгений Семенович Воропаев... Незаменимые, неутомимые наши препы.

Николай Иванович Белоусов монументально возвышался над бороздами картофельного поля в светлом плаще с капюшоном, кепке и высоких резиновых сапогах. Как старался он внушить нам (говорил он патетично и назидательно), что уборка урожая - дело ответственное, государственное и каждый (а в нашем случае каждая) просто обязан принять в нем самое деятельное участие. Только поднимешься над картошкой, Белоусов уже смотрит на тебя журяще-осуждающим взглядом. Зато с каким интересом и вкусом говорил он с нами о жизни и женской красоте.

Евгений Семенович Воропаев тоже ходил в светлом плаще и высоких резиновых сапогах. Он знал толк в сельском хозяйстве. Как стыдно ему

было смотреть на нерадивых студентов. Сколько укоризны читали мы в его глазах. Сколько искреннего участия слышали мы в его голосе, когда он замечал, что кому-то из нас нездоровится или просто грустно.

Валентин Валентинович Инютин на все смотрел более демократично и философски. Не ругал, не стыдил, не призывал, но мог намекнуть. Его шутки придавали сил и энергии, поднимали настроение. И мы работали. И, в общем-то, неплохо.

Иосиф Абрамович Стернин казался нам самым главным. Он ругался с начальством, если нас обижали или в чем-то обделяли. В нем видели мы, девушки, защиту от энергичных сельских кавалеров, которые в изобилии осаждали нас в вечерние часы. Иосиф Абрамович был для нас стеной, с ним мы чувствовали себя уверенно и спокойно. И так хотелось не расстраивать его.

Нам было здорово и весело с нашими преподавателями.

Разве можно забыть вечерние посиделки с чаем из жестяных кружек и забавными студенческими песнями. На улице по-бунински свежо и прохладно, за окнами тьма непроглядная, в большой нашей комнате с кучей кроватей горит неяркий свет, мы пьем удивительно вкусный чай и поем бесконечный, бессмертный текст:

У бегемота нету талии, у бегемота нету талии,

У бегемота нету талии, он не умеет танцевать...

А потом про лисицу, про жирафа... Иосиф Абрамович и Валентин Валентинович пели просто классно. Мы чувствовали себя счастливыми.

Конечно, с нами временами было хлопотно, но наши преподаватели умели понять нас, простить, заботились о нас. И это тепло мы чувствовали потом в студенческих аудиториях.

И до сих пор это тепло в нашей памяти и в наших сердцах.

СТУДЕНЧЕСКАЯ «ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ»

И.А.Стернин

Обучение в университете в наше студенческое время всегда сопровождалось «трудовой повинностью». Студенты должны были не только учиться, но и помогать государству в сфере физического труда.

На первом курсе, сразу после поступления в университет, в августе 1965 г., мы сразу были направлены на «на отработки». Слово-то какое! Была такая форма дармового использования труда поступивших студентов на благо факультета и университета.

В деканате нам сказали, чтобы мы утром после зачисления явились к главному корпусу – пять дней отработки. «Иначе вы не будете в числе студентов», предупредила меня строгая секретарша противным трескучим голосом.

Мы возили землю на грузовых машинах – приезжали на улицу Ипподромную, почему-то именно там лопатами копали землю, бросали в кузов, потом ехали к главному корпусу (он только что был построен) и там сваливали эту землю перед корпусом - для газона. Слева от входа растут красивые ели - так вот они растут на «нашей» земле.

А один день я ликвидировал прорыв водопровода за главным корпусом. Меня выделили из всех и придали в помощь двум слесарям, они мне дали комбинезон – я прямо на улице переоделся, какие-то ботинки дали и велели лезть в канализационный колодец разгрести землю вокруг трубы. Я полез – раз так надо в университете, честно рыл там землю. Было довольно глубоко, весь намок, но слесаря смотрели на меня сверху и подавали ободряющие реплики.

На этих работах завязались первые знакомства, здесь и перезнакомилось между собой небольшое количество мальчиков, которые поступили на разные отделения факультета романо-германской филологии. Больше всего мальчиков было на испанский, модный тогда язык – можно поехать на Кубу! На английском отделении я оказался единственным мальчиком. Но было много девчонок, веселых и жизнерадостных, они разгрести землю наравне с нами. Все были в приподнятом настроении – мы поступили! Будем студентами! Изучим языки! «Отработка» настроение нам не испортила.

Студентов же посылали уже в колхоз. Это был сентябрь, иногда и октябрь, бывало и ноябрь захватывали. Тогда «ротацию» проводили - один курс возвращается, другой уезжает.

И студенты, и преподаватели рассматривали колхоз как неизбежность, никто особенно не роптал. Пятый курс в колхоз обычно не ездил – у них месяц педпрактики, ее не отменишь, а младшие в колхозе. Замечательный сентябрь! Но старшекурсники могли угодить в колхоз и в октябре, и в ноябре.

Конечно, студенты ехали в колхоз с разным настроением. Не-городские никаких трудностей не испытывали, только старались отпроситься домой за вещами для колхоза – еще несколько дней выгадать от учебы, да и от колхоза. Чисто городские относились к колхозу обреченно. Некоторые «красотки» старались колхоза, конечно, избежать – приносили справки о болезнях, или просто не приходил к автобусу в день отъезда и все. Потом поругают – ну и что. Те, кто жил в общежитии, часто тоже оставались в городе и жили сентябрь в свое удовольствие в пустом общежитии.

Кстати, в это время началось стройотрядовское движение и те, кто был в стройотряде или работал вожатым или воспитателем в пионерском лагере, от колхоза всегда освобождались. Считалось, что он «трудовую повинность» перед государством уже выполнил.

Ну, а менее удачливые ехали в колхоз.

На втором курсе мы колхоза почему-то избежали. Но зато на третьем курсе месяц убирали картошку в Горенских Выселках – 2, 3 и 4 курс РГФ. С нами еще были математики и физики.

Привезли нас на автобусе, девочек поселили в развалюху-общежитие, а мальчиков посадили в кузов грузовика и возили по селу, размещали в домах по 2-3. Агроном сидел с нами в кузове и давал команды – в этот дом двое, в этот трое. Мы с другом Толиком услышали – двое сюда, вон дом директора школы – там мы увидели телевизионную антенну и сразу соскочили. Перед домом была довольно большая лужа, в ней стояла корова, и женщина, одетая в зипун, сидя на табуреточке, ее прямо там доила. А на крылечке важно стоял просто, но чистенько одетый мужичок и с достоинством курил, поглядывая на окружающую действительность.

-Вы директор? – спросил Толик. – Нет, жена директор, - спокойно ответил он и показал на женщину, доившую корову.

Так мы поселились в доме директора – веранда, там 2 кровати и небольшой стол. – Только девок не водить сюда! – предупредила нас директор. Мы пообещали. Честно, у нас и мыслей таких не было.

Убирали мы картошку. Девочки собирали ее в мешки, а с десяток имевшихся мальчиков - 2 бригады по 5 человек - грузили мешки на грузовик и возили в закрома родины – сгружали в картофелехранилище и возвращали мешки на поле.

Мешков всегда не хватало, и девочки грузили мешки под завязку, чтобы скорей собрать картошку на своей грядке. Мы с ними ругались - если мешок полный, неудобно его нести и поднимать на машину- «ушки» в верхней части не сделать, за что тогда брать? А если высыпать немного картошки – начальство ругается, заставляли еще раз идти и собирать. Постепенно приспособились.

А вообще большинство из нас не имело никаких навыков работы с мешками – в основном городские мальчики из интеллигентных семей, какие тут мешки с картошкой? Учились на ходу, разрабатывали технологию – двое на машине принимают мешки, трое внизу: двое поднимают мешок, третий помогает, толкает его вверх – вдвоем, особенно сначала, далеко не всегда получалось забросить мешок в машину. Потом «заматерели» – поднимали вдвоем, без третьего. И на машине уже стоял один из нас, сам управлялся с распределением мешков по кузову. Мешок, кстати, надо было поставить на машину вертикально, это тоже требовало согласованных действий.

Потом ехали на весовую, взвешивали машину, потом везли урожай в картофелехранилище.

Приедем к картофелехранилищу – надо мешки сгружать и картошку высыпать. Хранилище было большим подвалом, мешки с картошкой туда надо было забрасывать через полуподвальные окна, а кто-то должен был сидеть внутри и вытряхивать картошку из мешков, а потом выбрасывать пустые мешки наружу.

Сидеть внутри – самое грязное дело. В окно влетает мешок, его надо поймать (в смысле схватить), оттащить в сторону по горе уже засыпанной картошки и опорожнить, схватив за «задние уши», а пустой мешок откинуть в сторону. Вся пыль и грязь достается «приемщику», в роли

которого я оказывался чаще других. Почему-то мне эта работа нравилась – простое нет, результат сразу виден, гора картошки растет, мешки опустошаются. Процесс идет...

Затем надо было пустые мешки собрать, выбросить из окна наружу, там их ребят подбирали и бросали в машину, и мы везли их обратно на поле. Когда приезжали, мешки девчонки расхватывали, просто бежали наперегонки к машине за этими мешками, а мы кидали мешки в первую очередь тем, кому симпатизировали. У девочек было задание закончить грядку, и чем скорее они ее пройдут, тем скорее пойдут домой. А картошку куда деть?

А нам надо было обязательно вывезти в хранилище с поля всю собранную в этот день картошку. Оставлять на поле мешки нельзя – украдут обязательно.

До сих пор в глазах стоит картина – приезжаем вечером на поле, четыре худеньких мальчика на грузовике («грузчики!»), солнце уже низко, тишина, пустое поле, ни человека – девчонки собрали все и ушли, и стоят длинными рядами столбики - несметные мешки, мешки, мешки, кажется, что до горизонта... И все нам надо вывезти...

Кстати, водители попадались разные – кто подъедет, а кто нет: «буду я мотор рвать из-за вашей картошки» (они часто были привлеченные, не колхозные). Приходилось за 40-50 метров таскать вдвоем «за уши» мешки к машине. Могли уехать с полунагруженным кузовом – куда потом нам девать собранную картошку? Оставим на поле – утром не найдем, местные жители вывезут.

Преподаватели с нами на поле практически не ходили, оставались в общежитии и руководили оттуда. Лишь иногда появлялись на поле – все поручали студенческим бригадирам. Один из них, Борис Александрович, мужчина видный и обаятельный, ходил на весовую узнавать, сколько мы собрали. Весовщица Нюра была от него в восторге – «Какой Борис Александрович у вас замечательный человек, речь его в душу так и котится!», говорила он нам, когда мы приезжали с машиной на весовую.

Домой приходили совсем поздно и падали от усталости.

Кстати, одеты мы для колхоза были не очень удачно - пара отслуживших в армии парней приехала в сапогах, а мы все в ботинках. Все были в пыли и грязи, долго отмывались.

С каждым днем необранная картошка становилась от нас все дальше, и ходить было надо все дальше. Девочек стали подвозить на тракторной тележке, сидели там на корточках. Один раз на ухабе борт отломился и девочки попадали. Получили, правда, только ушибы, обошлось.

Уходили мы с Толиком утром из дома, надо было почти через все село сначала дойти до столовой, где нас кормили в столовой при общежитии. Идем в пол-восьмого по улице. На крыльце соседского дома сидит мужик с сильного похмелья, взгляд мутный. Водит медленно глазами перед собой, а перед ним ходят его куры. Мужик следит за ними и потом говорит задумчиво, со значением: - Куры, б...дь....

Наш хозяин, муж директора, как-то заболел – простудился. Сам он был мужик крепкий, и простуда у него была богатырская – из носа просто текло ручьем. Толик, мой друг, у которого мама была врачом и снабдила нас парацетамолом, предлагал ему лекарство, но он отказался – нет, я лекарствами не лечусь, у меня свой способ.

Вечером я не нашел на подоконнике свой «Тройной одеколон». Хозяин сказал: «Не обижайся, шинок сегодня закрыт, я твой одеколон выпил. Я тебе куплю». И действительно купил – «Кармен».

-А как вы лечитесь от насморка ? - спросил я.

-Да беру полстакана соли и полстакана самогона. Ору, но пью!...И в постель!– объяснил он. И когда на следующий день он принес мутный самогон (очевидно, «шинок открылся»), я наблюдал это лечение: он сел за стол, взял стакан, насыпал соли, залил соль самогоном, перемешал ложкой, немного посидел, молча выпил. Лицо у него сразу пошло красными пятнами, и он лег на свой топчан и отвернулся к стене. Наутро - никакого насморка.

Ближе к концу сентября в колхоз неожиданно приехал корреспондент областной молодежной газеты «Молодой коммунар» с фотокорреспондентом - и приехали ко мне лично, взять у меня интервью, что наделало небольшой переполох в колхозе – начальство боялось, что напишут что-нибудь об их работе, что был «сигнал». А тогда газетных публикаций боялись...

А дело было в том, что всесоюзная «Комсомолка» в одной из своих тематических студенческих страниц упомянула, что на факультете РГФ Воронежского университета есть английский клуб и его президент Иосиф Стернин принимает от вступающих в клуб первокурсников клятву на английском словаре. Они взяли эти сведения из моей заметки в газете «Воронежский университет». А областная молодежная газета об этом не знала, и решила быстро восполнить недостаток – сделать срочно материал об английском клубе. Возможно, их упрекнул обком комсомола – что же они не знают об этом, а центральная газета знает и пишет об этом. Вот и приехала срочная делегация.

Корреспондент был внештатный. Он представился мне и сказал: «Пробку понюхать не хочешь?» Я на всякий случай отказался – я просто не знал, что это означает. Мы с ним поговорили об английском клубе, фотокор пощелкал и они уехали. Потом вышла заметка «К президенту на тракторе». Забавная. Вот она:

К Президенту на тракторе

...В этом году на посту Президента английского клуба РГФ за все годы – мужчина – Ося Стернин. Раньше эту почетную должность занимали девушки. Королева Лена Беляева мне посоветовала найти Президента.

В Горенские Выселки я приехал на тракторе. Можно было дождаться автобуса, но я очень спешил. Это небольшое село знаменито тем, что на его полях третью неделю Президент убирал картошку.

Встретились мы с ним у входа в кафе «Сквознячок» (совместное производство физиков, романо-германцев и математиков, работающих здесь). Нам подали по кружке молока, и беседа завязалась.

Самым успешным годом для клуба был 1964. Юбилей Шекспира. Клуб ставил отрывки из его пьес. Причем все было в духе старой английской драмы. Все женские роли игрались мужчинами (настоящий успех организаторов, т.к. их на факультетах мало). Сцена из «Гамлета» была показана на городском вечере, посвященном памяти Шекспира.

Много забот у Президента. После колхоза — первый вечер клуба в этом году. Опять разговоры об аудиторсии, пианино и прочие дела и просьбы, которые портят здоровье Президентом из года в год.

Но клуб живёт, и его очень любят. Вот отрывок из статьи о нем в факультетской стенгазете: «Это еще одно место помимо аудиторсии и фонкабинета, где говорят по-английски». И так, и не так. На мой взгляд, клуб «Искорки» — это синтез всего самого нужного в нашей учебе, самого смешного и интересного».

*Опубликовано в.
«Молодой коммунар»,
11 октября 1967 г.
Автор Н.Загнойко.*

В течение месяца постепенно число работающих студентов сокращалось – заболели, уезжали домой, родители забирали. Неожиданно, где-то дней за десять до окончания нашего пребывания в колхозе, вдруг приехали две подружки с нашего курса – они просто не поехали с нами с начала, остались в общежитии (они были из Москвы), и вдруг – нате, появились! Помню, как я наивно удивился – что это они появились вдруг? А девочки из моей группы мне объяснили – да они жили в общежитии, гуляли в городе, а потом деньги кончились – вот они и приехали, тут же кормят бесплатно.

Ничего мы, конечно, в колхозе не заработали. Нам всегда говорили, что мы остались должны. Но урожай убрали и были счастливы вернуться домой. Свою «трудовую повинность» мы отбыли.

А еще мы ездили в колхозы с агитбригадой – давали концерты прямо на поле. Каждый факультет должен был выделить артистов. Вот сохранился снимок из такой поездки – это я в Ольховатском районе, поехали мы туда в октябре 1967 г., сразу после нашего студенческого колхоза. Я со своим партнером, который учился на курсе младше, выступал в разговорном жанре – разыгрывали юмористические скетчи.

3 курс, 1967 г., со студенческой агитбригадой ВГУ на поле в Ольховатском районе – выступление перед тружениками села.

Помню, на поле составили два грузовика, откинули борта – получилась сцена, на ней пели и танцевали, играли сценки. А полеводы в перерыве, окружив машины, смотрели и от души хлопали.

ГОРОДСКОЙ МАЛЬЧИК НА КАРТОШКЕ

*(отрывок из неопубликованного романа
«Любовь в Датском королевстве»)*

Д. Чугунов

...Жизнь в начале того сентября замедлила бег, застыла в прозрачной неторопливости. Коридоры университетского корпуса были пусты и гулки. Студенты гнили на картошке. Николаев, одноклассник, поступил на физфак и тоже выкапывал «второй хлеб», только в другом колхозе. Николаев оказался единственным, с кем Саша поддерживал дружбу после школы.

Дни в Горенских выселках в своей монотонности мало чем отличались друг от друга. Было скучно от постоянных попок, чьих-то бесконечных шагов в барачном коридоре по ночам. Утром все тяжело просыпались и шли на завтрак. До столовой – минут пять ходьбы. Повариха, крепкая деревенская баба, всегда перебрасывалась солёными шутками с Росташёвым. Их перебранки «понарошку» и взаимное подначивание разнообразили серость утренних часов.

После завтрака медленно тянулись на поле. Утренний холод не щадил, но зато прояснялось в затуманенной голове. Иногда какой-нибудь грузовик, обгонявший их колонну, притормаживал, водитель высовывался в окошко кабины и предлагал подбросить до фронта работ. Чаше предпочитали идти пешком, но уж если совсем неприятно капало с неба – соглашались.

Поля казались Саше олицетворением знака бесконечности. Девушки-однокурсницы, перевязав волосы платками и лентами и оттого сделавшись удивительно похожими на героинь советских фильмов, собирали разбросанные по пашне картофелины в вёдра. Подшучивали над красавицей Лизой, приехавшей в колхоз с умопомрачительным маникюром. Сама героиня шуток с грустью поглядывала на свои руки, но самоотверженно продолжала копать в земле. И откуда взялась в них эта сноровка, думал Саша, кто передал им, городским жительницам, эту вековую уверенность движений и эту терпеливость... То одна, то другая оставляла за собой полное ведро и тут же брала в руки другое. Саша или кто другой из ребят относил вёдра к грузовику, стоявшему неподалёку. Картофельные ряды уходили за горизонт, и не было их работе ни конца, ни краю...

Этот серьёзный труд совсем не походил на забавы трудовой школьной практики. Впервые оказавшись на другом конце поля, Саша подумал, что на этом их задача выполнена. Край, с которого они начинали, был плохо различим даже из кузова грузовика. Кто-то подсчитал: сегодня они доверху загрузили одиннадцать машин. Можно отдохнуть?

– Бойцы и бойцыцы! – преувеличенно бодрым голосом закричал балагур Тин Тиныч, их преподаватель, ощутивший перемену в общем настроении.
– Взлетели, взлетели! Что расселись? Теперь в обратную сторону!

– А нас когда заберут отсюда? – робко спросил кто-то.

– Заберут, заберут... Оттуда, откуда начали.

Две старшекурсницы, вздохнув, решили подать пример младшим и оторвались от перевёрнутых ведёр, превращённых в удобное седалище. Тут же незнакомый Саше парень с волосами, забранными в косичку, продекламировал:

Над грядкою взлетели, словно птицы,

Студентки Журавлёва и Жерлицына...

После семи часов на поле за ними действительно приехали машина и отвезла на обед. После обеда была баня. Первокурсники от души повеселились, наблюдая за густо-коричневой водой, которая с них стекала. Старшие казались привычными ко всему.

...Саша занимался в ту осень шахматами и откровенным рифмоплетством. После ужина он лежал на своей кровати и двигал фигурки на маленькой доске. За грязными окнами начинал моросить унылый дождь, и от этого всё казалось унылым и безнадежным. Промокшая на поле одежда сохла в сыром бараке очень медленно.

– Какая мура! – неопределённо сказал Сашин сосед, такой же очкарик.

Вошел пьяный Росташев, увидел шахматы.

– Давай партию!

– Да куда тебе играть? Ты посмотри на себя в зеркало: ты же «тепленький»! – завопил из угла Аркадий, человек бывалый, отслуживший год в армии и собиравшийся после филфака пойти в милицию.

Все захохотали, но Росташев всё же прицелился и плюхнулся на кровать рядом. Первым делом он выиграл у Саши ферзя.

«Способный, стерва», – подумал Саша.

Игра тянулась также бесконечно, как и день. Росташев то и дело отвлекался, чтобы отпустить шпильку в адрес Аркадия, наблюдавшего за игрой со второго яруса. Потеряв мысль, он говорил оппоненту: иди в шахматы играть! Спустя минуту всё повторялось.

Когда Росташев стал засыпать, Саша поставил ему мат. Вкус от победы был пресным.

Когда стемнело, в гости пожаловали местные. Первым общаться с ними был делегирован Аркадий. Затем как подкрепление подтянулись и другие.

Местные оказались на удивление трезвыми, вопреки ожиданиям. Постояли, покурили. Прискакал на лихой лошади ещё один абориген. При этом он почти сшиб с ног Сашу, в один миг разрушив его необъяснимую городскую иллюзию, будто бы лошадь на человека никогда не пойдёт. Окажется тот на пути – спокойно затопчет. Так что – посторонись, о гордый человек!

Местные приходили ещё не раз. Они выгадывали время ближе к полночи, когда заканчивались песни у костра и народ расползлся по комнатам. Чумазые комбайнёры делились принесённым самогоном и рассказами об уборочной страде. Между делом спрашивали о девчонках, у кого из них покладистый характер. Студенты отшучивались.

Однажды Саша отправился в заброшенный колхозный сад. С ним за компанию увязались три девушки. Дождь прекратился. Они вышел из барака и направились на другой конец деревни. Шли молча. Так же молча пробрались через мокрую густую траву, пролезли через дыру в полуразрушенной ограде и очутились между яблонь и груш. Стволы деревьев потемнели от влаги. Капли стучали по опавшей листве. Все четверо заворуженно вдыхали запах яблок, смешанный с запахом дождя.

Девушки набросились на добычу. Наполнив свою сумку, они с удивлением посмотрели на Сашу, не торопившегося ползать по опавшей листве. Черноглазая Галя подмигнула остальным, и они быстро насовали ему яблок в карманы куртки.

Саше отчего-то пришли на ум бунинские «Тёмные аллеи». Только ту звали Надеждою...

Да, и это непременно должен быть холодный позднеосенний вечер с золотыми огнями в зашторенных окнах, с мокрыми листьями в палисадниках и лужами на дороге...

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот;

Смотри: из-за дремлющих сосен

Как будто пожар восстаёт...

Эта неожиданная мысль доставила Саше удовольствие. Вернувшись в барак, он пошел за Галей в комнату девчонок. Там высыпал из карманов спелые яблоки. Красивые глаза Гали смотрели на него.

Весь вечер он сочинял что-то возвышенно-прекрасное. Потом бросил, увидев Галю с Колей-журналистом.

Через две недели Саша послал к чёрту ударный труд на сельхозработках и вернулся в город. Там не было дождей...

Горенские выселки, сентябрь 1988 г.

НАС В КОЛХОЗ ПРИВЕЗЛИ...

К.М. Шилихина

Я люблю вспоминать свой студенческий колхоз. Осень 1991 и 1992 года. Первый серьезный заработок, да еще запас картошки на зиму. Когда я вернулась из первого колхоза с этой самой картошкой, моя бабушка, которой пришлось пережить Гражданскую войну и Великую Отечественную войну, и которая прекрасно знала, что такое настоящий голод, можно сказать впервые посмотрела на меня как на человека. Потому что я была не одна, я была – с ЗАПАСОМ КАРТОШКИ!

Кажется, это был 2005 год, мы с коллегами сидели на кафедре теоретической и прикладной лингвистики, и почему-то речь зашла о колхозе. Те, кому есть, что вспомнить, радостно стали делиться воспоминаниями. Зато наши молодые преподаватели, которые, естественно, в силу своей молодости были вне контекста, явно чувствовали себя чужими на этом празднике жизни.

Мы вспоминали, как целый месяц или даже дольше вместо занятий собирали картошку, как возили «коммерческую» картошку продавать на рынок, как жарили эту картошку в общаге, ходили за самогоном и прочей снедью в деревню, по вечерам пели песни и играли в «филологический футбол». Но нашим молодым коллегам было трудно понять, почему нам так приятно вспоминать, как мы жили по 20 человек в комнате, умывались ледяной водой, в баню ходили через всю деревню, ели нечто несъедобное в колхозной столовке. Кульминацией посиделок стал вопрос одной из молодых преподавательниц «А почему вы в суд не подали?». Отсмеявшись, мы спросили, на кого надо было подавать в суд. «Как на кого? На государство, на университет!» Вот так. А вы говорите...

Быт в селе Хреновое был у нас приблизительно такой, как это село называлось. Но нас это не слишком напрягало, к тому же, как настоящие филологи, мы старались создать вокруг себя некоторое семиотическое пространство. Например, в один из дней на туалете типа «сортир» появился притащенный откуда-то парнями с журфака дорожный знак «Подача звуковых сигналов запрещена». Красный круг, внутри которого нарисована зачеркнутая дудка. Кстати, знак редкий, я его в Воронеже ни разу не встречала.

Еще была такая история. Мы – студентки первого курса, только-только познакомились друг с другом и с преподавателями, которые были откомандированы с нами «на картошку». Наша бригада заслужила право

собирать «коммерческую» картошку – те 15%, которые мы могли забирать себе в качестве оплаты труда. Картошку эту потом продавали на рынке, так что на поле надо было брать не все подряд, а выбирать ту, что покрупнее и поровнее. Работать надо было быстро, поскольку за нами по пятам шли те, кто собирал оставшуюся часть урожая (а в 1991 году этот самый урожай был на редкость плохим). Тем, кто шли за нами, надо было собрать как можно больше картошки, больше напоминаясь горох, чтобы можно было забрать на продажу картошку покрупнее.

Технология была такая: девушки набирали картошку в ведра, а юноши с этими ведрами бегали к грузовику, в который грузили собранное. И если молодые люди не успевали принести пустые ведра обратно, девушки не скупилась на громкую, честную и открытую критику однокурсников.

Однажды на поле появился новый молодой человек. В модных синих джинсах, длинноволосый, он стоял посреди поля и романтично смотрел вдаль. И угораздило его встать на борозду, по которой шла Оля Зацепина. Надо сказать, картошку Оля собирала азартно. В какой-то момент она обнаружила, что пустого ведра рядом нет. Разогнувшись и вытерев пот со лба, Оля увидела только того самого нового длинноволосого юношу, который созерцал мир. «Че стоишь, ведро неси!» - решительно скомандовала ему Оля. Молодой человек слегка изменился в лице, но за ведром все же пошел.

Только приехав с поля в общагу мы узнали, что этот молодой человек – преподаватель, но значения этому факту особо не придали, тем более что пробыл он с нами в Хреновом совсем недолго.

А зимой, уже во втором семестре, в аудиторию к нам вошел этот же молодой человек, сообщил, что зовут его Андрей Анатольевич Фаустов и что он будет читать нам курс русской литературы. На лице Оли было выражение «Ленин! Тут и сел старик...».

КОЛХОЗНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В этом разделе мы публикуем избранные образцы «колхозного творчества» студентов и преподавателей.

Колхоз раскрепощал фантазию, стимулировал творческие силы читающих и пишущих людей, давал возможности бесцензурного творчества, стимулировал веселое и жизнерадостное отношение к трудностям.

Из собрания Н. Овсянниковой, Н. Бисеровой: колхозный фольклор филфака и журфака 1987 и 1988 гг выпуска

Обычно для колхозного капустника придумывалось попурри.

Попурри

(мотив «Пора в путь дорогу»)

1. Осенним вечером, вечером, вечером,
Когда на поле, скажем прямо, делать нечего,
Мы соберемся за столом
И что осталось разольем,
И нашу песенку любимую споем:

2. По стенке бегают клопы (2 раза)
Туды-сюды, туды-сюды,
Но наша песня не о том, а о любви...

(мотив «И кто его знает»)

3. На рассвете ходит парень
Возле дома моего.
Не могу смотреть спокойно
На страдания его.
И кто его знает,
Чего он моргает, чего он моргает!
Конспект вымогает!

(мотив «Птица счастья»)

4. Птица счастья прилетала к нам,
Но ее сожрал какой-то хам.
Перья опалил, перья опалил
И из нашей птицы суп сварил.

5. Давай покрасим холодильник в черный цвет,
Давай закурим по бычку от сигарет,
Давай, давай, давай, давай
Трехдневный чай в стакан невытый наливай!

(мотив «Утро туманное»)

6. Утро туманное, утро седое.
Дремлют на лавочке юные двое.
Заперты двери, в барак не войти:
Нравственность препы стали блюсти.

(мотив «В краю магнолий»)

7. В краю магнолий плещет море,
Сидят мальчишки на заборе,
А на филфаке в эту пору
Студенты дружно слезы льют.

Нет времени им развлекаться,
Им по ночам котлеты снятся,
Они худеют и бледнеют,
Забыв покой и уют, и уют...

Привев:

А помнишь когда-то
Мы были счастливы, ребята, ребята.
Глаза горели, как агаты, агаты,
И на щеках играла кровь.
Все наши гулянья
Остались лишь в воспоминаньях.
(Как жалко!)
Мы разучились веселиться.
(Как грустно!)
Прощай, прощай, любовь!

(Мотив Высоцкого «Песня о новом времени»)

8. Вот уже в коридоре
Затопали вроде бы лошади.
Это значит, Тин Тиныч
Опять объявляет подъем.

(мотив «Ваше величество женщина»)

9. – Ах, Ваш приход, как пожарище, –
Дымно и трудно дышать.
Ну для чего так безжалостно
В дверь сапогами стучать?!!

– Где же Рвачев? Вы не видели?
Вам поражаюсь я:
Сами Серёгу обидели,
Вот и ушел он в поля...

10. Поле, а на поле грядка,
А на грядке травка,
А на травке мы сидим
И видим:

11. Летят утки, летят утки
И два гуся.

(мотив «Кадриль»)

12. Когда-то россияне
Сережи, Геры, Мани
Андрюши и Наташи

Открыли новый стиль:
 Фуфайки, рукавицы,
 Платки на поясище,
 Студентов серы лица –
 Легла на лица пыль.

13. Эй, вы там, наверху!
 Делу время, делу время,
 А потехе час!

(мотив «Вдоль по улице»)

14. Вдоль по улице метелица метет,
 За метелицей завкафедрой идет,
 За завкафедрой замзавкафедрой идет,
 За замзавкафедрой замзамкафедрой идут,
 Всё равно они студентов не найдут!

(мотив Никитин «Диалог у новогодней елки»)

15. – Что происходит на свете?
 – А просто зима!
 – Просто зима, вы считаете?
 – Да, я считаю.
 – Видит, видите, толстые книги читаю,
 Хотя и сведут эти книги однажды с ума.
 – Что же за всем этим будет?
 – А будет колхоз.
 – Будет колхоз, полагаете вы?
 – Полагаю! Я уже точными данными располагаю,
 Что и дипломников нынче погонят в колхоз.

* * *

(на мотив «Поручик Голицын»)

Четвертые сутки сидим без работы,
 Размыта дождями родная земля.
 Сегодня дотравим свои анекдоты,
 А завтра навеки уедем в поля.

Нам писем в деревню никто не пишет,
 Давно позабыли друзья и родня.
 Четвертые сутки стучит дождь по крыше.
 Он скоро в могилу загонит меня!

Больших результатов мы в поле добились,
 Но радости что-то от этого нет.
 Давно шерстяные носки прохудились,

Давно уже вышел запас сигарет.

Сегодня в столовой на завтрак котлеты,
 На ужин котлеты, котлеты в обед.
 Дружище, достань из заначки галеты.
 Галеты намного вкуснее котлет!

Скажите декану, я всё уже понял.
 Я стану прилежней, я стану смирней.
 Ах, где же вы, где же вы, резвые кони!
 Умчите отсюда меня поскорей!

Протянет окурочек кореш Серега,
 И Герман плеснет мне в стакан лимонад.
 Дружище, осталась одна нам дорога,
 По ней не вернуться в Воронеж назад.
 (Александр Сорокин)

(*на мотив «До свиданья, наш ласковый мишка!»*)

Начало:

Комплиментов нам вовсе не надо,
 Номер наш так негромок, так тих...
 Вас приветствует третья бригада,
 Наш сплоченный родной коллектив!

Концовка:

Мы, признаться, устали немножко.
 Спим себе без эмоций и снов...
 До свиданья, родная картошка!
 До свиданья, зловредный Смирнов!

В.В. ИНЮТИНУ

(*мотив Розенбаума «Извозчик»*)

Тин Тиныч!
 Он такой хороший,
 А теперь заброшен
 И в Воронеже совсем один.
 А взамен приехал
 К нам его коллега –
 Сверхинтеллигентный гражданин.

Валагин, нас в Воронеж отпусти!
 Тиныча на кафедре дождемся.

И ему расскажем о своей любви
И обратно вместе с ним вернемся.

Д.П. КОТОВУ

(мотив «Парус» из к/ф «12 стульев»)

Раз стихи кому-то
Дал Дмитрий Петрович –
Приобщить к культуре нас мечтал.
Вот уж 2 недели
Не видно Пастернака.
Пастернака кто-то зачитал...

И.А. СТЕРНИНУ

(мотив «Кукушка»)

Ты, Абрамыч, брось куковать
В полседьмого рано.
Даже «Банькой» нас не поднять.
«Ку-ку, ку-ку, ку-ку» -
Продолжаем спать.

ПОПУРРИ

1. Клены выкрасили город
Колдовским каким-то цветом.
Это снова, это снова – бабье лето, бабье лето.
2. Как нам Марья Павловна говорила строго,
Говорила строго, с намеками и без:
«Ждет вас, уважаемые, дальняя дорога,
Хлопоты бубновые, картошкин интерес!»
3. Ваше благородие, госпожа Вельмира,
Нас сюда послала ты, значит, не любила.
Золотые горы постой, не сули.
Не везет нам в жизни, не везет в любви!
4. А мы в колхозик ехали и пели
В грузовичочке, в грузовичочке
И в результат синяки набили
На пятой точке, на пятой точке.
5. Поле, а на поле грядка,
А на грядке травка, а на травке мы сиди и видим...
Поле...

6. Гоп-стоп, мы с Розенбаумом друзья.
Гоп-стоп, пускай в 8-й живут князья.

7. Грядка бесконечная,
Ведро миллионные,
А по грядке мы ползем
Голодные и сонные...

8. А всё кончается, кончается, кончается
Сентябрь придет, филфак уедет на поля.
И без тебя уже картошка собирается,
Смирнов «Шпицрутен» свой строчит не про тебя.

И может, наши здесь фамилии забудутся,
Другой «Гудков» девчонкам песни будет петь.
И Куличу придется с грустью задуматься,
Он не захочет на другой филфак смотреть!

ПОПУРРИ

1. Как стало нынче тихо на филфаке
И на журфаке, на геофаке.
Студенты поселяются в бараки,
И эти слухи – совсем не враки!
 Надоело нам по полю
 Наши вёдрышки носить.
 Для чего учились в школе?
 Для того, чтоб грязь месить?
Надоело нам картошку
На карачках собирать.
Вымираем понемногу,
Век нам воли не видать!

2. Покажи нам такую обитель,
Где б филолог-студент не страдал.
Он и сеятель, он и копнитель,
Он и план по картофелю сдал.

(мотив «Я сегодня до зари встану»)

3. Я сегодня до зари встану,
К полевому поспешу стану.
Я над грядкой изогну спину
В борозде когда-нибудь сгину.
И никто не узнает, где могилка моя....

4. Давай покрасим всю картошку в черный цвет.
И скажем препу, что картошки больше нет.
Давай, давай, давай, давай
Ее родную глубже в землю зарывай.

(мотив Розенбаум «Я люблю возвращаться в свой город»)

5. Я люблю появляться в колхозе неожиданно под вечер,
Пробираясь по глине почти что без матерных слов.
И с друзьями обняться под утро, хмелея от встречи
Или может быть, просто от дыма и винных паров.

Вот опять что-то тянет с постылым уютom проститься
И рвануть прямо в осень. Как славно, что нам по пути!
И прокуренным гостем к знакомым полям возвратиться,
И по старым дорогам усталой походкой пройти.

(мотив «Три белых коня»)

6. И уносят меня, и уносят меня,
Лишая покоя и сна,
Три белых коня, эх, три белых коня –
Картошка, колхоз, борозда!

(Мотив «Ямщик, не гони лошадей»)

7. Вы нас не гоните домой,
Нам так надоело спешить,
Нам так надоело учить,
Самих научил бы кто жить!

Мужчине к лицу седина.
Пусть просится бес под ребро,
Но только лишь в девичьих снах
Кулич подает мне ведро.

* * *

Тает желтый воск свечи,
Друг котлету доедает.
– Саша, слышишь ли в ночи
Вроде трактор завывает?
– Ты ошибся, милый друг,
Это Скобелев смеется.
– Саша, Саша, ну а вдруг
И Кулиничев проснется?
– Ты котлету доедай,
Скоро воск совсем дотает.
– Саша, главная беда,

Если сам Тин Тиныч встанет!
 – Да, действительно беда,
 Если все они проснутся.
 Пусть в 12-й всегда
 Ночью спят, а не смеются.

* * *

Быт у нас налажен ой как!
 А точнее – ого-го!
 Есть двухъярусные койки.
 Есть... и боле – ничего!
 Но нету тумбочек,
 Но нету тумбочек,
 А может, есть!
 Нет столов и стульев нету,
 В бане стало холодней.
 И жуем одну котлету
 Вот уж много-много дней.
 И нету вешалок,
 И нету вешалок.
 А, может, есть!
 Окружили нас заботой,
 Дали в руки по ведру.
 Согревайтесь, мол, работой
 На холодном на ветру
 А мыши бегают,
 А мыши бегают,
 А может, нет...

* * *

Грянул отзвук гитарного аккорда,
 И сентябрьские зарницы догорели.
 /Может, лучшие страницы наши стёрты,
 Может, самых главных песен мы не спели/ - 2 раза.

Оглянувшись на прощанье, мы уходим.
 И смахнув слезу, друзьям рукою машем.
 /И по памяти бессонной долго бродим,
 Перелистывая дни колхозов наших/ – 2 раза.

Знаем, будет и другое, и другие.
 Знаем, суждено всему сменяться.
 /Что поделаешь! Ведь все мы заменимы!

Руку, друг, пришла пора прощаться/ - 2 раза.

* * *

(мотив Розенбаума «Утки»)

Плавный шорох, и автобусы застыли чутко.
Уезжаем, не стесняясь наших светлых слез.
Нам осталась, нам осталась лишь одна минутка,
Чтоб поверить – позади последний наш колхоз.

Снова осень закружила карусель мелодий,
Будоража мою память, навевая грусть.
Я сыграю, если я еще на что-то годен,
И спою вам, если я на что-нибудь сгожусь.

Припев:

Мы помним давно учил нас колхоз
Пахать, так пахать, грузить, так грузить,
Таскать, так таскать, гулять, та гулять,
Не спать, так не спать,
Но годы прошли, колхоз не вернуть,
Пора уезжать, проститься и в путь.

Не жалеем, что мы жили часто как придется,
Только знаем, что когда-нибудь в один из дней
Всё вернется, обязательно опять вернется –
И погода, и надежда, и тепло друзей!

Так поскучаем, чтобы радостней случилась встреча,
А она уже не за горой.
Снова в осень возвратится ветеранов племя,
Столковавшись по картошке мерзлой и гнилой.

И как прежде, душу нам с тобой колхоз излечит,
Листопадом бабье лето голову вскружит.
Не прощайтесь! Говорим мы вам: «До скорой встречи!»
Всё вернется, а вернется, значит, будем жить!

Наталье Овсянниковой

О закрой свои бледные ноги...

В. Брюсов

Овсянников лужок

В предутреннем тумане.

Надкушен пирожок,

Одеколон в стакане.

В.В. Инютин

Мадам, мне жаль, мне жаль до слез,
Что грязь, что ноги наши босы,
Что на единственный вопрос
Ответом – новые вопросы.

Что ветер листьями сорит,
Что дождь не ведает покоя,
Что я уже три дня не брит,
Что по небритости не бит
Я Вашей нежною рукою.

Мадам, мне жаль, что я немой,
Что голова пуста, как глобус,
Что поутру меня домой
Свезет растрепанный автобус.

Мадам, мне жаль... Не передать
То чувство никому другому...
Какая эта благодать
Сопеть, курить, молчать – лежать,
Зарывшись в мокрую солому.

Мадам, мне очень жаль лужок,
Благословенный наш стожок,
Мне жаль утраченную резвость
И жаль, что мы, борясь за трезвость,
Не надкусили пирожок.

Мадам, что там ни говори,
Светла печаль, прозрачны слезы.
Как жаль – проходят сентябри,
Как жаль – кончаются «колхозы».

(студент Александр Сорокин)

Сядь, послушай-ка, дружок
 Сквозь ушные створки:
 Есть Овсяников лужок в деревеньке Горки.

Этот маленький рассказ
 Вспомнишь – сердце бьется.
 Хорошо, коль после нас
 Что-то остается

(преп. Викт. Влад. Гааг)

* * *

Наташа, милая Наталья,
 А может быть, и Натали...
 Перед тобой стоит каналья
 С глазами, полными любви!

(преп. Ал. Тих. Смирнов)

Н. Овсянникова. Чуккокала колхозная

Катуховка

А.Т.Смирнов:

Я обманывать не стану
 (Прозорливый вы народ)
 Был у вас не Челентано,
 А совсем наоборот.
 И с Петровной выпив чаю,
 Посмотрев в веснушках нос,
 Я сказал Петровне «Чао!»
 Встал... и вышел на мороз...
 Скажу тебе, душа Наташа!
 Лишь на картошке счастье наше...

В.Г.Кулиничев:

Никаких причин и даже слез
 В этом разе я не признаю:
 Не приедешь в будущий колхоз,
 Посмотрю сурово и –
 УБЬЮ

Кто-то (неразборчивая подпись)

Вас будет помнить Катуховка
 И не забудет командир...
 А все ж большая ты плутовка,

Хоть самый старый бригадир.
 Все разбежались от картошки,
 Но неизменна ты одна.
 Пусть знают все: из бригадиров
 Ты – лучше всех... и оба-на!..

Кто-то

А Наташке грядки не хватило,
 И сказала : «Я буду бригадиром!»
 И по полю ходит – взад, вперед...
 До чего ж Овсяшкиной везет!

А.В.Скобелев

Дождь подрядился спозаранку.
 К полудню солнце не взошло.
 Коллега съел мою баранку
 И ухмыльнулся тяжело.
 Он ест немного... Что попало.
 При том всегда меня корит.
 Здесь лампы светят в полнакала
 И сигарета не горит.
 Все ощущения сегодня
 Перерастают в чистый бред
 Сквозь прутья крепкие решетки
 Гляжу на женский туалет.

Объявление: Сегодня состоится 1-е заседание секции поэзии.
 Литературный критик В.В.Инютин высечет начинающих поэтов.

Рогачевка

В понедельник на ночевку
 Я уеду в Рогачевку
 Повидать друзей хороших-
 Всю картофельную рать.
 Станем вместе жить в бараке,
 Ждать, когда засвищут раки,
 И без шума и без драки
 Бульбу с поля убирать...

В понедельник на ночевку
 Я уеду в Рогачевку
 Посмотреть отвыкшим глазом
 На бескрайние поля..

Там одну филологиню-
Кареглазую богиню
Я, наверно встречу сразу,
И влюблюсь до ноября.

В понедельник на ночевку
Я уеду в Рогачевку,
Где студенты на картошке
Показали высший класс
Жизнь свою начну сначала
На общественных началах
Буду песни каждый вечер
По заказу петь для вас.

В понедельник на ночевку
Я уеду в Рогачевку
Станет там меня Тин Тиныч,
Как родного обнимать,
Ну а Скобелев, конечно,
Расцелует в щеки нежно,
И Кулиничев заплачет,
Словно седенькая мать.

Студенческие частушки

Инютин Валентин
Жалеет нас один,
А мы жалеем все, что он женат.
Ах, если бы он был
К тому ж еще блондин,
То был бы не мужик, а просто клад.

Сливки киснут на окне,
Травы вянут в поле,
Если ходит по стерне
Белоусов Коля.

Колхозные призывы и лозунги

- Да здравствует советский колхозный строй, благодаря которому студенты получают целый месяц счастья!
- Не падайте духом где попало!
- Филологи! Боритесь с пьянством в себе!

Из собрания Германа и Галины Полтаевых

ОДА СТУДЕНЧЕСКОЙ «МОЛНИИ»

Я видел много стендов и плакатов,
 Заглавий штампы резали глаза...
 Твои ж скупые строки тем богаты,
 Что лучше ни придумать, ни сказать.
 Был первый день и первый дождь на поле,
 И море грязи, и сушилки жар...
 По этой незавидной нашей доле
 Был первый, самый сильный твой удар.
 А после - песни. В них — и быль, и небыль...
 Там, где звенит гитарная струна,
 Вновь «Молния» — и ярче звезд на небе
 «Артистов» засверкали имена.
 В рабочем ритме пыльных наших гвардий,
 В картофельной колхозной борозде
 Ты светишь тем, кто нынче в авангарде,
 Ты бьешь по тем, кто тащится «в хвосте».
 Тебя я воспевать не перестану,
 Но если вдруг по собственной вине
 В труде и песнях от друзей отстану,
 Ну что ж, тогда шарахни и по мне.

«Зенита» и блокнота «тяжкий» груз
 Нести нам и в жаре, и на морозе.
 Начало новой жизни — первый курс.
 А первый, курс рождается в колхозе.

«СТАРИКИ»

Вновь картошкой машины набиты,
 Вдаль ныряют по колчам и рвам.
 Эти дни вряд ли будут забыты,
 Пот и пыль, смех и грех пополам.
 Мы довольны, хотя и покоя,
 Как ушей своих, нам не видать,
 Тем, что нынче не льется рекою
 С Катуховских небес «благодать».
 Краток отдыха срок,

Хлещет пыль, будто дождь,
 Лишь споткнись о ведро —
 Упадешь, пропадешь.
 Но от мыслей таких
 Мы сейчас далеки,
 Потому что вперед
 Рядом с нами идут «старики».

Т. Чеваниной, бригадиру 3-ей бригады

Услышь, нас, Таня милая,
 Услышь своих чеванинцев.
 Твои призывы сильные
 Нам не давали чваниться.
 С тобою шла вперед братва,
 Картошки горы высились...
 Нам не забыть твои слова:
 «Ребяточки, «окрысились!»

Спасибо вам за все,
 мои друзья.
 Простите, если в чем-то
 был неправ.
 Пытался ваших бед
 поднять груз я.
 Хоть часто не имел
 на это прав...
 Пусть не по силе эта
 тяжесть мне,
 Могу пропасть,
 но лезу на рожон.
 Вы счастливы —
 и счастлив я вполне,
 Что жить и петь для вас на свет рожден.

«Болен, ах как болен я бульбенцами!» -- это строка из колхозной песни. Только после Рогачевки «официально» учтенных песен было пятнадцать. В «Катуховке-86» — еще больше. А первый конкурс колхозной песни был придуман Львом Ефремовичем в 1973 году и с тех пор проводится ежегодно вот уже четырнадцать раз. Можно было бы составить не один сборник, но терялись песни в пыли полей, в нагромождениях памяти, оставляя после себя светлое чувство общей дружбы и радости.

Песни сочинялись и береглись, как небывалые драгоценности, до заветного вечера. Писались быстро, в тесной компании, за плотно закрытыми дверями. Все подмеченное острым студенческим взглядом во время работы и отдыха, при дневном свете и ночью, обретало песенную плоть.

«Бульбенцы» — это и усталость от работы на картофельных полях, и задор молодости.

В песнях могут быть неуклюжие строчки, но не может быть неловкого, грубого отношения к друзьям. В них может встретиться неточная рифма, но не может быть неточности во взглядах на добро и зло. И даже если голос возьмет неверную ноту — гром аплодисментов все равно за исполнителем. Потому что нет фальши сердец. А обязательно есть ирония, юмор, улыбка.

ПОСВЯЩЕНИЕ А. В. СКОБЕЛЕВУ

Схлынул с поля туман, закружился в воздухе
И понесся потом прямо вдоль стерни.
Задремал под кустом Скобелев на роздыхе,
Не будите его, господин Стернин!
Он ужасно устал от борьбы кровавой
За родимый филфак, за друзей своих.
Не за деньги страдал, не для лестной славы,
Он во сне лишь мечтал иногда о них.

Припев: А у восьмой грохочет маг,
Гуляй да пой, родной филфак!
То от гостей шумит колхоз,
Гуляй да пой, отряд «Логос»!

Пусть приснится ему корпус возле сквера,
Где в былые года днями пропадал,
Где студентов учил и в науки верил,
И где Гофмана дар зорко разгадал.
Но на свете всегда что-нибудь меняется,
И пришли времена ужасу сродни.
Он в деревне теперь на картошке мается,
Не будите его, господин Стернин!

Припев тот же.

Он теперь поутру рано поднимается.
И бредет в дальний свет через все село.
Только город никак все не забывается,
Все маячит вдали и манит зело.

Эй, подуй посильней, ветерок прохладный!
 И с лихой головы удаль ты стряхни.
 Под кустом крепкий сон — лучшая награда,
 Не будите его, господин Стернин!

В. Грязнов

РОГАЧЁВКА

В понедельник на ночевку
 Я уеду в Рогачевку.
 Повидать друзей хороших—
 Всю картофельную рать.
 Станем вместе жить в бараке,
 Ждать, когда засвищут раки,
 И без шума и без драки
 Бульбу с поля убирать.
 В понедельник на ночевку
 Я уеду в Рогачевку.
 Где студенты на картошке
 Показали высший класс.
 Жизнь свою начну сначала,
 На общественных началах
 Каждый вечер по заказу
 Буду песни петь для вас.
 В понедельник на ночевку
 Я уеду в Рогачевку
 Посмотреть отвыкшим глазом
 На бескрайние поля.
 Там одну филологиню,
 Кареглазую богиню
 Я, наверно, встречу сразу
 И влюблюсь, до ноября.
 В понедельник на ночевку
 Я уеду в Рогачевку.
 Станет там меня Тин Тиныч
 Как родного обнимать.
 Ну, а Скобелев, конечно,
 Расцелует в щеки нежно,
 А Кулиничев заплачет,
 Словно седенькая мать.

На заре, на утренней, солнышко восходит,
 А у нас под крышею дремлет тишина,
 Но уже вдоль комнат кто-то грузно бродит
 И звучит пронзительный голос Стернина.

У него, у бедного трудная задача:
 Разбудить Подгайного, Германа и тех
 По кому полмесяца кнут казачий плачет,
 Только вряд ли, братцы, ждет его успех..

Только вряд ли, братцы, он сможет пробудиться.
 Ведь опять концерты шли чуть не до утра,

В одеяла спрятались заспанные лица,
 А в углу под коечкой - шелухи гора.

Но идет настойчиво он от двери к двери
 И стучится в каждую, и кричит: "Подъем!"
 И деваться некуда, верим иль не верим,
 И скрепя зубами, молча, мы встаем!

Эту горе-песенку наспех мы придумали
 И не называем здесь наши имена,
 Но что бы не случилось там и что бы не подумали,
 Долго будем помнить мы препа Стернина!

А. Сорокин

Рогачевская кончилась осень
 По судьбе, не по календарям.
 Задержаться шофера попросим
 На минутку в конце октября,
 Чтобы вновь до утра
 Возвратились мы все во вчера.
 Ночи и вечера-
 Незабвенная наша пора.

Будет память светла о «Тамлыке»,
 Нам поставила осень печать,
 Чтоб любимых товарищей лики
 Без ошибки в толпе различать.
 И опять до утра
 Возвратимся мы все во вчера.

Ночи и вечера-
Незабвенная наша пора.

Скоро мы разлетимся по свету.
Может быть, и не встретимся вновь.
Но «Тамлык» - это наша планета,
И царит на планете любовь.
И опять до утра
Возвращаемся мы во вчера.
Ночи и вечера-
Незабвенная наша пора.

Не изменим колхозному братству.
Нас с тобой не состарят года.
Врут свидетельства -только шестнадцать
С половиной нам будет всегда.
И опять до утра
Возвратимся мы все во вчера.
Ночи и вечера-
Незабвенная наша пора.

Вот и все, бабье лето пропето,
Завершилась раздача слонов.
Мы ушли, но осталась планета,
Та, где дружба - основа основ.
Значит, вновь до утра
Возвратимся мы все во вчера.
Ночи и вечера-
Незабвенная наша пора.

А.Сорокин

Рогачевская гастрономо-садистская лирическая

Мы месяц сидим без еды и работы.
Засыпана снегом родная земля.
По сотому кругу идут анекдоты.
Что делать? Зарядку начнем с января.
В маразм мы впадаем, друзья, понемногу.
Колхоз для студента - как дантовский ад.
Взорвал председатель(сука) на город дорогу.
Теперь не вернуться в Воронеж назад.
В поле, в чистом поле еще не собран урожай.
Болен, ах, как болен я бульбенцами!
Воля, воля, воля - нам никуда не убежать
С поля, чиста поля.

Давно шерстяные носки прохудились,
 А Скобелев съеден неделю тому.
 И кудри Инютина в зубы набились
 Вадиму Георгиевичу самому.
 Хотел от напасти сберечь нас Валагин:
 Пополз по-пластунски к министру в Москву,
 Но схвачен злодеями сельской ватаги,
 Взят в плен и отправлен рабом на свеклу.
 Осталось полсуток до Нового года-
 Тогда и устроим мы пир на весь мир,
 Ведь тело свое во спасенье народа
 На праздничный ужин отдал командир.
 Мы знаем: он зря не бросает ни слова,
 И если в сочельник заглянет к нам гость,
 Пускай тем помянет Володьку Грязнова,
 Что съест вместе с нами берцовую кость.
 Мы месяц уже не видали компота.
 Мы валимся в спячку средь белого дня.
 Нам снятся любимые как антрекоты
 И видятся пловом друзья и родня.
 В малярии мы впадаем, друзья, понемногу.
 Колхоз для студента - как дантовский ад.
 Взорвал председатель на город дорогу.
 Теперь не вернуться в Воронеж назад.

В поле, в чистом поле....

Ну что вы грустите, бойцы и бойщицы?
 Колхоз позади, и его не вернуть.
 Вчерашним циклоном обветрены лица,
 И снегом засыпан нелегкий наш путь.
 Последние ведра несут к самосвалу.
 «Ребята, окрысились!»- слышится крик.
 Уехал Инютин, осталось наш мало,
 Но все-таки жив боевой наш «Тамлык».
 Оставьте ведерко, товарищ Валагин!
 Ведь вы не найдете забвенья в труде.
 Сейчас бы хоть каплю живительной влаги.
 Ах, белая лошадь, ну где же ты, где?
 Андрей Владиславич, чешите в затылке,
 Бойцам подавая хороший пример.
 У Котова, знаем, миллионы в копилке.
 Вы разве не знаете, он миллионер.
 Колхозным начальством мы к грядкам прижатые.

Дождями залита полоска вдали,
 И клубни картошки, как мы, сероватые.
 И шляпой начальник нам машет вдали.
 По нашим следам черный кондор несется.
 Кулиничев долго грозит кулаком.
 Послушайте, братцы, а может, вернемся.
 Зачем покидать нам родительский дом?
 К колхозу мы все прикипели сердцами,
 Хоть с поля доносится жалобный вой.
 А чтоб Рогачевка всегда была с нами,
 Возьмем по мешочку картошки с собой.

КОЛХОЗНЫЕ СТИХИ

В.Г.Кулиничев

Некоторой первокурснице

Глубокомысленно картошки поедание -
 Вареной, жареной, а также “фри”,
 Но прежде нужно оной собирание,
 Ношенье в ведрах, черт их побери.
 И ты, пробившись на филологический,
 Покинула на время отчий дом,
 Чтоб грань стереть между трудом физическим
 И умственным, конечно же, трудом.
 Не плачь, подружка, полем заморенная,
 И слезы несмышленные утри...
 Нет в борозде картофеля вареного,
 Тем более, здесь нет картошки “фри”.
 Вглядись-ка в старшекурсницы величие -
 И убедишься, несомненно, в том,
 Что нет в природе в принципе различия
 Между физическим и умственным трудом.

Песня преподавателей

(мотив «Прощание славянки»)

Мы усталые, толстые, старые,
 Хоть нажили большие умы.
 По утрам все скрипим мы суставами,
 Все кряхтим и все охаем мы.
 До чего же нас жизнь износила,
 Потрепала нас жизнь от души...
 Вот из мышц убежали все силы,

Вслед за силами мышцы ушли.
 Но мы далеки
 От всхлипов и слез,
 Вперед, старики! -
 Мы говорим себе всерьез.
 Хоть шагаем пока еще в ногу,
 И походка стройна и легка,
 Забывают про нас понемногу
 И посматривают свысока.
 Но пошлем мы всех к чертовой маме,
 Кто не знает почтения к нам,
 Издевается Шашлов над нами -
 Будем Шашлова⁷ бить по рогам.
 Да, мы далеки
 От всхлипов и слез.
 Вперед, старики! -
 Мы говорим себе всерьез.

Предновогоднее

Давай, брат, напьемся. А как?
 Чтоб сладостно было. И только.
 И чтобы нисколько, нисколько
 Не мучится после. Вот так.
 Давай в новогоднюю ночь
 Уйдем от застолья и смеха.
 Без нас совершится потеха.
 Уйдем! Но не напрочь, а прочь.
 Уйдем и в ближайшем лесу
 Засядем под старенькой елкой,
 И выпив, закусим иголкой,
 А после съедим колбасу.
 Наверно, к нам волк подойдет,
 Мы с волком стаканчик накатим.
 Но волку мы миску захватим,
 Ведь волк из стакана не пьет.
 А вот колбасы не дадим,
 Она не понравится волку.
 Пусть снегом занюхает водку.
 Потом по конфетке съедим.
 А после споем о Луне,
 О звездах, о Млечном, о Вечном...
 И волк нам подвоет, конечно,

⁷ Студент-журналист, боец отряда "Логос"

Без слов, но душевно вполне.
И станет так сладостно нам,
Что Серый от счастья заплачет.
И это минуту означает,
Что надо бежать по домам.

Песня преподавателей-ветеранов

Хотя устали мы и молоды не очень,
Хотя рискуем, все же мы идем.
И вот идем, поем, и между прочим -
Вот эту песенку о будущем поем.
Поем о том, что поздно или рано,
Всех ветеранов выпроводив вон,
Самих себя запишем в ветераны
И отрубим последний свой сезон.
Нет у судьбы трагичнее момента,
Когда идут в отставку - не в запас...
Проводят нас веселые студенты,
Потешной песней отпевая нас.
И если плакать будем - то от смеха
Среди прощальной этой кутерьмы...
Заставит нас увидеть так потеха
Ребят, которых провожали мы.
Они придут гурьбой необозримой,
Незримые в сумятице шутих,
Но будут нам прекрасно различимы
Родные лица каждого из них.
Когда все кончится, когда веселье схлынет,
В осенней оглушающей тиши
Уйдем с ребятами под звездами ночными
Туда, откуда все они пришли.

ЧТО О НАС ПИСАЛИ

Мы в своих архивах нашли довольно много газетных материалов о колхозах.

Некоторые из них мы решили опубликовать - нам кажется, что они представляют интерес, поскольку отражают ситуации и эмоции преподавателей и ребят непосредственно во время сельхозработ, интерес журналистов к нашей работе. Интересны упоминаемые фамилии, факты, рассказы об экспериментах с оплатой, отношениях студентов, эмоциональные отчеты о колхозном времени.

Мы публикуем наиболее интересные материалы без каких-либо сокращений или редактирования.

Неумирающая деревня

В.Г.Кулиничев

На селе этом, расположенном у границы района, замыкается асфальтовая дорога. Большим его не назовешь, но и маленьким тоже. Перерезанное оврагом, по дну которого бежит ручей, оно вольготно разбросало свои дома. Когда идешь от крайних построек до другой окраины, тратишь немало времени. А черноземные уголья, окружающие село, не обойдешь и за день.

Школа, клуб, магазин, почта, баня. Пруд, в котором ловится приличная рыбешка...

Немало домов новых, прекрасно обустроенных. Немало и старых, приземистых, но еще крепеньких, пригодных для спокойного житья. Одним словом, полная противоположность «деревне вымирающей».

Казалось, село давно уже отдышалось от всех реформ, драм, передраг и живет себе с хорошей уверенностью в завтрашнем Дне.

Свидетельством давней трагедии осталась деревянная церковь с покосившейся маковкой. Омытая дождями, продутая ветрами, прокаленная солнцем, она стоит пустая и гулкая, сопротивляясь времени, напоминая об умении мастеров, ее построивших. Из стен древнего цвета торчат шляпки кованых гвоздей. На фоне ночного неба, высветленного луной, черный силуэт церковки может вызвать поэтический озноб, пробудить в воображении зыбкие картины старины глубокой.

Сюда хорошо приезжать на отдых. Жить в гостеприимных стенах, помогать добрым хозяевам в огороде, кормить в свое удовольствие телят, сыпать зерна суматошным куриком и лелеять в себе идиллические чувства, беречь память о предках-пейзанах.

Но мы были не в гостях. Четыре осени приезжали «на картошку». Приезжали по разнарядке облисполкома, договорившись, однако, о натуроплате за свой честный труд. Честный труд мы гарантировали, потому что почти гарантирована была достойная оплата. Говорю «почти», ибо лукавство крестьянских начальничков непредсказуемо, слово их могло быть «твердым, как студень», даже если, ты помог им убрать картошку с бескрайнего приусадебного участка и выпил за дружеской беседой литр водки.

В последнюю осень судьба свела нас с давним знакомым. Он запомнился по предыдущему хозяйству, где работал беспутным агрономом. Беспутство, в частности, заключалось в том, что он, болезненно раздражаясь, требовал безукоризненной работы, но сам работу организовать не мог. Мы к назначенному утреннему сроку являлись в поле и сидели у непаханых борозд в ожидании трактора и грузовых машин. Однажды он задержал нас до 20 октября, и мы, закрывая по его требованию «площадь», грузили в машины мороженую картошку. И картофельный сок сочными ручьями вытекал сквозь щели кузова.

В этом селе он встретил нас как директор совхоза.

- Как же он директором оказался? - спрашивали мы.

- По благу, - отвечали селяне.

- «Инвалид» он, - сказал председатель профкома.

- То есть?! - удивлялись мы, представляя розовощекую, с ногами и руками, прозрачноглазую физиономию директора.

- У него волосатая рука на стороне, - грустно пояснил председатель профкома.

Директор трепал нервы всем, нам - тем более. Беспутство его, подогреваемое большевистскими лозунгами, не знало границ. Однажды тракторист Иван Иванович, устав смотреть на нас, сидящих на краю поля в ожидании грузовиков, предложил написать жалобу на директора в обком КПСС.

- Я первый подпись поставлю, только напишите, уговаривал он.

Простодушный и честный трудяга Иван Иванович, судя по всему, не ведал, какой мускулистой может быть «волосатая рука».

Советская власть дышала еще полной грудью. Дышал полной грудью, заходясь порой от хаотичного административного восторга, и директор совхоза.

Вернувшись в город, мы все-таки написали в молодежную газету об уникальном крестьянском лидере, Публикация не возымела действия.

Сняли его с должности уже на исходе перестройки, когда в «Новостях» ЦТ рассказали всесоюзному телезрителю, как он, не зная, как распорядиться зерном (излишки, неучтенка?), приказал сбросить его в овраг. Центнеров этак 150.

Бог и вправду шельму метит. Но поздно.

И я вспомнил, как он разогнал из кабинета согбенную старушку, одиноко живущую, пришедшую попросить немного зерна для домашней скотинки.

Но не одним директором совхоза запомнилось нам это село. В итоге он стал праздничной фигурой для наших ироничных и охочих к спору языков, и мы даже научились обходить его на повороте, так как хотели заработать.

Запомнились будничные вечера и ночи.

Запомнился пьяный механизатор, погнавшийся за нашими девушками на тракторе. Девушки, задыхаясь, вбежали в столовую. Тракторист же, не сдержав инерции вспыхнувшей дикой любви, разворотил общепитовское крыльцо.

Запомнилось, как из соседнего села приехала ночью на самосвале ватага с цепями и кольями, чтобы слегка побить нас. Просто так, для куражу. Мы их и в глаза-то не видывали. Побить не удалось: в общежитии проживал с нами молодой милиционер, владевший приемами восточных единоборств, о чем и поведали ночным пришельцам местные ребята, прибежавшие посмотреть, «что будет».

Запомнилась «мягкая ротация» молодых поколений. Каждый год вечерами у общежития вертелись новые лица.

- А где прошлогодние?

- В тюрьме.

- А эти откуда?

- Из тюрьмы.

Запомнились кровавые разборки «местных» на улице. Случилось раз - со стрельбой.

Запомнился черный мат, с помощью которого взрослые тети и дяди деловито общались в присутствии детей, и дети никак не реагировали на их разговоры.

Запомнилось, как лихо приворовывали из «народного добра» - бензин, картошку, подсолнухи...

Запомнились похороны людей, умерших от утоления алкогольной жажды и испивших поганого самогона.

Многое запомнилось из того, что поэт назвал «изысками деревенщины». И о многом еще можно рассказать..

Запомнилось - в другом селе, - как мы сидели на лавочке со старым банщиком, курили, разговаривали, и мимо прошел парнишка.

- Вишь, не поздоровался, - заметил банщик. - Если б я, мальчишкой, не поздоровался со стариком, мне бы дед так всыпал, что задница неделю бы стонала. Молодые нынче невоспитанные.

...И когда нынешний руководитель говорит, что все, абсолютно все досталось ему в развале от руководителя предыдущего, в том числе и деревня, я ломаю голову: лукавит он или изливается в бездумном простодушии? Как бы там ни было, он хочет поставить преграду на пути нашей памяти, постоянно уходящей в прошлое. Уже при нем, при лично его вчерашнем коммунистическом верховодстве всю царил в селе дух

безнравственности. И дух этот сильнее «ста тысяч тракторов», о которых мечтал вождь революционных переворотов. Безнравственность началась с ленинского террора, с разрушения церквей, с коллективизации, сталинских репрессий и сталинского крепостного права. И продолжалась в пору созидания «развитого социализма», когда город высасывал из деревни молодежь для работы на промышленных гигантах, лишенных сегодня цивилизованной дееспособности.

Сельская нравственность, сельский уклад...

«Уклад» - слово-то какое хорошее! Уложенность, ладность, лад, клад...

Этот клад копился веками. Разворован был в считанные годы.

Сколько же понадобится времени, чтобы восстановилась душа дорогой моему сердцу русской деревни?

(МК, начало 90-ых)

В село приехал «ЛОГОС»

- Надо справкой запастись, наш курс скоро па картошку отправят. По полю в дождь бродить, сам знаешь, удовольствие небольшое». Хорошо еще нас, пятикурсников, не трогают.

Типичный диалог — типичная ситуация.

Осенние сельскохозяйственные - работы не обходятся без привлечения рабочих рук «извне», и студенты являются основной ударной силой «на уборке картофеля, свеклы, яблок. Признаемся, подобные мероприятия, организованные в принудительном порядке, вряд ли, способствуют уважительному отношению молодых горожан к земле, к нелегкой работе на ней. Сельскохозяйственные работы зачастую воспринимаются студентами как нечто обязательное, которое во избежание неприятностей необходимо отбыть.

Перед отправкой студентов на «картошку» у зданий учебных заведений можно видеть бередящие сердце сцены. Сердобольные папы и мамы провожают своих детей на работу в село, как на Северный полюс. Без слез почти не обходится.

Ну, а кто половчее, те запасаются - медицинскими справками. Знакомая картина - так было, так и осталось. Но не везде...

Студенческий сельскохозяйственный отряд «Логос» был создан на базе филологического факультета Воронежского государственного университета в 1983 году. Вот уже пять лет ребята из «Логоса» работают на осенней уборке овощей в Новоусманском районе. У истоков создания отряда стояли преподаватели ВГУ В.Г. Кулиничев, А. В. Скобелев. В.В.Инютин – люди творческие, увлеченные и обладающие способностью увлекать других.

- Работа на картофельном поле осенью зачастую представляет собой малоприятное зрелище, - говорит В.Г.Кулиничев. Грязь, сырость. Труд малопродуктивный, однообразный. Но урожай убирать необходимо, невзирая на погодные условия. И студентов

отрывают от занятий и привлекают к сельхозработам не от хорошей жизни. Все это понимают. Но как сделать, чтобы у начинающих ребят не возникло чувство, что они выполняют чужую работу? Дискуссии о том необходимо ли привлекать к работе на полях, скажем, врачей, учителей, студентов, ведутся давно. Безусловно. отправка «на картошку» – вынужденная мера, на это счет двух мнений быть не может. Что необходимо сделать, чтобы построить работу так, чтобы ребята поняли, что они не повинность едут в село отбывать, а делать доброе, полезное дело? Чтобы им было интересно, наконец». Именно это и стало главной заботой нашего отряда. Куда более важной, чем просто центнеры и тонны...

Ведь как зачастую проходят сельхозработы? После каникул в течение двух недель студенты съезжаются в хозяйства. Потом, как правило, погода портится, темпы уборки резко снижаются. Никаких планов нет, и сельхозотряды в буквальном смысле, отданы на милость председателей и директоров. Выполняют одно задание – им тут же дают другое. Или же поступает указание, что раньше 1 октября никто из хозяйств не уедет, несмотря на количество убранных гектаров. Есть ли какая-то заинтересованность у самих студентов работать таким образом? Конечно же, нет.

В «Логосе» решили иначе. Впервые в области пошли на эксперимент. Еще в прошлом году заключили с колхозом «Путь Ленина» договор, в котором указывалось, сколько именно тонн картофеля должны собрать студенты – пусть у каждого члена отряда будет заинтересованность в быстрейшем сборе урожая. И к работе решили приступить не в первых числах сентября, как всегда, а раньше – в августе. Признаться, волновались В. Г. Кулиничев и А.В.Скобелев — съедутся ли ребята, время-то еще каникулярное и сокращать его никто не имеет права. Но волнения оказались напрасными – все приехали без опоздания.

Что это дало? Урожай был убран в кратчайшие сроки, до дождей. И студенты, завершив благополучно свою миссию, с чистой совестью отбыли в Воронеж продолжать учебный процесс.

Еще весной этого года при непосредственном участии А. В. Скобелева с совхозом «Юбилейный» был заключен договор, по которому «Логос» в составе 80 человек обязался собрать 900 тонн картофеля. К работе приступили 25 августа, и на момент нашей встречи с совхозных полей уже было убрано более 500 тонн клубней.

Уборка картофеля – дело прозаическое. Тем не менее, сами члены отряда считают время, проведенное «на картошке», насыщенным и небесполезным для себя. В чем тут секрет?

- Первокурсники приезжают сюда, еще не зная тех, с кем предстоит учиться долгие годы, - рассказывает Игорь Семенов. – У каждого свой характер, привычки. Именно здесь происходит процесс узнавания друг друга, притирки. Совместное проживание, работа сближают людей. Обстановка в отряде способствует этому, здесь свои

традиции, правила... Мы потом целый год вспоминаем об этом месяце. Старшекурсников, ветеранов отряда тянет сюда возможность вновь окунуться в атмосферу «логосовских» будней и праздников.

Сюда едут с удовольствием, это - без преувеличения.

Пятикурсники Володя Грязнов и Андрей Золотухин, к примеру, имели полное право не ехать нынешней осенью — у них преддипломная практика. Но желание снова оказаться среди «своих» взяло верх.

Расположились студенты в живописном месте — на берегу реки, По утрам и после работы наиболее закаленные купаются. Стены в общежитии увешаны стендами, плакатами, стенгазетами, «молниями». Самодеятельных художников уговаривать не надо — в свободное время они берутся за фломастеры и выдают такие сюжеты на злобу дня, что можно только позавидовать неистощимости их фантазии.

Трудятся в отряде на совесть. Распорядок дня жесткий: подъем в шесть, работа - до пяти вечера. Но есть здесь и другая сторона – с приездом ребят несколько преобразилась культурная жизнь села. Импровизированные концерты, вечера, дискотеки, организованные студентами, привлекают и местную молодежь.

В отряде - самоуправление. Конечно, есть здесь командир и комиссар - преподаватели, но они такие же члены отряда, как и все остальные. И тот же Вадим Георгиевич Кулиничев разыгрывает такие сценки о «временах застоя» что обхохочешься, как выразилась комиссар Юля Кондратенко.

- Живем интересно. Работаем от души, отдыхаем тоже от души, — говорят сами студенты.

Конечно, не обходится без проблем.

-Немного осталось испытанных «отрядников-ветеранов», которые задавали бы тон. А первокурсник – их большинство - медленно идут на сближение, — поделился со мной второкурсник Володя Бычков, считающий себя уже ветераном по сравнению с «зелеными» первокурсниками.

Но так, наверное, бывает всегда. И нынешние первокурсники на следующий год поначалу станут сетовать на вновь пришедших в отряд. Но потом, несомненно, найдут общий язык. Недаром ведь говорят — «картошка» сближает...

С.Нечипоренко
Новоусманский район
МК, 29 сентября 1988 г.

«Вниманию контингента! Контингент приглашается...»

Так, или почти так открывались вечера филфаковского колхоза минувшей осенью. А началось все с того, когда в сельхозотряд «Логос- 87» привезли... микрофон. Став в надежных руках Валентина Валентиновича Инютина своеобразной игрушкой, он (то есть микрофон) превратился в индикатор творчества, а также в будильник хорошего настроения. Лишь только из микрофона раздавалось: «Кря-кря-кря!», (должны быть свои позывные и у нашего «Останкино»), сразу же начиналось!..

Однако, по порядку! После трудового дня, как все порядочные люди, а я тоже отношусь к этой категории, устраиваюсь на своей тахте из ширяющих под ребра пружин как раздаётся тихохонький»(!) стук в дверь, затем появляется свитер Вадима Георгиевича Кулиничева, который тоже был комиссаром. Только взрослым, преповским; потом он сам и спрашивает: «Гнеушева здесь?»

Я же, выжидая этот момент, начинаю лихорадочно вертеться, чтобы вовремя вскочить и со словами: «Я здесь, я не сплю!», выбежать в коридор. Там Кулиничев задаст свой любимый вопрос: «Что у нас сегодня?». Иногда я не выдерживаю и выдаю: «Сколько можно! Вчера у нас был вечер поэзии, на завтра готовится посвящение в колхозники. Пусть сегодня люди отдохнут!», но быстро затихаю. Знаю, что все равно побегу к Витьку Бредихину — пусть расскажет о «Битлз». И Витька, старый колхозный волк, с бешеными глазами начнет искать кассеты и магнитофон, а уж материала в голове у него достаточно.

И вот без нескольких минут девять, а может, в две минуты десятого из издавшего виды динамика доносится инютинское «Вниманию контингента! Контингент приглашается в палату № 6!».

У нас, конечно, существовал, говоря высоким штилем, план политико-массовой работы и висел себе преспокойно в коридоре. И никому не мозолил глаза. Потому что он не был тем вымученным списком мероприятий, которые обычно появляются в сельхозотрядах. Мы же оперативно провели опрос общественного мнения — кто во что горазд?

Если горазд – то помоги воплотить в реальность.

Четвертый курс, чтобы особо не напрягать мозги, сослался на традиции и предложил старые добрые вечера: вопросов и ответов, колхозной песни, поэзии и т.п... У первокурсников же фантазия не иссякла: от карнавала сказок до Дня Нептуна. Все предложения были обработаны на местной ЭВМ — в народе ее прозвали куркулятором, — и в итоге появился тот план, который и занял достойное место в нашем коридоре.

Ах, этот наш коридор! Место встреч случайных и неслучайных; площадка для концертов сольных и несольных, плац для отрядных линейек; танцплощадка для дискотек. Выходить сюда было порой страшно: на тебя сразу же обрушивается поток информации. Настенной и наглядной в полном смысле этих слов. Судите сами. Вот вездесущий командир припиливает очередную «молнию». Какую по счету? Да неважно. Лирическую, абстрактную или сентиментальную — главное, чтобы не аморальную. А то он может... Тут еще Валентин Валентинович Инютин с его пристрастием к соблюдению правил техники безопасности повесил на гвоздь помятое КамАЗом ведро с надписью. «Так будет со всеми, кто нарушает технику безопасности».

Двери в коридоре — шедевры колхозного творчества. Преподаватели первыми вывесили табличку: «Препы. Комната № 8». Это из народной командирской песни «а у восьмой грохочет маг, гуляй да пой, родной фил-фак». Ветераны взяли номер «последний», а незаменимый второй курс — «02». Был у нас и «музыкальный салон», и комната ребят с длинным и непонятным цифровым обозначением 13 (666)М.

Стены тоже не пустовали. Постепенно они стали обрастать выпусками соответствующих газет. Главное же для меня выпустить лишь один номер общеотрядной газеты «Зырь в корень». Зато препы «задавили» нас традиционными «Шпицрутенами».

Эх, да что говорить. В моей комиссарской работе было много проколов. Не смогли мы в этом году втянуть первокурсников в ритм колхозной жизни. Почему мне подолгу приходилось стоять у дверей их комнат? Я не решалась войти, потому что чувствовала, что весть об очередном мероприятии не все воспримут с радостью. Почему подолгу раздумывала — может, проще пойти к Юльке Кондратенко, Наташе Журавлевой, Вике Лукиенко — они не подведут, проверено? «Мы все пойдем, не надо лишних фраз, поймите нас, и ради бога, не прищуривайте глаз». Правда, были среди первачков и наши до корня волос: всем нам полюбилась палата № 6, где жили веселые, отзывчивые девушки. В них, Свете, Катюше, Лиле и многих других, повторяются наши колхозы. И снова, лишь только наступит вечер, обязательно разнесется вдоль коридора: «Внимание контингента! Контингент приглашается...» Я верю в это!

Елена Гнеушева.
комиссар сельхозотряда
«Журналист» 1-2, 25 января 1988 г.

Да здравствует братство колхозное!

Сводный сельхозотряд ВГУ «Тамлык» работает в совхозе «Рогачевский» Новоусманского района. Со всей ответственностью, с полным «знанием своего гражданского долга» работают студенты — юристы, географы, экономисты, журналисты и математики с факультета ПММ.

Сегодня мы рассказываем о жизни объединенного отряда филологов и журналистов.

«Дзынь, дзынь, дзынь!..» - несетя со всех сторон. Сколько десятков таких дзыньканий» — и ведро наполнено доверху. А несколько десятков тысяч — уже отрядная норма. Дневная норма на человека — 650 кг, на отряд — 18-20 тонн, в зависимости от числа работающих. Вот и звучит над полем такая веселая музыка «дзынь, дзынь»... Впрочем, есть и свои «сольные партии». То с одной, то с другой грядки летит звонкий девичий голос: «Ведро!». Ему вторит мужской: «Есть ведро!». Кто-либо из бригады грузчиков (пять журналистов и два «одолженных» для подкрепления юриста) спешит на зов. Быстро мелькают ловкие руки сборщиц, проворно снуют от грядок к машине грузчики. И уже налицо интенсификация труда: Герман Полтаев, Сергей Рвачев, Вова Грязнов носят сразу по четыре ведра. И это своеобразный показатель темпа работы. Я слышала, как Герман однажды сказал: «Сегодня я даже ни разу не брал по четыре ведра». Действительно, тогда работали под мелким, морозящим дождиком, поле быстро размокало, сырая картошка так и норовила выскользнуть из рук, машины продвигались медленно. А после обеда и вовсе нельзя было работать. Пропитанная дождем, раскисшая земля не подпускала к себе ни людей, ни технику. А по сухой погоде работа идет споро, быстро движутся по грядкам сборщицы. Оксана Подгорная, Света Понина, Александра Антонович, Света Калугина, Лена Шипилова, Таня Деева, Наташа Овсянникова, Бактыгуль Эминбаева, Лариса Бессмертных... Да что говорить, почти все девушки не раз отмечались в выпусках «молнии» (и я прошу извинения у всех тех, чьи фамилии остались неназванными).

Почти непрерывно работают моторы грузовиков, продвигающихся по грядкам. Иногда в общем движении образуются «островки неподвижности» — загруженная машина уходит и в ожидании следующей можно передохнуть и при случае, как говорится, себя показать. Стоило только снять крышку с объектива, как тут же был, готов объект для снимка: сборная студенческо - преподавательская команда филологов и журналистов сияла ослепительными улыбками (см. фото). А команда «старичков», для которых этот колхоз — последний, попросила снять их вместе с преподавателями В. В. Инютиным и А. В. Скобелевым, но фото просили не публиковать.

Но что взлетает в воздух? Уж не чепчики ли? Нет, это возникла «перестрелка»: юный, неопытный юрист забрался в кузов нагруженной уже машины и ведет «прицельный огонь» до журналистам. Интересно, как отреагирует преподаватель В. В. Инютин на такое грубое нарушение техники безопасности? Пора, пора строго одернуть, поставить на вид... Но голос любимого всеми Тин-Тиныча звучит совсем не строго, даже наоборот: - А что, Костя, слабо тебе бросить нам сразу всю машину?.. Под дружный хохот «нарушитель» покидает свою огневую точку». Да уж, и выдумки, чувства юмора не занимать. С первых же дней работы отряда все эти качества начали проявляться сами собой. На дверях комнат появились своеобразные «визитные карточки», в веселой, остроумной форме представляющие их обитателей. Стенгазеты, «молнии», лозунги... Уже приходилось для них отыскивать свободное местечко на стене.

В один из дождливых дней решили воспользоваться тем, что работать все равно нельзя и после обеда журналисты пригласили всех в клуб на «вечер при свечах». И представьте, неплохо получилось. Я слышала, как одна из филологинь, к которой приехали родители, упрашивала: «Папа, ну, пожалуйста, подожди, пока кончится наш вечер, мне так хочется дослушать» Интересно прошли такие мероприятия, как вечер, посвященный факультету журналистики, посвящение второкурсников в «колхозники», проводы четвертого курса, беседы о театре и литературе. Многие лучшие из качеств, присущих советским студентам, проявляются в это веселое время со скучным названием — «сельхозработы». Трудлюбие, дисциплинированность, ответственность — вот нормы отрядной жизни. Но есть еще одна черта, характерная и для работы, и для досуга. Это молодой, хороший азарт, заставляющий догрузить последнюю машину, даже если наступило обеденное время, и допеть последнюю («ну еще только одну, самую-самую последнюю, честное слово!») песню, даже если уже настало время отбоя.

Не так легка и проста жизнь сельхозотряда, как может показаться на первый взгляд. Есть в ней свои трудности и огорчения, есть поводы для «воспитательных бесед». Но главная управляющая сила здесь — студенческий коллектив. На двери одной из комнат появилась надпись «Да здравствует братство колхозное!». И, действительно, братство, которое накормит, оденет и согреет, поможет выстоять в дождь и холод, пожалеет и простит все, кроме предательства.

...Мелькают в поле платочки, куртки, шапочки. Студенты собирают картошку. И не только руководство совхоза, но и сама земля, освобожденная от созревшего плода, будет благодарна их добрым, ловким, молодым рукам. Спасибо колхозному братству!

Л. ЛЮЛИЧЕВА, преподаватель факультета журналистики.
ВУ, 11 октября 1985 г.

Рогачевка, 1985

Логос экспериментальный

В этом году объединенный сельскохозяйственный отряд филологов и журналистов «Логос» работал в условиях эксперимента. О его подготовке и результатах мы попросили рассказать руководителя «Логоса» АНДРЕЯ ВЛАДИСЛАВОВИЧА СКОБЕЛЕВА.

- Скажите, Андрей Владиславович, как родилась идея эксперимента и в чем его особенность?

А. В. Скобелев: Всем известно, что работа студента осенью - объективная необходимость. Естественно, что у этого процесса есть свои трудности. Мы, преподаватели-колхозники», условно разделяем их на две группы: первая — место работы, которое меняется каждый год, а значит, каждый раз приходится приспосабливаться к новым условиям труда и жизни; вторая — время выезда. Мы давно считаем, что надо устанавливать постоянную связь с тем хозяйством, которое нас устраивает в большей степени: где условия работы благополучные и быт обустроен нормально. Таким хозяйством мог стать колхоз «Путь Ленина» Новоусманского района. Были мы там в 1983 и в 1986 годах. Сложилась теплая отношения с секретарем парткома хозяйства В. А. Стребковым. Одно нас не устраивало и не устраивает — быт. Это, а также то, что завершающий этап прошлогодних полевых работ проходил в буквальном смысле под снегом, и зародило идею эксперимента. Именно тогда стали раздаваться голоса о более раннем выезде в колхоз с той целью, чтобы выполнить объем работ до' осенней распутицы. Ведь известно, что первые две декады сентября, как правило, отличаются устойчивой погодой, позже начинаются дожди. В результате отряд вынужден простаивать около десяти дней. Непогода снижает темпы работ, больше становится заболеваний, страдает в итоге и учебный процесс.

Нам и государству выгодно начать уборку раньше. Поэтому в текущем году мы сориентировались на выезд в колхоз 25 августа. В выборе хозяйства нам помог обком комсомола, который предложил несколько колхозов и совхозов. Выбор пал на совхоз «Юбилейный» Новоусманского района. Привлекло нас к нему, главным образом, новое общежитие городского типа, ибо на первом плане для нас — нормальный быт студентов. Деловым показалось и руководство хозяйства, к тому же вспоминался и далекий теперь уже 1980 год, когда филологи трудились в «Юбилейном». Итак, мы выехали 25 августа и в тот же день приступили к работе...

— Зачастую в колхозах на студентов смотрят как на дешевую рабочую силу. Интересы отрядов не учитываются, поэтому не последнюю роль играет договор, заключаемый с хозяйством. По какому пути пошли в «Логосе»?

Договор - важная составная часть подготовки к сельхозработам. Вместе с И. А. Стерниным и командиром отряда студентов В. Грязновым мы заключили договор с «Юбилейным» заранее. Для этого три раза выезжали на место будущей дислокации отряда. Мы были нужны хозяйству в последних числах августа, так как в совхозе культивируются ранние сорта картофеля, дирекция пошла на ряд уступок экономического характера. В частности, были снижены нормы выработки на 15 процентов, что дало прибавку в зарплате. Средний «чистый» заработок в день составил 2 руб. 50 коп. Это совсем неплохо, но меньше, чем в прошлогоднем колхозе.

Важнейшим пунктом договора были и сроки пребывания в хозяйстве, которые напрямую были связаны с объектом работы. Мы имели конкретные цифры — собрать 830 тонн картофеля. Плановое задание было выполнено уже 16 сентября, на полмесяца раньше, чем в других отрядах ВГУ. Выезд же отряда в город был перенесен на пять дней по разного рода обстоятельствам, мало зависящим от руководства нашего отряда.

-Что вы можете сказать о работе бойцов и бойниц «Логоса» в ходе эксперимента?

Мы регулярно перевыполняли норму, но использовали не все свои возможности, так как у «необстрелянного» первого курса выработка была ниже, чем у старшекурсников. Явление естественное, и я не хочу попрекать первачков, они сделали почти все, что могли.

Значит, ли, что успешное завершение эксперимента положит начало ранним срокам выезда сельхозотряда «Логос», и будет ли продолжаться союз «Логос» — «Юбилейный»?

На будущий год мы, возможно, опять поедem в «Юбилейный». Общежитие там наконец-то достроили. Правда, некоторые ветераны колхозного движения, такие, как Н. Журавлева и Е. Гнеушева, выражали крайнее неудовольствие по поводу комфортабельных условий в «колхозе», Они считают, что душевые с теплой водой, комнаты на четырех человек и прочее — явные излишества, разрушающие все прелести колхозной жизни. Может быть, они и правы. Поживем — увидим.

Хочется в заключение поблагодарить наших студентов за то, что они откликнулись на эксперимент, проявили сознательность, пожертвовали неделей своих каникул ради идеи. Станет ли эксперимент постоянной формой работы «Логоса»? - решать бойцам отряда. Мы можем отметить, что польза от результатов эксперимента очевидна...

Виктор Бредихин.
«Журналист», 25 января 1988 г.

ОДНА ТОННА... ПЕСЕН ... И 240 ИХ ДЕТЕЙ

Так, наверное, можно было бы одной фразой сказать о пребывании филологов и журналистов в совхозе «Рогачевский» Новоусманского района. Потому что есть в ней главной — тонны картошки и немного меньше по весу песен...

«Солнце тускло темнело над полем...» Первая фраза «молнии» интриговала. Проходившие мимо останавливались, с интересом смотрели на цифру, алевшую в центре, 1011. Обозначать она могла только одно — новый рекорд. 882, 1005, 1011 килограммов на человека... Возможности

отряда кажутся поистине безграничными. Однако, поле имеет свои границы. Как же устанавливался рекорд?

...А если нам еще вон тот самосвальчик взять, сколько у нас тонн будет?— теребили за рукав В. В. Инютина, руководителя сельхозотряда филфака, студенты, указывая на «КамАЗ».

- Зачем он вам?

- Как зачем? Чтобы тонна на человека была!

И вот командир отряда филологов, растопырив руки, словно собираясь взлететь, «ловит» мчащуюся машину...

А после работы очередная «молния», как всегда, поведала об успехе бойцов сельхозотряда. Кстати, когда по окончании работы собрали все «молнии», их оказалось всего 34. Быть может, через полсотни лет какая-нибудь бабушка-филологиня будет быть, и споет ему песню. Помните?

«Ну что ж вы грустите, бойцы и бойщицы?

Колхоз позади

и его не вернуть.

Вчерашним циклоном обветрены лица,

И снегом засыпан

Нелегкий наш путь».

Это строчки из песни, которую пели на последнем вечере-концерте. А сколько их было до этого! Читайте.

Концерт, посвященный Международному дню солидарности журналистов, «Вечер при свечах», «Посвящение в совхозники», «Проводы ветеранов», «Вечер колхозно-совхозной песни», концерт, посвященный Дню Конституции. А разве могут быть спланированы, разграфлены и учтены тихие вечера с песнями под гитару?

Это не колхоз, а фестиваль какой-то! — сказал кто-то из студентов,— Песни, шутки, грамоты, премии...

Закончилась рогачевская осень. Ее дух братства, коллективизм, настроение перенесены теперь в учебные аудитории. И сейчас, встречая в коридоре товарищей по факультету; мы спрашиваем:

- А ты был в Рогачевке?

Дождь начался незаметно. Россыпь воды оседала на куртках, Потемнела голубая кабина «ЗИЛа», небо «плакало» уж несколько минут. Внеплановое поэтическое настроение нарушали лишь капли воды, попавшие за воротник, громкое чавканье сапог и натужное рваное рывканье застрявшего самосвала.

Ноги разъезжаются в разные стороны. Идти под проливным дождём трудно. Кажется, даже вода стремится попасть в и без того переполненные и тяжелые от налипшей грязи ведра. И вдруг...

Маленькое чудо! Желтый автобус, старательно объезжая лужи, разворачивается прямо перед нами...

По дороге водитель разговорился:

— Комиссару вашему скажите спасибо. Мокнуть бы вам без него под дождем. Кто в такую грязь на поле поедет? А он упросил. Вот, помню, я тоже в прошлом году в соседнем колхозе работал, там было иначе...

- Вижу я, — начинает В. Г. Кулиничев, преподаватель кафедры теории и практики журналистики, и слух автоматически переключается на него. — Вижу я: идет наш комиссар, Петр Иванович Леоненко, а вдалеке машина едет по полю. А если глаза прищурить, кажется, она у него под ногами проезжает... Ну, а если бы Борис Дмитриевич Щукин шел, я, наверное, вообще бы испугался за водителя— вдруг он его лимузинчик раздавит?

Студенты рассмеялись. Возможно, потому, что Борис Дмитриевич и в самом деле настоящий Гулливер. А может, потому, что командир и комиссар, как добрые волшебники, могут почти все: «пригнать» на поле машины, выбить из «гранитной администрации» совхоза причитающиеся «дождевые», настоять на том, чтобы общежития стали отапливать, «выцыганить» у директора лишней десяток грамот для награждения передовиков. А сколько еще этих «выпросить», «настоять», «потребовать»... И еще пожалеть... студентов.

Правда, и студенты искренне заботились о своих руководителях. В последнюю ночь пребывания в совхозе они даже охраняли их чуткий сон. Периодически в ночном коридоре раздавался удар в жестяной таз, и грубый мужской голос, дрожащий от переполнявшей его теплоты и заботливости, успокаивал:

- Спите спокойно, Борис Дмитриевич и Петр Иванович!

А отдохнуть им, действительно, не мешало бы, ведь 45 дней и ночей жизнь была ключом, и в центре всех отрядных дел были комиссар П. И. Леоненко, командир Б. Д. Щукин, руководители отряда филологов и журналистов В. В. Инютин, В. Г. Кулиничев, А. В. Скобелев, А. П. Валагин, Л. Г. Люличева.

В. Грязнов,
И. Семенов,
студенты факультета журналистики.
ВУ, 21 ноября 1985 г.

Коротко о главном

Вопрос:

Большинство старшекурсников говорит о том, что нынешний колхоз в значительной степени отличается от предыдущего. Главным образом— первокурсниками. Как вы оцениваете те взаимоотношения, которые сложились в отряде? Каким вы предполагали увидеть первый курс? Насколько оправдались ваши ожидания?

Валя Михайлова и Оля Чернига, студентки II курса филологического факультета:

На первом курсе мы были не такими. Вы вот приехали и сразу же начали с претензий. Суть их сводилась к расхожей в иных колхозах фразе: «Мы что, пахать сюда приехали?» А сколько было толков по поводу не совсем «комфортных» условий жизни. Такое отношение нас насторожило. Мы ведь в прошлой году жили еще хуже, а работали — как в бой шли. Нам стыдно было плохо работать на грядке. Если же кто и отставал, то помогали друг другу, и не считались: я больше работаю, а кто-то меньше. У нынешних же первокурсников с чувством взаимовыручки было что-то неладное. Мы жили дружнее. Не помним, чтобы прошлой осенью забивались в комнаты по вечерам. Все что-то сочиняли. Всех все интересовало. Провожали «стариков» — был праздник. Сколько мы тогда для них стихов придумали! Потому что мы искренне полюбили своих «стариков». А в этом году? К мероприятиям готовили программы в основном IV и II курсы. Лишь единицы из первачков что-то делали... Мы как-то смотрели на все широко раскрытыми глазами. Может быть, были наивнее и непосредственнее нынешних первокурсников. Проще как-то. И когда раньше других нас увозили в город, мы плакали, умоляли оставить еще хоть на недельку...

Таково мнение представителей «старшего» поколения сельхозотряда «Логос». «Молодая поросль» думает по-иному.

В наш разговор включаются студентки первого курса факультета журналистики Юля Селунская, Наташа Копосова и Валя Мовилло.

Вопрос: Каким вы ожидали увидеть колхоз?

Ю.Селунская: Никаким не ожидала увидеть. Колхоз и колхоз. У меня все получилось неожиданно. Только приехала в Воронеж, вещи в гостинице, а в деканате узнаю, что завтра в колхоз. Ну и поехала. Встретилась с чем-то неожиданным, новым. Дух перехватило. Но на фоне всего не устраивал наш первый курс. С завистью смотрела на «старичков». Отношения между ними подкупали какой-то искренностью, теплотой. Это и запомнилось. А еще поразили препы. Не такие они, как мы привыкли себе представлять.

Вопрос: Что вы думаете о первом курсе? Справедливо ли его обвиняют в пассивности? Ведь было и так: «старички» что-то делают, а молодежь отсиживается по своим комнатам. Может быть, действительно по комнатам сидеть было интереснее?

Ю. Селунская: Какое там интереснее! Ну чем можно заниматься в комнате? Разве что в карты играть?

Н. Копосова: Да и комната наша была недружной. Создались группировки всевозможные, у каждого свои интересы. Никто не хотел «высовываться».

В. Мовилло: Я вот что скажу: некоторые просто откровенно демонстрировали свой скепсис. И не только к нашим вечерам, но и к работе. Подход ко всему был один: не нравится — значит глупо, ненужно.

Вопрос: Что же помешало всем нам сдружиться?

Ю. Селунская: Не хватало терпимости, внимания друг к другу. Не было желания понять кого-то и быть понятым самому. Помешал эгоизм...

И наконец, наш собеседник — командир отряда «Логос» Владимир Грязнов.

Вопрос: Оправдались твои надежды в этом колхозе?

В. Грязнов: Прошедший колхоз был, к сожалению, последним студенческим колхозом в моей жизни. Конечно, отправляясь в Горенские Выселки, я надеялся, что все пройдет на уровне. Очень жаль, но удалось не все. В прошлом году колхоз, как говорится, пошёл - сразу. Быстро притерлись первокурсники. Проблемы, конечно, были, но иного порядка. И здесь, скорее всего, не следует во всем винить молодых. Любое вживание в новый коллектив проходит болезненно. Надо говорить другом. Очень слабеньким оказался четвертый курс, наши «старики», они, откровенно говоря, не смогли повести за собой первачков, не смогли «потянуть» колхоз. В такой ситуации «командование» на себя должен был взять второй курс, где собрались действительно «забойные» колхозницы. Но, увы, сработал извечный стереотип: есть постарше, пусть они и командуют. Не сразу понял это и я. Было упущено время, наверстывали с трудом. Но все же колхоз состоялся...

Состоялся, потому что, несмотря на все трудности, мы жили интересно, потому что в колхозе родились новые «толстые» и «шестнадцать с половиной» — я говорю об объединениях ребят по интересам, родились «крестоносцы» и «вурдалаки», раскрылись новые таланты, появились новые песни...

Дискуссию вел студент 1 курса
факультета журналистики В. Бычков
«Журналист», 25 января 1988

«ПРЕПЫ ИМЕННО ТАКИЕ НАМ НУЖНЫ...»

Студенческий колхоз без препа? Нашего доброго, особенного, филфако-журфаковского препа? Да что вы, друзья! Это же абсурд! Ну где вы видели дождь без воды? Море без берега? Мир без любви? Да, лихие вы ребята: колхоз, и вдруг там нет Кулиничева, Скобелева, Инютина. А Стернин? Ну и что, если он сейчас в ГДР, слава богу, и там есть сельские кооперативные предприятия!

А как мы любим своих преподав! Препов. Вы задумывались, почему именно преподав, а не преподавателей. Потому, что они свои, наши. Вы можете представить, что к В. В. Корневу обратились, как к препу?

В колхозе рождается множество песен, частушек о наших преподав, в честь их, для них. И это выражение лишь малой части той любви, которые питают к ним бойцы и бойщицы отряда «Логос».

А так о них отзываются Г.Серенко и Ю.Кондратенко, студентки второго курса отделения журналистики:

У костра по уши в саже,
Вы совсем, как мы. И даже
Вы подъем проспите также,
Как и мы.
В шутке, как в своей стихии,
По-студенчески лихие.
Препы именно такие нам нужны.

Вместе с нами вы по грядке
Вдаль ползете,
Вместе с нами вам заплатят
Лишь пятак.
Не за ранги и медали
Вы в колхозе так страдали,
Препов всех других едва ли
Любят так.

* * *

Об Инютине много уже говорилось:
Мол, губитель природы, злодей, живодер!
Мы вчера наблюдали, как кормит Тин Тиных
Того самого пса за углом, словно вор.
Он боится прослыть мягкотелым и добрым,
А в душе он любому заместо отца.
Посмотрите, как нам преподносит он ведра,
Он готов и студента любить, словно пса.

* * *

Перед его частушкой мы дрожали,
 И не было беды у нас другой.
 Вопили: неужели вам не жаль нас?
 Кулиничев, не надо, дорогой!
 А нынче борозда тиха, как пустошь,
 В молчанье грузим «гроб», один, другой,
 Шепча в слезах: за что ты нас так мучишь?
 Ну сочини хоть строчку, дорогой!

* * *

Песни допеты и угли дотла сожжены,
 Мы на рассвете впадаем в короткие сны,
 Но Владиславович «Баньку» врубает опять,
 Спать невозможно, так ведь невозможно и встать.
 Милое мое солнышко колхоза,
 Объяви подъем хоть на час попозже.
 Милое мое солнышко отряда
 Объявлять подъем и совсем не надо!

В. В. ИНЮТИНУ.

День такой ненастный, вид у нас несчастный.
 Хлебный мякиш мокнет в карманах.
 Дождь слепой и грустный, нынче даже Тульский,
 Молчалив и мрачен, как монах.
 Тин Тиныч! До столовой прокати!
 От ангин ты ангел наш хранитель.
 Сядь за руль и рысью сквозь дождь лети!⁸
 В панике бежит пусть местный житель.
 Тин Тиныч! Два червонца, как с куста.
 Хватит подвозить одних лишь препов.
 Да не жлобись ты, видим, что есть места,
 Да впусти же нас в свою карету!
 И вот летим по тракту, да по грязной травке
 В кузове Кулиничев поет.

⁸ В одном из сёл по дороге из столовой в общежитие стоял брошенный остов грузового автомобиля без колёс, без мотора, без кузова, но с кабиной, в ней - сиденье и, главное, руль. В. Инютин забирался в кабину, сажал студенток и крутил руль, изображая звуки машины ("др-р-р-р!" ", "бип-бип!"). Он катал желающих по селу или отвозил за границу, например, в Швецию, а чаще в Ниццу: "там тепло, там апельсины".

Тормознули ловко у крыльца столовки,
Скобелев нам ручку подает

Тин Тиныч! За углом постой пока,
Не волнуйся, мы вернемся быстро,
Только сгложем кости местного быка,
Чтоб потом не подойти на выстрел.
Как селетки в бочке, мы друг друга топчем.
Наш фургон несется вдоль стерни,
Нам не до работы: травит анекдоты
С виду так приличный гражданин.
Дорога нам бока еще намнет,
Раз надолго здесь нас поселили,
Пусть асфальт до поля директор проведет,
Доски ж до сортира проложили.
Тин Тиныч! Отвези меня домой!
Здесь ночами воют псы, как волки,
Ну, а если жить нам здесь придется и зимой,
Обещай, родной, что будешь елкой!

Юлия Кондратенко, Галина Серенко.
«Журналист», 1-2, 25 января 1988 г.

В.В.Инютин

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ

*Но все кончается, кончается, кончается,
Придет сентябрь, филфак уедет на поля.
Но без тебя теперь картошка собирается,
Смирнов «Штицрутен» свой строчит не про тебя.*

Они пели это и плакали, а мы, тогда еще второкурсники, смотрели на «ветеранов» и завидовали (ведь они уже сложили свою песню). Казалось, до нашего последнего колхоза еще далеко, да и придется ли нам так же пожалеть о том, что «все кончается»? Разве могли мы тогда знать, что, три года спустя, там же, в Н. Катуховке, в один из осенних вечеров мы начнем наше прощание с колхозом той же песней и только теперь поймем, как трудно сдерживать слезы, потому, что, для тебя кончается это чудо — филфаковский колхоз.

Филфаковские колхозы — явление уникальное. Каждый из них имеет свое лицо, создает (если он состоялся) единый сплоченный коллектив — живой, порой усталый, противоречивый — но единый. Атмосфера, в которой живет колхоз, к сожалению, недостижима в нашей повседневной студенческой жизни. Вот почему на вопрос, что сохранит наша память от этих лет, мы, не задумываясь, ответим: прежде всего — колхозы.

- Колхозы? — удивится геолог,
- Колхозы?! — иронически протянет юрист.
- Да, колхозы!

Колхозы, куда приезжают, отработав пол-года в стройотряде, колхозы, где хрупкие филологини дают по 1,5—2 нормы, и, кажется, нет больше сил, но крик командира: «Окрысились!» — и что она нам, усталость! Колхозы, обычный рабочий день из которых можно вспомнить по минутам спустя полтора года, где на грядках танцуют вальс и рок-н-ролл, где «препы» посвящают студентам стихи (и какие стихи!). Колхозы, из которых, уезжая, плачут, куда рвутся «старики», чтобы поработать, пообщаться, вспомнить... В последний, катуховский, колхоз приезжало столько гостей — «ветеранов», что пришлось подумать о «комнате для гостей» и даже о проекте «Дома престарелых».

Мы помним недоумение в глазах первокурсников при нашем, первом появлении: «А разве V курс посылают в колхоз? Разве это обязательно?». Они сами найдут ответ на свой вопрос, вернувшись сюда после отъезда, хотя уже не «посылают» и не «обязательно». Это им теперь жить колхозами, создавать новые песни, уезжать и возвращаться, хранить филфаковские традиции.

И, значит, ничто не кончается. Просто это мы уходим — уходим, оставив свою песню:

Знаем, будет и другое и другие,
Знаем, суждено всему сменяться.
Что поделаешь, ведь все мы заменимы.

Руку, друг! Пришла пора прощаться.

А. Мякинина, Г.Кудряш (V курса филфака).

Ох, сколько же пота в рабочей отваге!
Эх, сколько же метров в одной борозде!
Сейчас бы хоть каплю живительной влаги...
Ах, белая лошадь, ну где же ты, где?

НАШЕ НАЧАЛО

Хотели мы ехать в колхоз?

Нет.

Честно говоря, перспектива таскать по несколько часов подряд тяжеленные ведра с картошкой, жить в общежитии без привычных удобств нас не прельщала.

Да.

Перемена обстановки, желание ближе узнать своих сокурсников, найти новых друзей, отдохнуть, наконец, после хождений по экзаменационным «кругам адовым» — вот что привлекало нас в будущей поездке.

Но, так или иначе, 3 сентября по деканатскому велению с утра пораньше мы, квартирьеры I и III курсов собрались на университетской площади, готовые двинуться в путь. С трудом протискивая в двери сумки и рюкзаки, погрузились в автобус. И вот остались позади громадные буквы «Воронеж», и на целый месяц мы распрощались с городской цивилизацией.

Примерно через час показалась Катуховка. Полуразрушенная церковь, длинная пустынная улица, утки, барахтающиеся в луже, выложенный белым кирпичом коровник...

- А вот здесь мы будем жить, — кивает в сторону коровника А. В. Скобелев.

Удачная, шутка подняла наше настроение на высоту Эвереста, где оно и просидело 30 дней, возмещая кислородное голодание.

Вечером мы сидели на скрипучих кроватях при дрожащем свете свечи, не зная, чем заняться. Темы для разговоров были исчерпаны, запас анекдотов иссяк. От скуки мы уж собрались было спать...

«Ребята. Мы вас приглашаем в нашу комнату пить чай».

Предложение старшекурсников оказалось для нас приятной неожиданностью; мы думали, «старики» отнесутся к нам как к неопытным малолетками, только-только покинувшим школьную скамью и ничего не смыслящим в студенческой жизни.

...Это был не только «банкет» в честь нашего приезда в колхоз. Начиналась наша дружба, наше колхозное братство. Сколько раз потом мы собирались по вечерам вот так, все вместе. Помните первый колхозный костер? Помните, как пели под гитару, читали стихи, слушали рассказы наших милых препов, рассуждали о странностях любви? И — незаметно для себя — учились сложному искусству общения, сдруживались. У нас на глазах из шумной разнородной массы вчера еще незнакомых людей рождался коллектив.

Расти и крепнуть ему помогала работа. Каждодневная трудная работа. В любую погоду, в жару, в дождь и грязь. Странное дело: поначалу с непривычки болели мышцы, ломило спину, а мы будто и не замечали этого, думали лишь о том, чтобы первыми дойти до кромки поля. Призывный клич нашего бригадира Тани Чеваниной: «Не отставай, ребята! Вперед!» — словно обновлял наши силы, и мы шли по грядке, все убыстряя темп. А вечером, едва смыв с себя толстый слой пыли, спешили к «экрану соревнования», чтобы с удовлетворением взглянуть на цифру «1» в строке третьей бригады.

Сознание первенства не давало нам расслабиться, оно было для нас верным стимулом работать лучше. Бригада первокурсников (мы называли себя «картофелеуборочные комбайны «Студент ВГУ-1») била все рекорды. В один прекрасный день выработка на человека превысила тонну и на тысячу граммов перебила рекорд прошлого года. Лучшей награды мы не требовали.

Как-то вдруг подошел день отъезда. С вещами в руках шли мы по раскисшей от дождей дороге и оглядывались на общежитие. Хотелось бросить все и вернуться туда, ведь там оставались наши «старики». Но мы молча брели к автобусу, который должен был отвезти нас в город. Впереди нас ждала учеба.

Три, месяца потом сидели мы в аудитории в ожидании первой сессии — писали конспекты, слушали лекции. Но каждый день кто-нибудь обязательно вспоминал то место, где начался наш университет, наша студенческая жизнь.

Хотим ли мы поехать в колхоз?

Да!

М. Гончаров,
О. Головнев,
студенты I курса

ФИЛФАК ДЛЯ НАС...

Из дневника старшекурсника

**«... сентября 1986 г.»,
село Нижняя Катуховка**

Приехали. Вышли из автобуса. Все разбрелись по кучкам: филологи в одной стороне, журналисты - в другой, старшекурсники - отдельно от всех. И уже появилась гитара, и девочка с длинными волосами, наверное — журфак, поет Визбора.

«...сентября 1986 г.»

Да, а работают лучше, чем в прошлом году, когда наш отряд соседствовал с юристами. (Кстати, сейчас соседний сельхозотряд, убирающий картошку в том же колхозе, нашу общую работу изрядно портит). Девчонки, первый курс, молодцы! И филологи, и журналисты. Их работу можно, пожалуй, сравнить с Нижней Катуховкой-1983.

«...сентября 1986 г.»

Это страшное слово — «Подъем». Вечером не оторвешься от песен Геры и Юльки, а утром... Кошмар!!! К тому же, придумали бригадный конкурс — кто лучше поднимет отряд. И теперь, вместо привычного голоса И. А. Стернина, каждое утро что-то новенькое: то мяукают, то противно кричат, а вчера били в сковороду.

"... сентября 1986 г.»

Сегодня девчонки решили утереть нос ребятам. Забрались на машину — «Мы будем принимать ведра!» Не вышло. Через полчаса запросились на землю... Картошка. Везде картошка. Ребята носят по четыре ведра.

"... сентября 1986 г.».

Вечер. Костер, Мы посвящаем первокурсников в «колхозники». «Препы» произнесли традиционную речь. Конкурсы. Песни. Вспомнился первый костер, который тоже был здесь. Все-таки, хоть у нас теперь свой факультет, но «жур» и «фил» всегда будут вместе.

"... сентября 1986 г.».

Всю ночь снилась картошка. Отряд дал рекорд — 1012 килограммов собрано на одного человека. А вчера каждый собрал по 802 килограмма. Тяжело, а отряд наращивает темп, словно не ощущает тяжести. Ребята вечером умудряются еще и играть в футбол.

"... сентября 1986 г.»

Первокурсники чувствовали «старичков». Удивительно, приехали Аллочка и Галочка, пятикурсницы филфака. Два дня работали вместе с нами. Колхоз не забывается. Это, наверное, на всю жизнь.

"... сентября 1986 г.»

Последние дни в колхозе.

Вчера на поле пошел сначала снег, потом — дождь. А потом, прямо возле нас появилась радуга, двойная. И сразу:

- Да это же наш отряд - филфак и журфак!

Я подумал: а может случиться так, что мы уйдем, а нас, общую работу, колхоз, песни забудут? Неужели, забудут? Не верю.

Тяжкий сон (после работы)
с вдохновеньем пополам...
переходит сквозь зевоту
вновь в работу - по утрам.

Подготовил к печати Д. Зарубин (IV курс).

ОТ РЕДАКЦИИ: По просьбе владельца дневника мы не стали упоминать его фамилию и убрали даты. ("Журналист")

ЛИШЬ НА МГНОВЕНЬЕ ВО ВЧЕРА...

Здравствуйте, дорогие - сокурсницы и сокурсники, друзья по факультету! Здравия желаю, тамлычанки и тамлычаковцы! Ах, вы же не знаете, откуда появилось это загадочное слово «Тамлык».

Вспоминается (дело было, прошлой, осенью, во время колхоза-85), как руководители сводного сельхозотряда объявили конкурс на лучшее название. Около недели Таня Лебедева, Сергей Макаровский и Гера Полтаев старательно записывали все названия, которые только существуют на свете, начиная с безобидного «Одуванчика» и кончай длинным списком названий футбольных команд второй лиги класса «Ю».

И вот на вечернем построении командир объявляет:

- Победителем стало название... — он делает эффектную паузу...

- Факел!!! — не выдерживают у кого-то нервы.

- Нет, - качает головой командир. — Наш отряд будет называться...

- Я хочу, чтобы его назвали Фемистоклюсом, — загадочно улыбается Нина Вострикова, глядя на Бориса Дмитриевича Щукина, нашего командира.

А тот еще раз оглядывает строй и произносит:

...будет называться...

- Моден фрекинг! - выкрикнул Витя Бредихин и попытался выбежать на середину, чтобы исполнить брейк. Но его удержала стоящая рядом Оля Моисеева. Это не прошло бесследно: год спустя они поженились.

— Победителем стало название «Тамлык»... Так называется речка, которая протекает неподалеку....

Вот так с тяжелой руки Бориса Дмитриевича мы стали тамлыковцами. Накипевшее в конце концов вылилось у Вадима Георгиевича Кулиничева в такие строчки, которые он прочитал на Заключительном концерте и одновременно опубликовал в газете «Шпицрутен» тиражом один экземпляр:

Тамлык, Тамлык — родное слово.

Его заслышав, плачу, я.

Запечатлелась в нем основа
картофельного бытия.

И если кто-то спросит важно:

Ну, как там в Рогачевке вам?

Отвечу я:

ТАМ ЛЫК не вяжем,

картофель убираем там.

Ну, вот, наверное, и все. Воспоминаний о колхозе хватило бы, по крайней мере, на оставшиеся полтора года. Но старыми впечатлениями сыт не будешь, а у вас они свежие. С нетерпением жду ваших писем. До свидания!

И. СЕМЕНОВ, Горьковская обл.
 Р. С. Ребята, я, конечно, чуть-чуть приврал, но вы извините.
 "Журналист"

Свое счастье я в колхозе выстрадал

Монолог командира

Не совсем привычным кажется это, но все именно так и было. Подошел ко мне как-то Вадим Георгиевич Кулиничев и просто сказал: «Поделись опытом». Опытом той самой работы, которая вот уже около десятка лет с завидным успехом ведется в сельскохозяйственном отряде филологического факультета, а проще сказать — в нашем колхозе. Написал «ведется», а у самого по сердцу, словно, ножом. Не ведется, мы ее сами ведем, живем ею. И многие без нее просто не могут.

Филфаковский колхоз — явление уникальное. Об этом много говорили, об этом часто писали. Уникум этот объяснить нелегко. Надо прожить хотя бы один сезон по законам «колхоза», хотя бы одну осень выехать вместе со всеми в поля. Только там и ощущается нечто такое, о чем потом идут споры, о чем с сожалением вздыхают, с чем мечтают снова и снова встретиться.

Да что изливаться-то — кто не был, тот будет, кто был — не забудет...

Поделиться опытом... Четыре года — поездки в колхоз, из них три — командиром. Говорят, рекорд. А для меня — работа и счастье, не побоюсь этого слова.

До сих пор без волнения не могу вспоминать о том сентябрьском теплом вечере, когда во дворе нашего длинного барака, где мы жили вместе с юристами, географами, геологами и прочими товарищами-соперниками, после общего собрания отряда «Тамлык» (было у нас и такое название), на котором, сотрясая соседние стены громоподобным голосом, Борис Дмитриевич Щукин, тогдашний руководитель сводного отряда, объявил о нашем существовании как о боевой картофелеуборочной

единице... Сгрудились тесным кружком филологи. Журналисты тогда еще не были настоящими журналистами, ибо журфак существовал всего лишь несколько дней, и все выбрали меня командиром. Может, кто-то не поймет, но на меня это произвело большее впечатление, чем те же самые выборы моей кандидатуры в состав факультетского бюро ВЛКСМ. С того самого вечера все, пожалуй, и началось. Девчонки стали «красавицами моими», бойцы отряда на следующее утро неожиданно «окрысились!». В общем, потекла наша жизнь.

Было трудно. Во-первых, только второй курс, а командовать приходилось «колхозными зубрами», которые не только собаку на этом уже слопали, но и сотни котлет, тысячи крылышек (кормят-то везде одинаково)

Во-вторых, не было того самого опыта, которым сейчас делюсь. «Часто становится взлетом падение», и у нас были свои взлеты.

Выше всего мы залетели в прошлом году, когда заняли первое место среди сельхозотрядов Новоусманской зоны. В этом году на первую ступеньку нам подняться не дали, просто вовремя ликвидировали зону.

Командиром быть сложно. Это только так кажется, что он постоянно кокетничает, валяет дурака, красуется перед девчонками, что у него нет сердца, не болит голова, что на любой случай жизни у него готов ответ, что он может запудрить мозги каждому (кстати, это тоже приходит с опытом), что он знает буквально все: от самых мелочей, типа — куда «подевалась 128-я наволочка», до дел глобальных - «когда мы отсюда уедем». Сердце у командира есть, и оно имеет склонность часто болеть. Думать ему приходится о многом. А эти взаимоотношения с бригадами, ведь в коллективах девчонки (!). Были и слезы. Может, стыдно об этом упоминать, так сказать, лицу мужского пола, но — было, чего уж тут скрывать. Эх, ладно...

Откуда приходит успех? Первое — препы. Они у нас особенные, таких нигде больше нет, в этом вы убедитесь, если пока еще не поняли. Без них многое в колхозе было бы не по-колхозному, не по-нашенски. Да и вообще, было бы? Второе — «старики». Это они «тянут» на себе колхоз. Правда, «старики» бывают разные. В Рогачевке, например, — то что надо. Потом они нас «замучили» в Нижней Катуховке своими гостевыми приездами, а в Гор. Выселках вообще прочно обосновались и на правах «мэстных» осаждали «Логос». Есть «старики» и слабые. Как-то выпали из отрядной канвы четверокурсники прошлого года, да и в этом сезоне старшекурсники не полностью выкладывались. Наконец, дух. Тот самый филфаковский дух, который и превращает заурядную поездку на сельхозработы в праздник, в уникам. Атмосфера веселости, открытости и жизнерадостности, братства и взаимовыручки, дружбы и взаимопонимания помогает раскрытию талантов. А чтобы все это было, командир сам должен быть в родстве с этим духом, следить за ним, поддерживать его. Когда-то он берет на себя очень много, главное — не бояться, помнить, что

дух может обернуться и «душком». Но этого в опыте, пожалуй, нет. Поделиться нечем.

Проблемы. Вот, например, в этом году пришел «плохой» первый курс. Приделали ярлык, и готово. Конечно, ребята — сложные, но ведь они не могут быть «плохими», ибо первого курса пока нет, он только будет. И чтобы он был хорошим, надо делать его таким. Да простят меня первачки, но вас надо именно делать, делать, чтобы вы были наши. К старости, пусть пока еще «колхозной», каждый задумывается над важным вопросом: кто останется после тебя? Сейчас я с уверенностью могу сказать: наши традиции будут жить, по крайней мере, еще четыре года. И это самая дорогая награда. Значит — не зря!

Опыт. Делиться им можно. Полезен он или нет, кто знает, главное - он дорог мне. А еще дороги те вечера, когда, сев тесным кругом у костра, пели, когда, с неохотой поднявшись рано утром, выходили в поле, когда... Остаются воспоминания и надежда на то, что следующей осенью, отложив все дела, взяв себе выходной, мы уедем в колхоз, где нас будут ждать! Ждать! Друзья, препы, и те, кто примет эстафету филфаковского колхоза. Остается надеяться. А пока:

*«Бывают дни, когда опустишь руки
И загрустишь не в шутку, а всерьез,*

*Когда душа изноет вся от скуки,
Я вспоминаю старый наш колхоз...»*

Владимир Грязнов,
бывший командир сельхзотряда «Логос»,
«Журналист», 25 января 1988 г.

Фотодокументы (колхозы в фотографиях)

Это сейчас на каждом сотовом телефоне фотоаппарат. А в колхозное время это вообще было редкостью — брать фотоаппарат в колхоз. Не у всех были, да и страшно — вдруг пропадет. Фотографировали обычно приезжавшие гости.

Фото не очень качественные. Многих не узнать, забылся год и колхоз.

Но мы решили опубликовать фотографии и в тех случаях, если не удалось найти конкретной информации об изображенных людях — известно только, что это наши колхозные фотографии. Просто в таком случае указано, кто эти фотографии нам прислал.

Те, кто изображен на снимках, могут себя узнать, а те, кто их не знает — пусть для них эти фотографии будут общим образом «бойцов» и «бойниц» филолого-журналистских отрядов,

Вот так мы выглядели на поле — это документ эпохи.

Вот так мы выглядели в молодости – это документ нашей судьбы. Поэтому, мы все выглядели супер!

Сельхозотряд филфака ВГУ. "Бригада прорыва" хлебом-солью встречает сельхозотряд.
с. Нижняя Катуховка Новоусманского района. 1983

Хлеб-соль приезжающему отряду от квартиреров, которые выехали в колхоз заранее подготовить общежитие.

Горенские выселки, 1983

Это мы приехали на поле.

На погрузке картошки в поле. Сельхозотряд филфака ВГУ. с. Нижняя Катуховка Новоусманского района. 1983

Погрузка картошки

Сельхозотряд филфака ВГУ. Бригада грузчиков. Совхоз Тимирязевский Новоусманского района. 1982

Сельхозотряд филфака ВГУ. Бригада грузчиков. Совхоз Тимирязевский Новоусманского района. 1982

Погрузка помидоров

Командир В.Грязнов работает с документами на капоте ЗИЛа

Бойщицы

А мы и не устали!

1977

1978

Рогачевка 1985

Рогачевка: лежбище

Если повезет - отдохнем на стогу

Рогачевка 1985

Без названия

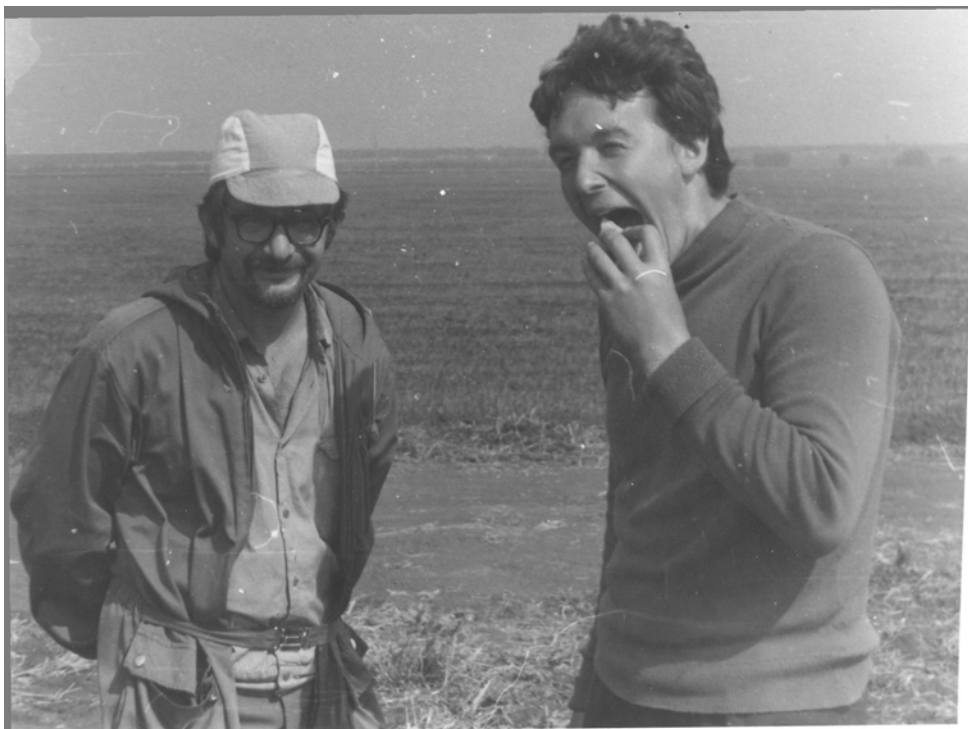
Макарѐ 1982

Должен же быть какой-то порядок...

Декан Т.А.Никонова приехала на поле к филологам

Студент всегда голодный...

Идем с поля

Рогачевка 1985

Преподавательская «фракция» отряда (Горенские выселки 1983)

Главное - веселый дух

Костер будет!

После работы вышли «за околицу» - там у дороги стоял давно отслуживший свое автобус, облепили его и сфотографировались всем отрядом на память. Мы – в вечности!

Конец «Архипелага»

В 1991 году по университету были отданы последние в его истории приказы о направлении сотрудников и студентов на сельхозработы. Мы нашли эти приказы в архиве университета и просто не можем не привести их.

Приказ с решительным названием «О направлении на сельхозработы» от 19 июня 1991 г. предписывал подразделениям выделить людей «на заготовку кормов»:

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ВОРОНЕЖСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

19.06.91 г. Воронеж № 122

О направлении на с/х работы

Во исполнение распоряжения Центрального райисполкома от 17.06.91 № 96 с целью оказания действенной помощи хозяйствам Калачеевского р-на в заготовке кормов.

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Направить в колхозы и совхозы Калачеевского р-на с 20.06 по 15.07 сотрудников следующих подразделений

НИИМ	-	5 чел.
ИВЦ	-	10 чел.
Научная библиотека	-	5 чел.
Физический ф-т	-	10 чел.
Химический ф-т	-	5 чел.
Геолог. ф-т	-	7 чел.
МЛЭУ	-	5 чел.
б/п ф/т	-	10 чел.
ф-т ПММ	-	5 чел.
матем. ф-т	-	3 чел.
географ. ф-т	-	3 чел.
историч. ф-т	-	3 чел.
ф-т РГУ	-	5 чел.
филологич. ф-т	-	5 чел.
экономич. ф-т	-	4 чел.
юридичес. ф-т	-	-

Тип. ВГУ. З. 2-90. Т. 5000.

2

подготов. ф-т и
деканат по работе
с иностр.учащимися - 5 чел.
общеуниверситетские
службы - 10 чел.

2. Отpravку произвести поездом Воронеж-Калач. Распределение по хозяйствам осуществляет Калачеевский райисполком. Оплата проездных расходов производится хозяйством.

3. Руководителям подразделений провести совместно с руководителями общественных организаций соответствующую разъяснительную работу, определить персональный состав распоряжением.

Ректор

В.В.Гусев

Согласовано:

Канцелярия

Ю.Ф.Епифанцев

Разослать: указанным подразделениям, ОК, канцелярии.

B

Обратите внимание, что следующим приказом (от 1 августа 1991 г. № 156 «О привлечении сотрудников на сельхозработы») сотрудников мобилизовали уже просто *на сельхозработы*, без указания того, что они должны будут делать – значит, люди должны были быть просто разнорабочими, работать «куда пошлют»:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
 ВОРОНЕЖСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
 УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

1.08.91г.

г. Воронеж

№ 156

О привлечении сотрудни-
 ков на с/х работы

Во исполнение распоряжения Центрального райисполкома
 от 11.07.91 № 145

П Р Е Д Л А Г А Ю:

1. Направить на с/х работы в хозяйства Подгоренского
 р-на сотрудников

- физического ф-та - 5 чел.
- геологического ф-та - 3 чел.
- ф-та РГФ - 1 чел.
- юридического ф-та - 1 чел.
- б/п ф-та - 2 чел.
- АХЧ - 2 чел.
- ИВЦ - 7 чел.
- МЛЭУ - 2 чел.

2. Установить сроки проведения работ с 5 по 25 августа
 т.г.

3. Проезд осуществлять за счет хозяйства при условии
 выполнения не менее 14 дневных норм.

4. Отpravку произвести ж.д. транспортом. Регистрация
 производится в отделе кадров Подгоренского райисполкома.

Ректор

В.В.Гусев

Согласовано:

Канцелярия

Тип. ВГУ. З. 4-91. Т. 3800.

Разослать: указанным подразделениям, канцелярии.

И главный приказ этого года - № 160 от 19 августа 1991 г. «О направлении студентов на с/х работы»: он подробный, со ссылками на решения всевозможных инстанций и четкой последовательностью действий для факультетов:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ВОРОНЕЖСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

П Р И К А З

19.08.91

г. Воронеж

№

160

О направлении студентов
на с/х работы

Правительство РСФСР, Воронежский облисполком обратились ко всей студенческой молодежи с призывом об оказании помощи в обеспечении уборки урожая, они призывают студенчество отнестись с должным пониманием в необходимости внести свой вклад в улучшение продовольственного снабжения населения.

В связи с острой необходимостью оказания действенной помощи хозяйствам Воронежской области в уборке и переработке урожая и в соответствии с приказом Госкомобразования СССР № 212 от 05.05.91 г., приказом Госкомитета РСФСР по делам науки и высшей школы № 282 от 05.04.91 г., Решением Воронежского облисполкома № 163 от 05.04.91 г.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Привлечь на срок не свыше одного месяца на с/х работы студентов университета согласно приложению.
2. Деканам факультетов обеспечить заключение прямых хозяйственных договоров с хозяйствами. В договорах предусмотреть сроки начала и планируемые объемы работ, число направляемых студентов и руководителей групп, систему оплаты их труда, вопросы социально-бытового обустройства, питания, обеспечения студенческого общепита ВГУ сельхозпродукцией и т.д. При заключении договоров привлекать представителей студенчества, общественных организаций. Ознакомить студентов с условиями их участия в осенних сельхозработах.
3. Отделу охраны труда провести 30.08.91 г. инструктивное совещание по технике безопасности при производстве с/х работ с преподавателями-руководителями студенческих групп.
4. Учебному отделу командировать преподавателей-руководителей студенческих групп из расчета 1 преподаватель на 25 человек. (с их добровольного согласия и с предварительным уведомлением об оплате командировок, условиях проживания и возможности стимулирования поездами).

Тел. ВГУ. 3. 3-91. Т. 3000.

П Р И Л О Ж Е Н И Е
к приказу № 160 от 19.08.91

Химический факультет

- I к. - с-з "Артамоновский" Новоусманский р-н
III к. - с-з "Хреновской" Бобровский р-н

Математический факультет

- I к. - к-з "Зареченский" Новоусманский р-н
II к. - с-з "Хреновской" Бобровский р-н

Географический факультет

- I-II к. - к-з "Путь Ленина" Новоусманский р-н

Физический факультет

- I к. - с-з "Армановский" Новоусманский р-н
III к. - с-з "Новоусманский" Новоусманский р-н

Биолого-почвенный факультет

- I-II к. - с-з "Новоусманский" Новоусманский р-н

Юридический ф-т

- I-II к. - с-з им. Ленина Новоусманский р-н

Геологический факультет

- I к. - консервный з-д г.Острогожск

Филологический ф-т и факультет журналистики

- I к. - к-з им.Калинина Новоусманский р-н

Исторический факультет

- I-II к. - с-з "Новоусманский" Новоусманский р-н

Экономический факультет

- I к. - к-з "Путь к коммунизму" Рамонский р-н

ФАКУЛЬТЕТ РГФ

- I к. - к-з "Путь Ленина" Новоусманский р-н

Факультет ПММ

- I к. - с-з "Новоусманский" Новоусманский р-н
II к. - с-з "Бороздиновский" Новохоперский р-н

2

5. Окончательный вызов студентов из хозяйств осуществлять по мере выполнения установленных объемов работ, предусмотренных договорами.

6. С целью организации контроля за проведением с/х работ АХЧ (т. Бирюков А.И.) выделить на период их проведения а/м УАЗ-469 с водителем.

7. Контроль за исполнением приказа оставляю за собой.

Ректор

В.В.Гусев

Проект вносит
Пом. ректора Ю.Ф.Епифанцев

Согласовано:

Профком студентов А.Н.Александровский

Профком сотрудников С.А.Запрягаев

Нач. ООТ Р.Ш.Шевченко

Уч.отдел В.С.Листенгартен

Канцелярия Ю.Ф.Епифанцев

Р а з о с л а т ь: ООТ, профкомы, деканаты, АХЧ, канц.,
уч.отдел.

И это, как оказалось, был последний аккорд «Архипелага». В 1992 году никаких приказов о направлении сотрудников и студентов в «колхоз» в

архиве университета обнаружить уже не удалось. «Архипелаг КОЛХОЗ» ушел в историю

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, подошла к концу наша книга воспоминаний об университетских колхозах.

«Колхозы» – это уже история. То, что написано в этой книге – это наша реальная история. Это все было. И это история страны, история университета, и наша личная история, история всех авторов этой книги.

Любая история требует осмысления. Что за явление «колхозы» в жизни страны, в нашей университетской жизни, в жизни каждого из нас – читатель пусть судит сам. Выводы наверняка будут неоднозначными, да и как же иначе?

Мы помним колхозы именно так, как мы об этом написали - с позиций сегодняшнего дня. Некоторые факты и события уже подзабылись, и в нашем альманахе представлены разные их версии – мы решили оставить все так. Таким мы видели и воспринимали колхоз в нашей университетской жизни.

В колхозах и вокруг них бывало всякое, это видно из того, что написано в воспоминаниях тех, кто стал нашими авторами. Но что заметно – мы все по прошествии лет вспоминаем наши колхозы, в общем, без сожаления. Помнится хорошее, веселое, доброе.

Колхозы - часть прожитой нами вместе университетской жизни, важная часть воспоминаний каждого из нас о своей молодости.

Всем студентам и студенткам филфака и журфака, всем нашим преподавателям – ветеранам «колхозов» мы посвящаем эту книгу.

В.Инютин, И.Стернин

СОДЕРЖАНИЕ

Слово ректора

Об этой книге (И.А.Стернин, В.В.Инютин)

Архипелаг КОЛХОЗ

Стернин И.А.	«Архипелаг Колхоз»
Скобелев А.В.	Мой «Архипелаг»
Ботникова А.Б.	Колхозная страда
Митракова Н.М.	Сентябрь 1960 года
Кройчик Л.Е.	Мои «колхозы»
Ломов А.М.	Колхозные были
Тулупов В.В.	Как я однажды провёл колхозным летом...
Ковалев Г.Ф.	В колхозе всякое было...
Инютин В.В.	Выхожу один я на дорогу...
Бармина Е.	О светлом
Бисерова Н.	Есть что вспомнить
Грачева Ж.	Колхозные «университеты»
Громова С.	Филфак без колхоза неполный
Журавлева Н.	Театр и животные
Инютин В.В.	Как я управлял лошадьё
Калугина С., Чернига Н.	Снова осень крутит кино про колхоз...
Козельская Н.А.	Колхозные песни с комментариями
Мякинина А.	Пора собираться...
Овсянникова Н.	«Лоскутное одеяло моих воспоминаний»
Орловская Л.	Нам было восемнадцать
Полтаев Герман	Отечество нам – русское село
Полтаева Г.(Кудряш)	Чемоданчик
Саломатина (Фомина) И.	Колхозные мотивы
Стернин И.А.	Студенческая «трудовая повинность»
Чугунов Д.А.	Городской мальчик на картошке
Шилихина К.М.	Нас в колхоз привезли...

Колхозное творчество

Что о нас писали

Неумирающая деревня. В.Кулиничев.
 В село приехал «Логос». С.Нечипоренко
 «Вниманию контингента! Контингент приглашается...» Е.Гнеушева
 Да здравствует братство колхозное! Л.Люличева
 «Логос» экспериментальный. В.Бредихин

Одна тонна... песен... В. Грязнов, И. Семенов

Коротко о главном. В.Бычков

«Препы именно такие нам нужны...». Ю.Кондратенко, Г.Серенко

Оптимистическая элегия. А.Мякина

Наше начало. М.Гончаров, О.Головнев

Лишь на мгновенье во вчера... И.Семенов

Свое счастье я в колхозе выстрадал... В.Грязнов

Фотодокументы (*наши «колхозы» в фотографиях*)

Конец «Архипелага»

Послесловие (И.А.Стернин, В.В.Инютин)